

Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

2020 ТОМ 12 № 3

DOI 10.22363/2312-8127-2020-12-3

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Научный журнал

Издается с 2009 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61173 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор серии

С.А. Воронин, д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, директор Центра Исторической Экспертизы и Государственного Прогнозирования

Заместитель

главного редактора

И.Д. Стефанидис, профессор Университета имени Аристотеля (Греция)

Ответственный секретарь серии

Е.А. Базанова, кандидат исторических наук, ассистент кафедры всеобщей истории РУДН

Члены редколлегии

Абу аль-Хассан Мусса Бакри, доктор исторических наук, профессор Каирского университета (Египет)

Гвоздева И.А., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ

Дуткевич П., доктор философских наук, директор Центра государственного управления Университета Карлтона (Канада), действительный член Центра цивилизационных и региональных исследований Российской академии наук

Ларин Е.А., доктор исторических наук, профессор, заведующий Центром Латиноамериканских исследований Института всеобщей истории Российской академии наук

Нарангоа Ли, профессор Австралийского Национального университета (Австралия)

Пономаренко Л.В., доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, заместитель декана факультета гуманитарных и социальных наук РУДН

К Варику, профессор Университета имени Джавахарлала Неру (Индия)

Смоленский Н.И., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой, новейшей истории и методологии МГОУ

Хазанов А.М., доктор исторических наук, профессор Института всеобщей истории Российской академии наук

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

ISSN 2312-8127 (Print); ISSN 2312-833X (Online)

4 выпуска в год

[http:// http://journals.rudn.ru/world-history](http://http://journals.rudn.ru/world-history)

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, Dimensions, EBSCOhost.

Цель и тематика

Журнал Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история (Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история) – периодическое международное рецензируемое научное издание в области исторических исследований. Целью журнала является распространение и апробация современных методов и новейших достижений исторической науки.

Журнал предназначен для публикаций результатов самостоятельных оригинальных научных исследований ученых в виде статей, обзорных материалов, научных сообщений, библиографических обзоров по определенным темам и научным направлениям.

Тематика публикаций в журнале охватывает все области изучения исторического процесса с древности до современности. В рамках журнала ключевое значение имеет проблематика, связанная с социально-политическим и культурным развитием мировых цивилизаций Востока и Запада с древности до сегодняшнего времени; также значительное внимание уделяется публикации исследований по проблемам стран Африки, Азии и Латинской Америки.

Перечень отраслей науки и групп специальностей научных работников в соответствии с номенклатурой ВАК РФ: Отрасль науки: 07.00.00 Исторические науки и археология. Специальности: 07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода), 07.00.07 Этнография, этнология и антропология, 07.00.09 Историография, источниковедение и методы научного исследования, 07.00.15 История международных отношений и внешней политики.

Основные рубрики журнала: из истории исторической науки, идеи и политика в истории, Восток – Запад: диалог цивилизаций, античный мир, политическая история Востока и Запада, из истории ислама, из истории Китая, археологические исследования и др.

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству специалистов, работающих в русле вышеуказанных направлений, по подготовке специальных тематических выпусков.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: [http:// http://journals.rudn.ru/world-history](http://http://journals.rudn.ru/world-history).

Электронный адрес: histj@rudn.university.

Литературный редактор *К.В. Зенкин*
Компьютерная верстка: *Ю.Н. Ефремова*
Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала «Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история»:
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 434-21-12; e-mail: histj@rudn.ru

Подписано в печать 20.06.2020. Выход в свет 05.07.2020. Формат 70×100/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 8,45. Тираж 500 экз. Заказ № 630. Цена свободная
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов» (РУДН)
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Отпечатано в типографии ИПК РУДН
Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов, 2020

RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY

2020 VOLUME 12 NUMBER 3

DOI 10.22363/2312-8127-2020-12-3

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Scientific journal

Founded in 2009

Editor in Chief

S. Voronin, Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Head of the Chair of the World History of the Faculty of Humanities and Social Sciences at RUDN University, Head of Historical Examination and State Prognostication Centre

Deputy Editor-in-Chief

I.D. Stefanidis, Professor of the Aristotle University (Greece)

Executive Secretary

E. Bazanova, Candidate of Historical Sciences, Assistant of the Department of World History of RUDN University

Members of Editorial Board

Abu al Hassan Musa Bakri, Ph.D. in History, Professor of the Cairo University (Cairo, Egypt)

Gvozdeva I., Ph.D. in History, Associate Professor of the Chair of the Ancient History of History Faculty of Moscow State University

Dutkiewicz P., Ph.D. in Philosophy, Director of the Center of Public Administration Carleton University (Canada), member of Center for Civilization and Regional Studies, Russian Academy of Sciences, Russian Academy of Sciences

Larin E., Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Professor, Head of the Center for Latin American Studies of the Institute of General History of Russian Academy of Sciences

Narangoa Lee, Professor in Australian National University (Australia)

Ponomarenko L., Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Professor of the Theory and History of International Relations Chair, Vice-Dean at International Affairs of the Faculty of Humanities and Social Sciences at RUDN University

Variku K, Professor in the University Jawaharlal Nehru (India)

Smolenskiy N., Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Professor, Head of the Chair of modern and contemporary history and methodology of the Moscow State Regional University

Hazanov A., Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Professor of the Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences

RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY
Published by Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, the Russian Federation

ISSN 2312-8127 (Print); ISSN 2312-833X (Online)

4 issues per year

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Languages: Russian, English.

Materials of the Journal are placed on the platform of Russian Science Citation Index (eLIBRARY.RU), Electronic Library Cyberleninka, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, Dimensions, EBSCOhost.

Aims and Scope

RUDN Journal of World History is a periodic peer-reviewed international scientific journal publishing articles and book reviews on world history. The goal of the journal is the dissemination and approbation of modern methods and the latest achievements of historical science.

RUDN Journal of World History is committed to the publication of original research covering a broad range of historical subjects and approaches from antiquity to modern times. The journal has a special focus on socio-political and cultural development of Western and Eastern civilizations from ancient times to modernity. It also focuses on actual problems of African, Asian and Latin American studies.

The list of branches of science and groups of specialties of scientists in accordance with the nomenclature of the Higher Attestation Commission of Russia: 07.00.00 – Historical Science and Archeology. Specialties: 07.00.03 World History (Relevant Period), 07.00.07 Ethnography, Ethnology, Anthropology, 07.00.09 Historiography, Source Study, Methods of Historical Research, 07.00.15 History of international Relations and Foreign Policy.

General journal sections: History of historical science, Ideas and policy in history, East and West: the dialogue of civilizations, The Ancient world, Political history of East and West, Islamic studies, Chinese studies, Archeological studies, etc.

In addition to research articles, the journal also welcomes book reviews, conference reports and research project announcements. The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/world-history>.

E-mail: histj@rudn.university.

Review Editor *K.V. Zenkin*

Layout Designer *Yu.N. Efremova*

Address of the editorial board:

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of RUDN Journal of World History:

10 Miklukho-Maklaya St., bldg. 2, Moscow, 117198, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 434-21-12; e-mail: histj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education

"Peoples' Friendship University of Russia" (RUDN University)

6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

© Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ИДЕИ И ПОЛИТИКА В ИСТОРИИ

- Якеменко Б.Г.** Концентрационные лагеря нацистской Германии как феномен: возможности и проблема понимания 211
- Пракапович Н.В.** Место образования в концепции «Нового общества» авторитарного режима Фердинанда Маркоса на Филиппинах (1972–1982 гг.) 222

ИЗ ИСТОРИИ ВОСТОКА

- Китинов Б.У.** Особенности политико-религиозного развития ойратов в середине XIV – середине XV вв. 236
- Янь Миньцзя.** Аббасидские и саманидские военные институты как исторический контекст для Газнавидов 250

СОВРЕМЕННЫЙ МИР

- Кумие Г.А.** Политические и экономические отношения Эфиопии и Китая на современном этапе (ENG) 261
- Дашян М.А., Куделин А.А.** Политика Турции в отношении этнических меньшинств (ENG) 274
- Данилов А.В.** Становление ведущих ВУЗов США и Ассоциации внешней политики как элементов публичной дипломатии США 286

ИЗ ИСТОРИИ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

- Зизева Э.В.** Организационная структура Движения за национальное освобождение Тупамарос в Уругвае (1965–1972 гг.) 292

РЕЦЕНЗИИ

- Воронин С.А.** Будущее без сценария. Размышления над публикацией С. Иванова «Как коронавирус изменит Россию и мир? Сценарии будущего» 302

CONTENTS

IDEAS AND POLITICS IN HISTORY

- Yakemenko B.G.** Concentration camps of Nazi Germany as a phenomenon. Opportunities and the problem of understanding 211
- Prakapovich N.** Role of education in the concept of the “New Society” of the authoritarian regime of Ferdinand Marcos in the Philippines (1972–1982) 222

HISTORY OF THE EAST

- Kitinov B.** The Features of Political and Religious Development of Oirats in the middle of the XIV – the middle of the XV centuries 236
- Yan Minjia.** Abbasid and Samanid military institutions as historical background for the Ghaznawids 250

MODERN WORLD

- Kumie G.A.** An assessment of Ethio-China Political Economic Relations Since 1991 261
- Dashyan M., Kudelin A.A.** The Ethnic Minority Policy of Turkey 274
- Danilov A.V.** Retrospective of using the US universities and the Foreign Policy Association as elements of public diplomacy in the United States 286

LATIN AMERICAN STUDIES

- Zizeva E.V.** Organizational structure of the Tupamaros National Liberation Movement in Uruguay (1965–1972) 292

REVIEWS

- Voronin S.A.** A future without scenario. Reflections on the publication of S. Ivanov 302

ИДЕИ И ПОЛИТИКА В ИСТОРИИ IDEAS AND POLITICS IN HISTORY

DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-3-211-221

Научная статья

Концентрационные лагеря нацистской Германии как феномен: возможности и проблема понимания

Б.Г. Якеменко

Российский университет дружбы народов
117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

В данной статье речь идет о нацистских концентрационных лагерях как феномене социальной жизни и общественной мысли Европы середины – второй половины XX столетия. Сегодня, когда мир переживает кризис политических и общественных институтов, остается все меньше надежд, что это осознание произойдет. Говорится о предпосылках формирования системы концентрационных лагерей нацистской Германии, о формах их функционирования, приводятся сравнительные данные о статистике количества лагерей. Также указывается на важность понимания процессов психологического уничтожения человека в лагере.

Ключевые слова: концлагерь, нацизм, психология, заключенный, феноменология, память, тоталитаризм

Система концентрационных лагерей нацизма (или, в терминологии Д. Русса, «Концентрационного мира»), невзирая на обилие специальной литературы на эту тему, является феноменом, который только сегодня историческая наука начинает для себя раскрывать. Особенно сложной сферой для исследователей был и остается внутренний мир узников лагерей, ментальные, психологические и физические состояния, в которых оказывались заключенные. Это связано с тем, что одной из самых сложных проблем, с которой сталкивается исследователь феноменологии Концентрационного мира, становится непосредственно проблема понимания указанного явления. Возможно ли понять эту феноменологию и если возможно, то в какой степени?

Даже наличие значительной источниковой и историографической базы заставляет прийти к выводу, что исчерпывающее понимание этого феномена (если не ударяться в мистику и не редуцировать Концентрационный мир ис-

© Якеменко Б.Г., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

ключительно к формам выражения патологий человеческой личности) чрезвычайно затруднительно. Это подметил еще Ж. Лакан на одном из своих семинаров. «В современной истории остается нечто такое, – говорит он, – что для всех критических оценок лежит, по прежнему, за семью печатями. Я имею в виду породившую чудовищное, и оставшееся якобы в прошлом, явление холокоста драму – драму нацизма. Никакая основанная на гегельяно-марксистских предпосылках историческая концепция не может, на мой взгляд, дать вулканическому этому выбросу объяснение. И это доказывает, что жертвоприношение темным богам остается чем-то таким, чьему чудовищному обаянию редкий субъект способен, и в наши дни, не поддаться» [1. С. 291].

Философ Э. Факенхайм также считает, что уникальность произошедшего непостижима по определению. «Возможно, однажды мы сможем объяснить, как это произошло – но сумеем ли когда-нибудь объяснить, почему это произошло?... Прежде всего, невозможно поверить, что такое уникальное событие произошло при нашей жизни... Если все же событие должно быть поверено разумом, тогда соответствующая категория ... осознается достаточной для понимания события; однако разум, по врожденной привычке, неизбежно сопротивляется мысли о том, что в случае уникального характера события данные категории – именно потому, что они не более чем категории – недостаточны для постижения события, а по существу, лишь являются средствами обойти событие. И, наконец, существует общеизвестная философская проблема: может ли “уникальное” – уникальное любого рода – вообще поверяться мыслью?» [2. С. 10]. Таким образом, существующие методы понимания (прежде всего, сравнительно исторический анализ) Концентрационного мира, который ни с чем нельзя сравнить, неизбежно приведут к натяжкам и упрощениям.

Есть еще одна существенная проблема. Психолог В. Франкл, переживший концлагерь, писал, что при рассмотрении этого явления «внешний наблюдатель находится на слишком большой дистанции и едва ли в состоянии прочувствовать ситуацию, то тот, кто был “внутри” ее и вжился в нее, находится на чересчур малой дистанции. Другими словами, принципиальная проблема заключалась в том, что приходилось вводить допущение» [3]. То, что произошло в концентрационных лагерях нацизма, находится за пределами любой рациональности, за границами любой науки. Можно объяснить пассивность и апатию, пользуясь психологическими категориями «выученной беспомощности» [4], а жестокость эсэсовцев патологиями, алчностью, садизмом, необходимостью, но Концентрационный мир не делится без остатка на эти объяснения.

Масштаб трагедии концентрационных лагерей гораздо больше человеческих возможностей ее постижения, не говоря уже о том, что вторичное погружение во все закоулки ужасов, там происходивших, было не по силам порой даже тем, кто это видел своими глазами и потом пытался осмыслить. Не случайно бывшие узники Освенцима и Треблинки, такие как П. Леви, Ж. Амери, Р. Глацар, Т. Боровски, которые попытались постичь феномен

Концентрационного мира, в итоге покончили с собой, не будучи в состоянии пережить все произошедшее еще раз. По точному замечанию И. Кертеса, «освобождение лагерей только отсрочило приговор, который избранные смерти позднее нередко приводили в исполнение сами» [5]. Самому И. Кертесу удалось избежать самоубийства, очевидно, только благодаря созданию романа «Самоликвидация», где кончает с собой его альтер эго – писатель и переводчик Б., прошедший через лагерь. Примечательно, что глубокое проникновение в тему Концентрационного мира, попытки взглянуть на него изнутри приводили к подобному трагическому концу даже тех, кто сам не был узником. Это, например, американский психолог Терренс де Пре, автор одной из наиболее глубоких книг по психологии выживания в концентрационном лагере [6], или американский писатель польско-еврейского происхождения Ежи Косински, практически все книги которого были посвящены Холокосту.

В целом именно позиция наблюдателя, который в процессе наблюдения во многом и становится тем самым «допущением» В. Франкла, становится главным препятствием на пути к пониманию описываемого феномена, так как Концентрационный мир в том виде, в котором он предъявляет себя, существует только как объект, во многом формируемый процессом наблюдения. Последнее устанавливает связь, выстраивает отношения с объектом, который чувствует это отношение. Наблюдателю необходимо понять, понимается объект или нет, способен ли он произвести понимание или нет. Отношение объекта к наблюдателю так же важно, как и наблюдателя к нему.

Проблема понимания феномена Концентрационного мира состоит еще и в психологической ошибке, которую неизбежно делает наблюдатель. Именно потому, что она психологическая, ее трудно заметить и еще труднее избежать. Понимание, которое наблюдатель демонстрирует по отношению к жизни и страданиям заключенного в лагере, во многом основано на том, что наблюдатель не представляет себе, как бы сам он на его месте жил и выносил подобные мучения и поэтому приписывает заключенному свои собственные чувства и эмоции. В данной ситуации понимание неосознанно подменяется следствиями аберрации мысли, фантазиями, поскольку в описанной схеме наблюдатель представляет себе заключенного как обычного человека, то есть как себя, вынужденного переносить страдания заключенного. В этом кроется основная ошибка, так как заключенный представляет собой совсем иное, в корне измененное состояние человеческой природы, причем измененное не только духовно, ментально, но и телесно, он ощущает все по-своему, не только сознанием, но и телом, и чтобы понять это, надо им стать.

Разнообразные страдания, которые составляют нерв и суть жизни заключенного, так подчиняют его себе, что между страданием и заключенным устанавливается система взаимоотношений, в которой огромную роль играют скрытые механизмы психики, неисследованные ресурсы тела, о которых ранее заключенный не подозревал, а наблюдатель при всем желании не может принять это в расчет. Страдания в лагере имеют более или менее понятные

пределы, дойдя до которых большинство умирает. Те же узники, кому удастся сохранить жизнь, переходят в фантомное состояние, которое, как мы увидим, является непознанным феноменом, областью предположений и описаний, которые имеют соотносительный характер и оттого не могут считаться объективными, так как, по точному замечанию А. Неера, «Освенцим нельзя сравнить ни с чем» [7. С. 50]. То есть Концентрационный мир можно описать как тотальный кризис репрезентаций. Кроме того, эти состояния могут быть опять же описаны и познаны только изнутри Концентрационного мира, с исчезновением которого навсегда исчезла и возможность достоверного описания. Те же самые механизмы не дают возможности понять палачей – поставить себя на их место даже на минуту намного сложнее, нежели на место узников.

Не меньшую проблему представляют собой свидетельства бывших узников. Говоря о непосредственных свидетелях произошедшего, неизбежно приходится сталкиваться с рядом противоречий, которые можно обозначить как «проблема свидетеля», ибо свидетель из Концентрационного мира – это не свидетель дорожной автомобильной катастрофы – последнее явление случайное, спонтанное, неотрефлексированное. Напротив, во многих воспоминаниях выживших узников можно видеть тезис о том, что желание стать свидетелем часто являлось единственной рефлексией происходящего и становилось реальной и последней возможностью выжить.

Однако возможно ли стать свидетелем того, что происходило в концентрационных лагерях? И кого можно считать настоящим свидетелем? При определении «статуса свидетеля» возникает ряд трудноразрешимых задач. Прежде всего, любой свидетель свидетельствует только о том, что он непосредственно видел вокруг себя. Даже если таких свидетельств множество, ни одно из них не более доказательно и не менее субъективно, чем чье-то другое. В результате возникает ситуация, когда все слова в предложении понятны, но общий смысл предложения остается неясным и невозможно понять, есть ли вообще этот смысл. То есть бытие в лагере существует только как сумма частей в событиях или даже не в событиях, а в социальных и биологических происшествиях, что и фиксируют сохранившиеся свидетельства. Тем более, что Концентрационный мир, если применять к нему архитектурную терминологию Р. Колхаса, был «неместом», попадая в которое, человек оказывался «нигде». В этих условиях обрести почву под ногами, «особыть» бытие, оказаться «где-то», стать свидетелем, можно было только предельным усилием структуры сознания, то есть путем интерпретаций.

В итоге Концентрационный мир неизбежно оказывался пространством постоянных интерпретаций, то есть любое свидетельство было максимально субъективировано. М. Мамардашвили и А. Пятигорский считали, что когда связь между сознанием и интерпретацией оказывается неразделимой, возникает миф [8. С. 70]. Таким образом, мы еще раз приходим к выводу, что Концентрационный мир – это мифологическое пространство, а не пространство истории, что подчеркивается закономерностью, подмеченной Р. Жираром – в пространстве мифа всегда существуют только боги и никогда их жертвы

[9. С. 45]. Однако это мифологическое пространство стало реальностью и фактом именно благодаря беспрецедентному количеству жертв. Тем не менее, свидетельство о мифе – это нечто совсем иное, нежели свидетельство о событии.

Любое глобальное явление, как правило, всегда больше, чем математическая сумма его составляющих, что более чем актуально для такого явления, как Концентрационный мир, где скрещиваются несколько уровней реальности, ее восприятия и оценок. Поэтому первая проблема заключается в необходимости перейти с уровня суммы свидетельств (фиксированных событий) на уровень понимания целостного явления (бытия).

Другая проблема свидетеля (внутреннего наблюдателя) заключается в том, что позиция наблюдателя превращает происходящее перед ним в зрелище, явление, историческое событие, восприятие которого напрямую зависит от визуального опыта наблюдающего. Иными словами, опытный театральный зритель или истинно верующий видит окружающее иначе, нежели человек, не имеющий подобного опыта. Один воспринимает окружающее, как игру, другой как конфликт видимой и невидимой реальности и т.д. Однако Концентрационный мир – это не зрелище, не явление и не событие, а внеисторическое бытие в точке своего предела, и поэтому прежний опыт наблюдателя, как правило, выхватывает из этого бытия только то, что является привычным и доступным для понимания самого наблюдателя. То есть опять же целостная онтология Концентрационного мира ускользает от наблюдения и остается неотрефлексированной и незафиксированной.

Кроме того, когда все подробности, извлеченные из памяти свидетеля, становятся нарративом, возникает еще одна проблема – данный нарратив испытывает сильное влияние чисто человеческой субъективности (как уже говорилось выше, в пространстве интерпретаций субъективность достигает своего абсолюта), которая формируется не только самим свидетелем, но временем, прошедшим с момента заключения, позицией вопрошающего (если это интервью), целями и задачами воспоминаний, социальным опытом и отношением окружающего мира к проблеме лагерей («многофакторному» субъективизму свидетеля посвящена часть известной работы Л. Нитхаммера) [10. С. 9–95]. В результате предъявленные свидетельства становятся пространством, которое осваивается только с помощью герменевтического опыта воспринимающего, той территорией, где опыт субъекта излагающего становится предметом рефлексии субъекта слушающего.

Можно выделить еще одну психологическую особенность свидетеля, особенно того, который получил тяжелейшую травму в лагере. Такая масштабная травма, ставшая псевдоморфозой, но неотъемлемой частью личного опыта и памяти свидетеля, исключает возможность ее передачи кому-либо, адресат становится не нужен. Любая попытка свидетельствовать об этой травме приводит к ликвидации адресата, так как описать и адекватно передать эту травму невозможно прежде всего потому, что достоверность боли – предельно личная категория, приводящая к обреченности высказанного. Поэтому эта попытка неизбежно заканчивается монологом, обращенным на са-

мого свидетеля, феноменальность редуцируется в ноуменальность, говорящий и слушающий совпадают в одном лице, трагический опыт пережитого достигает пределов личного и максимума неотъемлемости.

Все это усиливает ощущение невозможности ни адекватно передать пережитую травму, ни достичь адекватного понимания без утраты достоверности, то есть истинности произошедшего. В попытках быть услышанным свидетель вынужден расчленять невозможный для понимания опыт травмы на доступные для передачи адресату и уровня его восприятия фрагменты, которые тем самым утрачивают обязательную достоверность и становятся только символами травмы. Символ воображаемого присутствия травмы дает возможность говорить о ней, но заранее исключает понимание, так как для адресата этот символ есть лишь средство обретения дополнительного эстетического опыта и информации о прошлом.

Философ Джорджио Агамбен, рассматривая свидетеля в Концентрационном мире, ставит еще один очень важный вопрос – о статусе этого свидетеля. Кто может считаться настоящим свидетелем? Отвечая на этот вопрос, Д. Агамбен, следом за П. Леви («не мы, оставшиеся в живых, настоящие свидетели» [11. С. 68]) делает парадоксальный вывод – настоящий свидетель – тот, кто не выжил. Выживший не является свидетелем в полной мере, так как «свидетель свидетельствует обычно во имя правды и справедливости и они придают его словам прочность и полноту. Но здесь свидетельство в сущности равняется тому, что в нем отсутствует. Содержит в своей сердцевине несвидетельствуемое, которое лишает выживших авторитета. «Подлинные» свидетели – это те, кто не свидетельствовал и никогда бы не смог этого сделать. Это те, кто «достиг дна», «мусульмане», канувшие. Выжившие в качестве псевдосвидетелей говорят вместо них по доверенности: свидетельствуют об отсутствующем свидетельстве» [12. С. 35].

Профессор К. Карут в своей работе «Травма, время и история» [13] переосмыслила агамбеновскую фигуру свидетеля, переозначив выжившего свидетеля как символически погребенного заживо и поэтому вынужденного после лагеря постоянно восстанавливать даже не свое право свидетеля, а право иметь право быть свидетелем. Для чего ему приходится все время возвращаться в свою историю, биографию, которых уже нет – ни лагерных, ни долагерных – постоянно восстанавливая свою не подлежащую восстановлению идентичность. В результате именно к этому сводится свидетельство. В качестве примера К. Карут опирается на произведение О. Бальзака «Полковник Шабер», где главный герой по ошибке погребен заживо в братской могиле. Ему оттуда чудом удается выбраться, но выясняется, что свидетельство о его смерти имеет большее значение для общества, чем присутствие самого полковника как живого человека. Поэтому все притязания героя на свое имя, собственность и даже жену признаются неправомерными, в том числе и его ближними, которым его смерть выгодна. В результате свидетель вновь оказывается в ситуации, когда он может свидетельствовать только о своем личном опыте, но не о том глобальном, что был в лагере, а

социум, не понимающий свидетеля, как бы всякий раз во время свидетельства хоронит его повторно в логике дурной бесконечности. В этих условиях даже живому свидетелю для того, чтобы сохранить этот статус, остается или молчать, или умереть.

В связи с этим необходимо определиться со статусом живого, но молчащего свидетеля. На сегодняшний день письменных или зафиксированных устных свидетельств о лагерях остались десятки тысяч, но в любом случае этих свидетельств гораздо меньше, чем выживших в лагерях узников. Но свидетель, не рассказавший о своем опыте, все равно не утрачивает статус свидетеля. Он «удерживающий теперь» свидетельство до тех пор, пока не будет «взят от среды» (Фес. 2.6–7), свидетель, сознательно лишаящий себя возможности изменить пространство памяти своим текстом. Невысказанное свидетельство, то есть память в чистом виде, трансцендентно относительно нарратива, но, заключающее в себе потенциальную возможность быть высказанным, оно имеет большую ценность и представляет большой интерес относительно свидетельства уже высказанного и зафиксированного. В совокупности и то и другое вновь составляет онтологию Концентрационного мира, которая ускользает от понимания.

Затрудняет понимание феноменологии Концентрационного мира и масштаб уничтожения узников лагерей. Смысл гибели миллионов заключенных становится главным вопросом, ответ на который должен одновременно дать понимание общей феноменологии рассматриваемого явления. Может показаться парадоксальным, но смерть узников – это не апофеоз, к которому все устремлено в Концентрационном мире, а одна из составляющих системы, феноменологически и семиотически находящаяся не «над», а «с», «рядом» с другими формами выражения системы. То есть голод, насилие, обнажение, труд в лагере как феномены не менее значимы и важны для понимания, нежели смерть и сосредоточение исследователя на последней или вообще придание особой значимости любому из указанных элементов неизбежно ведет к утрате понимания ключевых черт других важнейших явлений бытия Концентрационного мира и не дает возможности сформировать целостную картину явления.

Еще одна проблема состоит в том, что невозможно полностью отделить те составляющие этого мира, которые возникли только благодаря работе административной машины (следствие выполнения приказов, распоряжений, реализации планов) от тех составляющих, которые возникли как следствие работы запущенных механизмов «коллективного бессознательно». Бывший министр внутренних дел нацистской Германии В. Фрик, отвечая в 1946 г. на вопрос о том, как стали возможны массовые убийства евреев, говорил, что при разработке Нюрнбергских законов никто и не помышлял о массовых убийствах, «все вышло само собой» [14. С. 13]. «И правда странно, что ни бюджета, ни плана, ни соответствующих распоряжений по реализации трудной и дорогостоящей операции обнаружить не удалось, а ведь немцы народ аккуратный, и какие-либо документальные следы финанси-

вания огромных масштабов предприятий в бухгалтерской отчетности должны были сохраниться» [15. С. 456] – отмечает А. Туз. То есть с момента возникновения системы концентрационных лагерей роль указанного «коллективного бессознательного» и его место в лагерной действительности все время возрастали и с течением времени стали прямо или косвенно определять ход и формы работы административной машины.

Отсюда возникает еще одна сложность, препятствующая пониманию. Концентрационный мир благодаря указанной выше закрытости породил внутри «коллективного бессознательного» свой собственный язык, соответствующие ему психологические состояния и внутренние связи, которые исчезли вместе с ним. Поэтому аксиоматика действующих лиц в пределах этого мира и связи, которые возникали между этими лицами, были уже изначально совершенно непонятны за его пределами. Это подтверждает общая идея Ф. Соссюра, заключающейся в том, что язык – это система, которую можно исследовать исключительно изнутри. Осложняет положение то обстоятельство, что эта аксиоматика, как указывалось выше, была не до конца понятна и тем, кто находился внутри. В воспоминаниях выживших постоянно встречается удивление и недоумение заключенных по поводу самих себя, совершенно неожиданной логики поступков, высвобождающейся самостоятельно, без усилий и желания субъекта. Это «двойное непонимание» невольно в той или иной степени превращает любую подобную работу в «археологию ментальности», позволяющую, по законам жанра, ретроспективно восстановить картину Концентрационного мира лишь отчасти, восполняя отсутствующие детали работой воображения и упомянутыми выше допущениями различного рода.

Кроме того, Концентрационный мир существовал чуть больше 10 лет, и возникшие в его пределах принципиально новые состояния тела, духа, сознания человека обогнали существующие механизмы понимания и вербализации, а внезапное крушение этого мира не позволило выработать новые механизмы осмысления и трансляции произошедшего. Не случайно бывший заключенный Эли Визель писал: «Те, кто не узнал этого на себе, никогда не поймут; те, кто испытал, никогда не расскажут; все будет неверно, неполно. Прошлое принадлежит мертвым» [16. С. 314].

Казалось бы, перечисляя указанные выше факторы, автор настоящей статьи сознательно отказывает исследователям в возможности любых попыток понимания феномена Концентрационного мира. Однако это не так. Следует иметь в виду, что не понятый до конца феномен не просто сохраняет, но усиливает свою актуальность (окончательно понимание уничтожает актуальность), и чем более он не понят, тем более он актуален, особенно если речь идет о Концентрационном мире. Поэтому если этот мир кажется недоступным для понимания, это не отменяет необходимости стремления понять то, как он функционировал и что представлял собой. Эта недоступность для понимания является обязательным условием существования исторической науки и открывает перспективы ее дальнейшего развития.

Следует подчеркнуть, что стремление авторов работ к пониманию, на наш взгляд, не должно быть нацелено на историографическое преодоление трагического прошлого и оценки последнего, тем более что такое прошлое непреодолимо по определению, а в конечном итоге указанное стремление должно, прежде всего, дать знание того, как это прошлое может проявить и проявляет себя в настоящем. То есть современная историография данного феномена должна ставить перед собой задачу рассмотрения феноменологии Концентрационного мира, по точному выражению Б. Эйхенбаума, «не из прошлого... а из актуальности как таковой» [17. С. 12]. Кроме того, исследование данного явления дает возможность отделить в истории чрезвычайное от систематического, ибо чрезвычайное всегда уникально, систематическое схематично и доступно для тиражирования, а следовательно, воспроизводимо в любое время, в том числе и в наше. Следовательно, у исследователя появляется возможность вычленивать элементы Концентрационного мира из существующей реальности и маркировать их как некие «тревожные зоны», «территории особого внимания». Удачный опыт такого рода вычленения нацистских элементов из современной культуры существует – достаточно указать как пример работу С. Сонтаг «Магический фашизм» [18. С. 62–89], посвященную расшифровке внутренних нацистских смыслов послевоенного творчества Л. Рифеншталь.

Следует также указать на еще одно важное обстоятельство. Процесс изучения и понимания тех или иных исторических явлений можно обозначить терминами «прецедентное изучение» и «прецедентное понимание», то есть прецедент, как точка внешнего, и, что особенно важно, регулярного выражения и проявления истории, является необходимым условием приложения и в целом существования знания, а произошедшее событие становится объектом понимания, захватываемого мыслью. Учитывая закономерный процесс вытеснения одного события другим во времени, необходимо признать неизбежность забвения события, забвения, которое происходит в форме распада события, исчезновения его цельности. В связи с этим происходит непрерывный процесс запаздывания событийного изучения и понимания, включается «догоняющее изучение/понимание», не успевающее за регулярно меняющимися друг друга событиями. Не говоря уже о том, что указанный выше процесс изучения обязательно предусматривает сравнительно-аналитический метод, когда все события рассматриваются в детерминированной связи и именно эта связь создает прецедентность.

Однако, рассматривая феноменологию Концентрационного мира, авторы работ неизбежно сталкиваются с феноменом «беспрецедентного», с «уникальной уникальностью» (в терминологии П. Рикера), исключающей прецеденты и возможность сравнения, то есть традиционную почву для знания и понимания. Вместе с этим закономерно исключается и забвение, то есть Концентрационный мир должен рассматриваться как внеисторическая данность, существовавшая не «когда-то», а существующая «отныне». В этих непростых условиях задачей исследователя становится введение уникальности в прецедентность, попытка совмещения этих двух форм действительности и отыскание проявлений взаимовлияния. Таким образом, уникальное

становится важным инструментарием раскрытия дополнительного содержания прецедентности и создания условной структуры, задача которой иначе, нежели ранее, описать то, что произошло.

Поэтому авторы работ по данной теме должны ставить задачу создания в общем и целом такой структуры, с помощью которой возможно приблизиться не столько к пониманию, сколько к осознанию феномена Концентрационного мира. В рамках этой структуры беспрецедентность произошедшего должна быть воспринята адресатом как аксиоматическая данность, как фигура умолчания, дающая возможность домыслить происходящее самостоятельно в тех условиях, когда невыразимость становится не просто необходимым, но важнейшим условием выраженного, неотъемлемой частью нарратива.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Лакан Ж. Семинары. Кн. 11. Четыре основные понятия психоанализа. М., 2004.
- [2] E. Fackenheim. *To Mend the World. Foundations of Post-Holocaust Jewish Thought*, New York, 1989.
- [3] Франкл В. Человек в поисках смысла. <https://1001.ru/books/item/chelovek-v-poiskah-smysla-65/3981>.
- [4] Ильин Е.П. Работа и личность. Трудоголизм, перфекционизм, лень. СПб., 2011.
- [5] Кертес И. Холокост как культура. <http://pergam-club.ru/book/6045>.
- [6] Des Pres T. *The Survivor: An Anatomy of Life in the Death Camps*. New York., 1976.
- [7] Неер А. Немота Освенцима. За пределами понимания. Богословы и философы о Холокосте. Киев., 2009.
- [8] Мамардашвили М., Пятигорский А. Символ и сознание. М., 2009.
- [9] Жирар Р. Завершить Клаузевица. Беседы с Бенуа Шантрон. М., 2019.
- [10] Вопросы – ответы – вопросы. Методология устной истории. Практический опыт и теоретические размышления. В кн.: Нитхаммер Л. Вопросы к немецкой памяти. Статьи по устной истории. М., 2012.
- [11] Леви П. Канувшие и спасенные. М., 2010.
- [12] Агамбен Д. *Nomo Sacer*. Что остается после Освенцима. М., 2012.
- [13] Карут К. Травма, время и история // Травма: пункты. М., 2009.
- [14] Нойманн Ф.Л. Бегемот. Структура и практика национал-социализма. 1933–1944 гг. СПб., 2015.
- [15] Туз А. Цена разрушения. Создание и гибель нацистской экономики. М., 2018.
- [16] Wiesel E. *For Some Measure of Humility // Sh'ma: A Journal of Jewish Responsibility*. 1975. № 5.
- [17] Эйхенбаум Б. Нужна критика // Жизнь искусства. 1924. 22 января.
- [18] Сонтаг С. Под знаком Сатурна. М., 2019.

REFERENCES

- [1] Lakan J. *Seminary*. Kn. 11. *Chetyre osnovnyye ponyatiya psihoanaliza*. M., 2004.
- [2] Fackenheim E. *To Mend the World. Foundations of Post-Holocaust Jewish Thought*, New York, 1989.
- [3] Frankl V. *Chelovek v poiskah smysla*. <https://1001.ru/books/item/chelovek-v-poiskah-smysla-65/3981>.
- [4] Il'in E.P. *Rabota i lichnost'*. *Trudogolizm, perfekcionizm, len'*. SPb., 2011.
- [5] Kertes I. *Holokost kak kul'tura*. <http://pergam-club.ru/book/6045>.
- [6] Des Pres T. *The Survivor: An Anatomy of Life in the Death Camps*. New York., 1976.

- [7] Heep A. Nemota Osvencima. Za predelami ponimaniya. Bogoslovy i filosofy o Holokoste. Kiev., 2009.
- [8] Mamardashvili M., Pyatigorskij A. Simvol i soznanie. M., 2009.
- [9] Girar R. Zavershit' Klauzevica. Besedy s Benua Shantrom. M., 2019.
- [10] Voprosy – otvety – voprosy. Metodologiya ustnoj istorii. Prakticheskij opyt i teoreticheskie razmyshleniya. V kn. Nithammer L. Voprosy k nemeckoj pamyati. Stat'i po ustnoj istorii. M., 2012.
- [11] Levi P. Kanuvshie i spasennye. M., 2010.
- [12] Agamben D. Homo Sacer. Chto ostaetsya posle Osvencima. M., 2012.
- [13] Karut K. Travma, vremya i istoriya. Travma: punkty. M., 2009.
- [14] Nojmann F.L. Begemot. Struktura i praktika nacional-socializma. 1933–1944 gg. SPb., 2015.
- [15] Tuz A. Cena razrusheniya. Sozdanie i gibel' nacistskoj ekonomiki. M., 2018.
- [16] Wiesel E. For Some Measure of Humility. Sh'ma: A Journal of Jewish Responsibility. 1975. № 5.
- [17] Ejhenbaum B. Nuzhna kritika. Zhizn' iskusstva. 1924. 22 yanvarya.
- [18] Sontag S. Pod znakom Saturna. M., 2019.

Research article

Concentration camps of Nazi Germany as a phenomenon. Opportunities and the problem of understanding

Boris Yakemenko

Peoples' Friendship University of Russia
6 Miklukho-Maklay street, Moscow, Russian Federation, 117198

This article deals with the Nazi concentration camps as a phenomenon of social life and social thought in Europe in the mid-second half of the twentieth century. Today, when the world is experiencing a crisis of political and social institutions, there is less and less hope that this realization will happen. It describes the prerequisites for the formation of the system of concentration camps in Nazi Germany, the forms of their functioning, and provides comparative data on the statistics of the number of camps. It is also pointed out the importance of understanding the processes of psychological destruction of a person in the camp.

Keywords: Concentration camp, Nazism, psychology, prisoner, phenomenology, memory, totalitarianism

Информация об авторе / Information about the author

Якеменко Борис Григорьевич – к.и.н., доцент кафедры Истории России, Российский университет дружбы народов, г. Москва, E-mail: Borislj@mail.ru.

Yakemenko Boris – PhD in History, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, E-mail: Borislj@mail.ru.

Для цитирования / For citation

Якеменко Б.Г. Концентрационные лагеря нацистской Германии как феномен. Возможности и проблема понимания // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2020. Т. 12. № 3. С. 211–221. 10.22363/2312-8127-2020-12-3-211-221

Yakemenko B.G. Concentration camps of Nazi Germany as a phenomenon. Opportunities and the problem of understanding // RUDN Journal of World History. 2020. Vol. 12. № 3. P. 211–221. 10.22363/2312-8127-2020-12-3-211-221

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 10.03.2020

DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-3-222-235

Научная статья

Место образования в концепции «Нового общества» авторитарного режима Фердинанда Маркоса на Филиппинах (1972–1982 гг.)

Н.В. Пракапович

Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова
ул. Моховая, 11, Москва, Россия, 125009

В отечественной историографии уделяется значительное внимание экономической и политической модернизации жизни Филиппинского архипелага, начиная с времен испанской, затем американской колонизации и заканчивая эпохой независимости. Однако образовательная политика, на которой, с одной стороны, зиждились успехи политической и социально-экономической модернизации Филиппин на протяжении всей истории страны, а с другой, которая к началу XXI века стала серьезным препятствием на пути экономической независимости и становления национального самосознания, незаслуженно обходится отечественными исследователями стороной.

Автором данной статьи в других работах уже предприняты попытки выявить особенности образовательной политики испанцев и американцев на Филиппинах, а также руководства независимых Филиппинах в первые десятилетия после окончания Второй мировой войны. Но не менее интересной представляется эпоха авторитарного режима Президента Филиппин Фердинанда Маркоса (1972–1982 гг.). Анализируя широкий круг зарубежной литературы и опираясь на президентские указы и свидетельства современников в качестве источников, автор приходит к выводу о неоднозначности образовательной политики маркосовской эпохи, которая, по сути, явилась палкой о двух концах: с одной стороны, стала эффективным инструментом борьбы с главной социально-экономической проблемой страны в 1970-х г. – проблемой безработицы. С другой стороны, в начале 1980-х привела к ее усугублению и положила начало массовой трудовой миграции.

Ключевые слова: образование, Филиппины, Маркос, Новое общество, трудовая миграция, экспорт рабочей силы

Введение

В первые послевоенные десятилетия на Филиппинах (1945–1965 гг.) главная проблема в сфере филиппинского образования состояла в том, что государство не могло удовлетворить растущий спрос в сфере образования среди населения, выходящий за рамки государственной начальной школы.

© Пракапович Н.В., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Эта задача выпала на долю частного сектора, в котором доминировали католические школы во главе с иностранными миссионерами или предприимчивыми выходцами из филиппинских олигархических семей, получивших образование за границей. Отсутствие государственного регулирования в сфере частного образования привело к тому, что в 1965 г. на 26 государственных вузов Филиппин приходилось 440 частных [1. Р. 3]. Наблюдался переизбыток специалистов в области профессий, открывающих дорогу в политику или бизнес (юристов, бухгалтеров, экономистов), либо внушающих чувство безопасности – в сфере здравоохранения и образования (учителей, медсестер, дантистов и др.) [2. Р. 7]. В мае 1961 г. 193 тыс. филиппинцев окончили колледжи, 76% из них – по специальностям, связанным с образованием и правом. Но дипломы не стали гарантией трудоустройства. 26.6% выпускников не смогли найти работу, а 18.2% находились в поисках [3. Р. 68]. Поскольку внутренний рынок труда был не в состоянии поглотить продукты расширенной системы частного высшего образования, проблема безработицы стала выходить на первый план. В 1972 г. безработица на Филиппинах была самой высокой среди городской молодежи (50% безработных составляла молодежь в возрасте 20–24 лет и 30% – 25–44 лет) [3. Р. 4]. Свободная рабочая сила становилась горючим материалом в руках коммунистической партии и Национального Демократического фронта, выступающих за разрешение аграрной проблемы и выход страны из-под американской опеки, и грозила политической нестабильностью [4. Р. 19].

Разрубить узел назревших противоречий предстояло шестому Президенту Филиппин Фердинанду Маркосу, впервые избранному в 1965 г., переизбранному в 1969 г. и объявившему в 1972 г. военное положение, продлившееся до 1982 г.

Указ о развитии образования 1972 г. и реформы в сфере занятости

Предлогом для введения военного положения на Филиппинах в 1972 г. послужила «коммунистическая угроза», однако главная цель Маркоса состояла в осуществлении «революции сверху» в рамках предложенной им программы под названием «Новое общество». Маркос стремился модернизировать страну, решить аграрную проблему, подорвать могущество олигархов и освободиться от опеки США [5. С. 45]. Одним из первых шагов Маркоса в роли единовластного правителя стало внедрение, впервые в истории страны, долгосрочного экономического планирования, что привело к разработке Плана национального развития Филиппин на 1972–82 гг. Наряду с планом экономического развития был разработан и первый десятилетний план развития образования [6], подготовленный на основании выводов президентской комиссии, которая в 1970 г. провела анализ эффективности системы образования и ее соответствия целям национального развития. Особое внимание при этом комиссия уделила способности системы выполнять задачи в области развития человеческого капитала в интересах национального развития [7].

Главный вывод президентской комиссии по образованию заключался в том, что хотя на Филиппинах и была сформирована система всеобщего об-

разования, она никак не соответствовала стратегиям национального развития страны. Существовала потребность в полуквалифицированной рабочей силе. Необходимо было остановить непрекращающийся рост числа частных учебных заведений и ненужное и дорогостоящее дублирование курсов. Комиссия предлагала разработать схемы предоставления субсидий и других стимулов для улучшения деятельности частных колледжей и университетов [8]. Такие рекомендации, очевидно, были направлены на то, чтобы остановить подготовку невостребованных специалистов и подсказать вузам, прежде всего частным, какие профессиональные области являются ключевыми для национального развития страны. При этом меры по регулированию частного образования и расширению технического и полупрофессионального образования должны были быть избраны в качестве главного инструмента борьбы с безработицей.

Для Маркоса и его технократов проблема безработицы имела важное политическое измерение. По словам старшего технократа и бывшего премьер-министра при Маркосе Сезара Вираты, голос образованного, молодого, городского и безработного населения стал серьезной проблемой для Президента Маркоса в начале 70-х гг. [9]. Озабоченность по поводу сохранения политического контроля привела к принятию руководством страны в 1974 г. политики экспорта рабочей силы в качестве основы экономической стратегии. И хотя образовательная поддержка нового государственного предприятия была, скорее, косвенной, чтобы не привлекать внимание населения к проблеме безработицы, тем не менее Маркос не мог не увязать образовательную политику с вопросом трудоустройства филиппинцев за рубежом [1. Р. 5–6].

На самом деле эта стратегия экспорта трудовых мигрантов не была нова для Филиппин. Впервые она была использована на Филиппинах американскими колонизаторами в качестве лекарства от политических и социально-экономических болезней еще в начале 20-го века [10]. Похожая благоприятная иммиграционная политика США складывалась и к началу 70-х гг. В 1965 г., на фоне Вьетнамской войны, в США был принят Закон об иммиграции, который отменил ограничения в отношении отдельных национальностей (включая филиппинцев) и заменил его политикой иммиграции. Предпочтение при этом отдавалось иммигрантам с определенными навыками и имеющим семейные связи с гражданами США. В период с 1965 по 1966 год ежегодная филиппинская иммиграция в США почти удвоилась (с 3130 до 6093). К 1977 г. это число превысило 40 000 человек [1. Р. 310–328].

Таким образом, еще до официального начала политики экспорта рабочей силы в 1974 г. быстрый рост трудовой миграции на Филиппинах, управляемой частным сектором, шел полным ходом. Многие филиппинские интеллектуалы обвиняют Маркоса в том, что он положил начало «утечке мозгов» из страны и выбрал наиболее легкий путь получения доходов в госбюджет. Однако с этим можно поспорить, ведь по существу маркосовский режим лишь оседлал нарастающую миграционную волну и попытался извлечь выгоду от наметившейся тенденции. В перспективе, при государственном поглощении сферы труда, такая политика означала бы избавление

от социального и политического давления в стране, вызванного ростом безработицы, а также дополнительные доходы (от документальных сборов до страховых взносов и сборов за трудоустройство при частичной оплате расходов иностранными работодателями).

Уже в 1972 г. Маркос взял курс на установление монополии государства в сфере занятости. В своем седьмом национальном послании он высказал предложение по увеличению бюджета Министерства труда, созданию системы страхования на случай безработицы, слияние Суда по промышленным отношениям и Суда по аграрным отношениям в общенациональную систему трудовых судов [11].

1 мая 1974 г. был официально издан новый Трудовой кодекс Филиппин, разработанный с целью систематизировать программу трудоустройства филиппинских работников за рубежом [12]. В соответствии с ним появились новые государственные учреждения для управления бизнесом в сфере экспорта рабочей силы, такие как Совет по развитию занятости за рубежом и Национальный Совет моряков, позднее, в 1982 г., объединившихся в Филиппинское агентство по трудоустройству за рубежом (ФАТР). ФАТР занималось продвижением, мониторингом и регулированием в сфере трудоустройства за рубежом.

Одновременно были реализованы различные стимулы для снижения затрат на эмиграцию: были снижены налоги, открыты офисы для обработки проездных документов и установлены таможенные пошлины. Наконец, при содействии Министерства иностранных дел и Министерства труда и занятости в посольствах Филиппин за рубежом были размещены сотрудники по охране труда. Правительство также постановило, что зарубежные филиппинские работники могут переводить свои долларовые доходы семьям домой только через государственные банки Филиппин [1. Р. 5–6].

Но изменений в трудовом законодательстве было недостаточно, необходимо было решить вопрос подготовки кадров для зарубежных стран. В 60-х гг. американскому правительству и подрядчикам военных и гражданских агентств США требовались кадры для работы на стройках в определенных районах Тихого океана и ЮВА, таких как Вьетнам, Таиланд, Япония, острова Уэйк и Гуам. Инженеры и квалифицированные рабочие-строители были востребованы в транснациональных компаниях, разрабатывавших проекты в богатых нефтью странах Ближнего Востока, которые в то время переживали экономический бум [13]. На Филиппинах же подготовка в сфере технического и профессионального образования была недостаточной. Маркос сетовал, что в стране с колониальных времен сохранялось восприятие образования как социального лифта, а не инструмента прогресса и экономического развития. Это породило большое число выпускников, подготовленных к работе «белых воротничков», и привело к несоответствию между результатами системы образования и потребностями экономики в рабочей силе. Маркос видел в этом высшую иронию образования, которое опережало экономическое развитие и создавало трудное бремя для страны с точки зрения образованных безработных [14. Р. 29].

В этой связи десятилетняя программа развития образования (1973–1982 гг.) прописывала необходимость увеличения числа учебных заведений среднего звена, ускоренную подготовку кадровых ресурсов для удовлетворения потребностей региональной промышленности, развитие региональных сельскохозяйственных образовательных программ и акцент на программы, ориентированные на технические специальности [15]. В свою очередь, политические решения, принятые по таким острым вопросам, как язык преподавания и издание новых учебников, стали критически важными рычагами при развертывании образования в поддержку стратегии экспорта рабочей силы.

Двуязычие как механизм стратегии экспорта рабочей силы

Очевидный застой в языковой политике был явной помехой на пути реализации стратегии экспорта рабочей силы. Введение филиппинского языка (с 1959 г. называемый *пилипино*, а с 1987 г. – *филипино*) в школе в качестве самостоятельного предмета было недостаточным для националистов, учитывая, что все остальные предметы преподавались на английском. В то же время английский был необходим для работы за границей. В этой связи руководство страны приняло другое важное решение в языковой политике, а именно Министерство образования Филиппин по рекомендации Национального Совета по образованию выпустило Приказ № 25 от 19 июня 1974 г. [16], который закреплял двуязычное образование (на английском и пилипино) и каждому языку отводил определенную роль. Начиная с первого класса начальной школы, английский и пилипино должны были использоваться отдельно в качестве средства обучения в конкретных предметных областях. Пилипино должен был использоваться в области гуманитарных наук, музыкального, физического и нравственного воспитания. Все остальные предметы должны были преподаваться на английском языке. Показательно, что количество часов по предметам морально-нравственного воспитания, истории и общественным наукам было сокращено наряду с увеличением часов, посвященных математике и естественным наукам на английском языках [17. Р. 175–176]. Таким образом, английский язык продолжать доминировать в школьном обучении.

В Указе № 25 не было конкретных указаний относительно реализации двуязычной программы на уровне высшего образования. Однако Институт национального языка рекомендовал Национальному совету образования разработать руководящие принципы для высших учебных заведений. В 1975 г. Министерством образования был выпущен Указ № 50, предлагающий введение курсов английского языка и пилипино в рамках учебных программ высших учебных заведений [18].

Политику двуязычного образования маркосовского режима можно рассматривать как попытку достичь компромисса между развитием национального языка «пилипино» в рамках усилий Маркоса по продвижению сплоченного чувства национальной идентичности и, в то же время, непрерывным использованием английского языка, который был необходим, осо-

бенно в условиях растущей трудовой миграции. С другой стороны, нельзя сказать, что главными намерением правительства было поколебать позиции английского языка в стране, скорее, даже наоборот.

Исследования, проведенные по оценке программы двуязычного образования, показали, что эта программа серьезно не реализовалась, особенно в частных школах [18]. На уровне высшего образования оказалось, что политика двуязычия не является приоритетной. Многие учебные заведения продолжали уделять больше внимания английскому языку и, более того, они строили свою репутацию именно на превосходстве англоязычного образования.

Филиппинский лингвист Эндрю Гонсалес выявил два основных фактора невозможности установить тагальский язык как функциональный национальный язык: во-первых, это продолжающийся отказ нетагалоязычных народов Филиппин принять пилипино на базе тагальского в качестве общенационального языка; во-вторых, достаточно сдержанная пропаганда пилипино со стороны правительства. Сам Гонсалес признавал, что *«социально-экономическое развитие Филиппин шло ускоренными темпами благодаря использованию заимствованного общего английского языка»* [19].

Положение о двух официальных языках привело к увеличению числа академических программ на английском языке, поскольку спрос на зарубежную рабочую силу быстро рос. Как в правительственных кругах, так и в академических росла риторика о необходимости повсеместного внедрения английского языка, который давал филиппинцам значительные преимущества по сравнению с их одноязычными азиатскими соседями [20].

Таким образом, государство успешно, при этом косвенно, сделало непрерывное обучение на английском языке филиппинцев неотъемлемым компонентом механизма экспорта рабочей силы.

Политика в области учебников и их роль в гражданском воспитании

При Маркосе учебная программа школ также испытала на себе влияние концепции «Нового общества», ключевые положения которой нашли свое отражение в учебниках по таким предметам, как история страны и гражданское воспитание [21. Р. 125–148]. Эти положения касались общегосударственных инициатив в области нравственного воспитания, производства продуктов питания, продвижения идей «Зеленой революции», кампании по поддержке отечественного производителя и антинаркотической кампании и, конечно же, в области стратегии экспорта рабочей силы [22. Р. 64]. Для внедрения этих идей в народное сознание режим Маркоса уделял большое внимание производству и распространению учебников на национальном языке, поскольку они рассматривались как играющие критически важную роль в информировании населения о государственном видении стратегии национального развития и достижениях в рамках «Нового общества».

22 апр. 1975 г. Маркос издал президентский Указ № 687, окончательно утвердивший политику государства относительно издания учебников. Суть Указа сводилась к тому, что, во-первых, был создан Совет по учебникам,

члены которого назначались непосредственно президентом. Во-вторых, все учебники проходили жесткий отбор. В-третьих, за Советом закреплялось право запретить использование любого учебного пособия, особенно в частных школах, которое могло быть сочтено противоречащим закону или оскорбляющим достоинство и честь правительства и народа Филиппин или которое могло быть признано непригодным с педагогической точки зрения. Кроме того, Указ № 687 поощрял написание учебников филиппинскими авторами и призывал использовать в качестве источников для учебного материала филиппинские реалии, которые позволили бы ученикам и студентам глубже проникнуться национализмом, уважением к филиппинским властям и культурному наследию [23].

По свидетельствам современников, все учебники, изданные в 1970-х гг., содержали вступительное послание с подписью президента. Практически во всех предметных областях (кроме математики и естественных наук) затрагивались темы, явно связанные с государственными интересами. Можно говорить о том, что образование в рамках «Нового общества» породило новую трактовку филиппинского гражданства. Свидетельством тому является создание в школьных учебниках архетипа филиппинского трудового мигранта и его возвеличивание до уровня современного национального героя. В качестве примера можно привести текст из широко используемого учебника 6-го класса «*Araling panlipunan – rambansang kaunlaran* (перевод с тагал. «Обществознание – национальное развитие») [24], в котором обсуждается утопическое видение «Нового общества» (*Bagong Lipunan*) и подчеркивается, какую роль государство играет в решении проблемы занятости населения, помогая филиппинцам трудоустроиться за рубежом. Вот выдержки из такого учебника: *«Многие из наших работников работают по найму внутри страны и за ее пределами. Различные агентства при Министерстве труда активно ищут места работы для наших граждан. Государственная служба занятости также занимается их трудоустройством. Совет по развитию занятости за рубежом способствует обеспечению возможностей трудоустройства за рубежом».*

Или: *«Безработица в нашей стране снизилась из-за возможности трудоустройства за рубежом. Наши зарубежные работники обеспечивают дополнительный доход для правительства. По крайней мере, 30% своего дохода они должны направлять через аккредитованные правительством банки. Помимо этих преимуществ, как вы думаете, каково влияние зарубежной занятости на социальное положение наших работников?»* [24].

Таким образом, учебники явно или не очень призывали филиппинцев изучать английский язык и рассматривать вариант поиска лучшей жизни за пределами страны, при этом указывая, каким благом может обернуться такой подвиг любого из филиппинцев для государства.

Примечательно, что проект по обеспечению населения Филиппин учебными материалами финансировался за счет средств Всемирного банка. Благодаря с 1976 по 1982 гг. на Филиппинах было выпущено и распространено более 30 млн учебников. Если до 1976 г. на 10 студентов приходился

один учебник, то к началу 1980-х диспропорция существенно сократилась, и уже на двух учащихся приходился один учебник [24. Р. 6].

Учебник стал основным источником содержания урока как для учителей, так и для учащихся [25]. Несмотря на более широкий охват средствами массовой информации (радио, телевидение) отдаленных районов страны для большинства сельских жителей электричество по-прежнему оставалось предметом роскоши, поэтому конкуренцию учебникам составляли только комиксы, которые режим также широко использовал для пропагандистских целей и популярность которых все возрастала в 1970–1980-е гг. [26. Р. 44].

Попытки демократизации образования

В рамках десятилетней образовательной программы Маркос был намерен продолжить усилия предыдущих правительств в деле демократизации образования в то же время повышения его качества. Однако, забегая вперед, хотелось бы отметить неоднозначность результатов демократизации, которую можно объяснить как ростом противоречий между маркосовскими технократами и оппозиционной элитой, борьба с которой все обострялась, так и несоответствием целям национального развития.

А дело все в том, что в 1974 г. Президентским указом № 146 был введен Национальный вступительный экзамен в колледж и вузы [27]. Очевидно, что этот шаг был направлен прежде всего на решение растущей проблемы избытка выпускников частных колледжей и университетов и дисбаланса между потребностями рынка труда и подготовкой выпускников. В то же время введение национального экзамена можно назвать спорным решением, прежде всего потому, что экзамен приходилось сдавать на английском языке, что создавало естественные препятствия для поступления в вузы филиппинцев из неблагополучных и бедных районов [28. Р. 5]. Фактически Указ № 146 вступал в прямое противоречие с продвигаемой режимом политикой двуязычия, которая на его фоне выглядела неискренней и скрыто потворствующей распространению английского языка. Возможно поэтому, стремясь восстановить баланс между английским и филиппинским, в 1975 г. Министерство образования попыталось сделать реверанс в сторону языка пилипино и приняло Указ № 50 [29], предлагавший, помимо введения курсов английского языка и пилипино в университетах и колледжах, предоставить к 1984 учебному году всем выпускникам вузов возможность сдавать выпускные экзамены на обоих языках для нужд своей профессии. Тем не менее, барьер для поступающих в виде вступительных испытаний на английском оставался нетронутым.

Ограничив возможности поступления в вузы для неанглоговорящих, Указ № 146 явно не соответствовал одной из главных целей «Нового общества», провозглашенных режимом, по установлению более эгалитарного социального порядка. Следующий Президентский указ № 932, или Закон об образовательной помощи 1976 г. [30], предусматривающий предоставление займов бедным, но достойным студентам, можно трактовать именно как по-

пытку власти идти в русле концепции «Нового общества», нацеленную на создание общества «равных возможностей». Этот Закон должен был, по видимому, сохранить внешнюю видимость демократического подхода к образованию, однако нельзя сказать, что подобные шаги, внешне эффективные и привлекательные для масс, полностью игнорировали интересы элит. Об этом можно судить хотя бы по тому, что правительство так и не смогло эффективно обуздать частный образовательный сектор, и объяснение этому могло быть только одно: нежелание Маркоса обострять отношения с представителями традиционных олигархических кланов, контролировавших большинство частных учебных заведений в стране.

Введение Национального вступительного экзамена, формально направленное на регулирование частного сектора образования, на деле выступило в роли лишь косвенного инструмента контроля над выпускающимися специалистами. На деле же, вместо того, чтобы закрывать избыточные частные школы, отменять налоговые льготы на открытие новых, определять количество степеней, которые частные школы могли выдавать в течение учебного года, государство поощряло развитие частных ассоциаций, которые выдавали аккредитации практически всем учебным учреждениям, управляемым церковными организациями и семейными корпорациями. Не будь этой лазейки, напряженность между интересами государства и элиты, которая и так резко возросла в 1 пол. 1970-х гг., продолжала бы усиливаться. В конечном итоге для образования такой непрекращающийся поиск компромиссов и половинчатость реформ грозили усугублением ситуации с безработицей, особенно в случае провала стратегии индустриализации, еще большим оттоком филиппинских рабочих за рубеж и превращением частных институтов де-факто в учебные центры по подготовке будущих трудящихся-мигрантов.

Этот сценарий начал реализовываться после 1975 г. Если в первые годы режима Маркоса уровень безработицы значительно снизился – с 7,1% в 1966 г. до 3,9% в 1975 г. (во многом благодаря тому, что численность филиппинских мигрантов возросла с 3,694 в 1969 г. до 47,754 в 1976 году [31. P. 8]), то с середины 1970-х годов, когда начал процветать кронизм и Маркос стал отдавать своим людям на откуп целые отрасли, ситуация начала изменяться, и безработица резко возросла до 7,9% в 1980 г. [32].

Заключение

Хотя Маркос не был единственным признанным послевоенным филиппинским лидером, тесно связавшим образование со стратегиями развития страны, можно отметить усилия его режима по синхронизации реформы образования с экономической стратегией. В свою очередь, Указ о развитии образования от 29 сент. 1972 г., утверждавший 10-летний план развития филиппинского образования, является первой с момента создания американцами системы государственных школ в 1899 г. основательной программой по перестройке системы образования в соответствии с предполагаемыми потребностями индустриализации, ориентированной на экспорт. Перестройка

сектора образования в период военного положения стала важным дополнением к изменениям в сфере труда и занятости.

Если в домаркосовскую эпоху образовательная политика была направлена, в первую очередь, на ликвидацию массовой неграмотности и повышение экономической эффективности школ, то при Маркосе образование стало инструментом борьбы с безработицей и ориентировалось на поддержку стратегии экспорта рабочей силы. Успешная реализация этой стратегии позволяла снизить экономическую нагрузку на перенаселенные города и социальное напряжение. Решение этой задачи было не только в интересах правительства, но и в долгосрочной перспективе для Всемирного банка и западных транснациональных корпораций, готовых налаживать в Третьем мире массовое производство дешевых высококачественных товаров, сельскохозяйственной продукции и подготовку дешевой рабочей силы. Международные финансовые институты обеспечивали этот поворот рекомендациями экспертов и кредитами, полагаясь на авторитарный режим Маркоса, обеспечивающего правовую защиту и поощрение инвестиций, а также внутривалютную стабильность.

Можно сказать, что стратегия экспорта рабочей силы себя оправдала, перенаправив значительную часть рабочей силы за границу. Но хотел ли Маркос, чтобы эта стратегия приобрела долгосрочный характер или же такой маневр должен был стать временным явлением, позволив властям перестроить экономику на новый лад и обеспечить своих граждан рабочими местами внутри страны?

Судя по всему, реформирование образования не подразумевало экономического процветания в качестве приоритетной цели маркосовского режима, хотя руководство страны и утверждало обратное. Очевидно, оно намеренно использовалось в качестве политического решения растущего недовольства молодого, образованного рабочего и среднего класса и стремилось минимизировать любые ожидания филиппинцев от государства в сфере обеспечения благосостояния или создания рабочих мест внутри страны.

Между тем клептократические тенденции филиппинской олигархии усилились, когда благодаря Всемирному банку, который выделял на образовательные проекты Филиппин до 100 млн долл. в год [33], деньги в образовательный сектор полились рекой. Видимо, получение доходов от нерегулируемого расширения частных школ выглядело слишком заманчивым, что препятствовало выполнению одной из главных рекомендаций президентской комиссии по их сокращению.

Кроме того, Маркос, поддавшись давлению коррумпированного окружения, стал отдавать своим приближенным целые отрасли сельского хозяйства на откуп, и в итоге реформы, необходимые для модернизации сельскохозяйственного сектора (например, распределение земель, субсидирование крестьян и др.), были заброшены [5]. На этом фоне квалифицированные технические специалисты и ремесленники пополняли ряды образованных безработных с дипломами колледжей. В такой обстановке об экономической независимости страны не могло быть и речи. Зато такая политика обеспечила стабильный приток рабочей силы с новыми техническими навыками, не-

обходимыми для экспортных промышленных зон в различных частях страны, и обеспечила зарубежный спрос на техническую рабочую силу.

Учебники же, спонсируемые Всемирным банком, способствовали так называемому «мягкому культурному национализму», побуждающему студентов поощрять поверхностные представления об истории филиппинской борьбы против эксплуатации и колониализма. С одной стороны, корпоративные учебники, написанные на филиппино, учили молодых студентов быть патриотичными, гордиться своей культурой и национальной самобытностью. С другой стороны, размывали понятие «национальной идентичности», приравнивая его к наличию собственного национального флага, национального цветка, национального дерева, национального костюма [34]. По выражению Литиции Константино из ее эссе «Учебники Всемирного банка: сценарий обмана», с помощью учебников в сознание студенческого населения Филиппин внедрялись ценности и перспективы, поддерживающие глобальную капиталистическую систему [34].

Эти изменения в филиппинской системе образования были еще более подкреплены институционализацией Национального вступительного экзамена в колледжи и вузы страны. С помощью стандартов, установленных Министерством образования, национальный экзамен фактически определил, кто из выпускников средней школы может поступить в колледж, получить диплом и претендовать на должность «белого воротничка», а кто нет. Те, кто не сдал экзамен, могли либо записаться на сертификационные курсы профессионально-технической подготовки, либо начать работать на низкоквалифицированной и малооплачиваемой должности.

Активная поддержка английского языка правительством Маркоса также вносила свою лепту в удовлетворении трудовых потребностей филиппинской экономики. Джеймс Толлефсон в своей работе «Планирование языка, планирование неравенства» отмечает, что в 1970-х гг. политике ориентированной на экспортную промышленность, финансируемой и управляемой иностранным капиталом на Филиппинах, соответствовала потребность в следующих специалистах:

(1) в низкоквалифицированных полупрофессиональных рабочих в сфере легкой промышленности и сборке и т.п.;

(2) в офисных сотрудниках и менеджерах среднего звена, которые могли бы работать под руководством менеджеров ТНК, инвестирующих в Филиппины;

(3) в рабочих в сфере услуг для иностранных предприятий, в том числе ремонтных бригад, гостиниц и домашних работников [35. Р. 150–151].

Таким образом, создаваемая система формального образования была многоуровневой и ориентированной на группу населения, чей уровень владения английским языком был соответствующим образом упорядочен, причем большинство учащихся получали образование на низкооплачиваемых работах, требующих только базового английского языка.

Такая языковая политика усугубляла без того резкие социальные и экономические различия на Филиппинах. Те, кто хорошо знал английский язык и кто обладал навыками, позволяющими устроиться на более высоко-

оплачиваемую работу «белых воротничков», неизбежно были выпускниками элитных школ и университетов, большинство из которых были выходцами из зажиточных землевладельческих семей на Филиппинах. Филиппинцы же, которые плохо знали английский язык, как правило, были из неблагополучных районов страны. Они обычно не поступали в колледж, и в конечном итоге оказывались в большинстве полуквалифицированных и неквалифицированных рабочих в сфере производства и обслуживания.

Политика использования английского языка в школах, таким образом, преследовала двойную цель: она помогала гарантировать, что большое количество учащихся потерпит неудачу и создавала необходимое количество выпускников с соответствующими знаниями английского языка. Паттерн филиппинской системы образования, предусматривающий создание иерархии труда с соответствующими уровнями владения английским языком, предназначенными для глобального рынка труда, мог привести только к ухудшению системы образования, которая не могла реально и адекватно реагировать на социальные и экономические потребности страны.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- [1] Maca M. Education in the ‘New Society’ and the Philippine Labour Export Policy (1972–1986). *Journal of International and Comparative Education*, 2018, Volume 7, Issue 1.
- [2] *Journal of Philippines Statistic*, 1954, 7: Nov. 7–9. Cited in *Area Handbook on the Philippines*.
- [3] Ledesma A. *Philippine Nationalism and Catholic Higher Education*. Loyola University Chicago. 1968. P. 68.
- [4] Doronilla M.L. *The Emergence of Schools of the People: Implications for Education Policy and Research*. Goodwill Trading Co., Inc., 2000.
- [5] Сумский В.В. *Фиеста Филипина*. Кн. 1. М., Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2003. [Sumsky V.V. *Fiesta Filipina*. Book. 1 M., Publishing company “Eastern Literature” RAS, 2003].
- [6] Presidential Decree No. 6-A September 29, 1972.
- [7] Executive Order No. 202, S. 1969. *Creating A Presidential Commission To Survey Philippine Education. Education for National Development: New Patterns, New Directions*. Manila: Department of Education. 1970.
- [8] Ferdinand E. Marcos, *Seventh State of the Nation Address*, January 24, 1972.
- [9] Sicat G., Virata C. *Life and Times Through Four Decades of Philippine Economic History*. Quezon City: University of the Philippines Press. 2014.
- [10] *Immigration Act of 1917 (also known as the Literacy Act and less often as the Asiatic Barred Zone Act)*. 64th Congress. February 5th, 1917.
- [11] Marcos Ferdinand E. *Seventh State of the Nation Address*, January 24, 1972.
- [12] *Labour Code of the Philippines Presidential Decree No. 442*, May 1st, 1974.
- [13] Medina A., Pulumbarit V. *How Martial Law Helped Create The OFW Phenomenon*. Interview of the Philippine Overseas Employment Administrator Hans Leo Cacdac to GMA News. Published September 21, 2012.
- [14] Marcos F. *Education and the Realities of National Life*. In *Education for the Filipino: papers and proceedings of the 1976 Educators Congress*. Manila: Philippines. 1976.
- [15] Presidential Decree No. 6-A September 29, 1972.
- [16] DECS Order No. 25, series 1974. June 19, 1974.

- [17] Viola M. Hip-Hop and Critical Revolutionary Pedagogy: Blue Scholarship to Challenge “The Miseducation of the Filipino”. *Journal for Critical Education Policy Studies* Volume 4, N 2. 2006. Pp. 175–176. University of California, Los Angeles.
- [18] Espiritu C. Filipino Language in the Curriculum. GOVPH. National Commission for Culture and the Arts. Posted on April 29, 2015.
- [19] Gonzalez A. Language and Nationalism. The Philippine Experience Thus Far. Quezon City: Ateneo de Manila University Press, 1980.
- [20] Gonzalez A. The language planning situation in the Philippines. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 1998.
- [21] Maca M., Morris, P. Education, national identity and state formation in modern Philippines. In Edward Vickers and Krishna Kumar’s “Constructing Modern Asian Citizenship” Routledge, London. 2015.
- [22] Manalang P. Issues in Philippine Education. *Philippine Sociological Review*, 25 (1/2). 1977.
- [23] Presidential Decree No. 687. Malacanang, Manila. April 22, 1975.
- [24] Ministry of Education and Culture. Araling Panlipunan 6 – Pambansang Kaunlaran. Social Studies 6-National Development. 1980a.
- [25] World Bank Report No. 6279. Project Performance Audit Report. Philippines. Third Education (Textbook) Project. Washington, D.C. 20433. U.S.A. June 27, 1986.
- [26] Hornedo F. Social and Human Sciences in Philippine Basic Education: A Review of Elementary and High School Textbooks. Quezon City: Philippine Social Science Council. 2000.
- [27] San Juan E. Jr. Marcos and the media. *Index on Censorship*, 7 (3). 1978.
- [28] Presidential Decree No. 146. Malacañang Manila. 1973.
- [29] Gonzales R. Measurement and evaluation in the Philippine higher education: Trends and development. De La Salle University, Manila, Philippines. 2010.
- [30] Department Order No. 50. Manila. Nov. 14, 1975.
- [31] Presidential Decree No. 932 Malacanang, Manila. May 13, 1976.
- [32] Abella M. Export of Filipino Manpower. Manila: Institute of Labor and Manpower Studies. Ministry of Labor data for 1969–1976. 1979; Asis M. The social dimensions of international migration in the Philippines. *Moving Out, Back and Up: International Migration and Development Prospects in the Philippines*. Quezon City: Scalabrini Migration Center, Pp. 77–108.
- [33] *IBON Foundation* [<http://ibon.org/2016/11/under-marcos-employment-fell-prices-soared-poverty-persisted/>].
- [34] Presidential Decree No. 6-A September 29, 1972.
- [35] Constantino R., Letizia R. Constantino. The Miseducation of the Filipino. In: *World Bank Textbooks: Scenario for Deception*. Manila: Foundation For Nationalist Studies, 1982.
- [36] Tollefson J. *Planning Language, Planning Inequality*. New York: Longman. 1991.

Research article

Role of education in the concept of the “New Society” of the authoritarian regime of Ferdinand Marcos in the Philippines (1972–1982)

Nina Prakapovich

Institute of Asian and African Studies (IAAS), Moscow State University (MSU)

11 Mohovaya st., Moscow, 125009, Russia

Russian historiography pays considerable attention to the economic and political modernization of the life of the Philippine archipelago, starting from the time of Spaniards,

then, American colonization and ending with the era of independence. However, the educational policy on which, on the one hand, the successes of the political and socio-economic modernization of the Philippines have been based throughout the country's history, and on the other, which by the beginning of the 21st century has become a serious obstacle to economic independence and the establishment of national self-identity, are undeservedly ignored by domestic researchers.

The author of this article in previous works has already made attempts to identify the features of the educational policy of Spaniards and Americans in the Philippines, as well as of the independent Philippine governments in the first decades after the end of World War II. But no less interesting is the era of the authoritarian regime of the President of the Philippines, Ferdinand Marcos (1972–1982). Analyzing a wide range of foreign literature and relying on presidential decrees and testimonies of contemporaries as sources, the author comes to the conclusion that the educational policy of the Marcos era is ambiguous: on the one hand, it has become an effective tool to combat country's main social – economic problems in the 1970s – the problem of unemployment. On the other hand, in the early 1980s it led to its aggravation and marked the beginning of the mass labor migration of Filipinos, which continues to this day. Political decisions made on issues such as the language of instruction, the introduction of a national entrance exam in colleges and universities, and the publication of new textbooks have become critical levers in the deployment of education in support of the labor export strategy in the Marcos era.

Key words: education, Philippines, Marcos, New Society, Labor migration, labor export

Информация об авторе / Information about the author

Пракапович Нина Владимировна – аспирантка кафедры истории Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: farkiada@mail.ru.

Nina Prakupovich – post-graduate student at the Department of History of the Far East and Southeast Asia, Institute of Asian and African studies of Moscow State University. E-mail: farkiada@mail.ru.

Для цитирования / For citation

Пракапович Н.В. Место образования в концепции «Нового общества» авторитарного режима Фердинанда Маркоса на Филиппинах (1972–1982 гг.) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история*. 2020. Т. 12. № 3. С. 222–235. DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-3-222-235

Prakupovich N. Role of education in the concept of the “New Society” of the authoritarian regime of Ferdinand Marcos in the Philippines (1972–1982) // *RUDN Journal of World History*. 2020. Vol. 12. № 3. P. 222–235. DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-3-222-235

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 06.11.2019

ИЗ ИСТОРИИ ВОСТОКА HISTORY OF THE EAST

DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-3-236-249

Научная статья

Особенности политико-религиозного развития ойратов в середине XIV – середине XV вв.

Б.У. Китинов

Институт востоковедения РАН, отдел истории Востока
107031, Россия, Москва, ул. Рождественка 12

Период, начиная со второй половины XIV в. и до середины XV в. прошедший под знаком падения в Китае монгольской династии Юань, является важнейшим в истории восточных монголов и ойратов. До тех пор правило, согласно которому власть получали лишь представители «Золотого рода» (т. е. потомки Чингисхана по мужской линии), фактически не подвергалось никакому сомнению, однако со временем стали появляться различные его трактовки. Например, ойраты, как не-чингисиды, должны были утверждать свою власть, владея лишь вторыми ролями (первый министр – тайши). Ойраты, несмотря на внутренние неурядицы и борьбу с потомками юаньских правителей, смогли претендовать на образование единого монгольского государства, будучи под управлением тайшей из рода чорос. После длительной борьбы с восточными монголами (которых иногда возглавляли тоже ойраты, например Угэчи Хашиг и его сын Эсеху) таких ойратских лидеров, как Батула, Батуболо, Тайпин и Тогон, сыну последнего Эсэнэ удалось в краткие сроки не только вновь объединить ойратов, но и создать единое монгольское государство. Кроме того, он возродил религиозную и политическую роль сангхи, скорее всего, учения Карма Кагью черношапочная. Это было особенно важно, поскольку, кроме идеологического противовеса праву чингисидов, следовало отреагировать на рост активности ислама в регионе.

Ключевые слова: ойраты, буддизм, Юань, Мин, восточные монголы, Кармапа

Введение

По мнению Н. Я. Бичурина, ойратская история начинается с изгнания монголов из Китая [1. С. 24]; в целом того же мнения придерживается и Дж. Мияваки: ойраты вновь возникли на арене истории после смерти последнего императора Юань Тогон (Токуз) Темура в 1388 г. [2. Р. 40].

© Китинов Б.У., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Падение Юань повлияло на рост политической активности ойратов, которые в конце XIV в., видимо, в значительной массе продолжали находиться в подчинении у восточных монголов, в частности у Элбек-хагана (хана), потомка Тогон Темура. Согласно монгольским хроникам Хуухай Тайу (Хутхай Тафу), один из лидеров ойратов, подданный Элбек-хана, был убит ввиду наговора на него Элзит, ханской супругой. Позже, когда выяснилось, что он был казнен напрасно, Элбек-хан в возмещение ущерба передал в управление его сыновьям Угэчи Хашиге и Батуле четыре тумена (ойратов) ([3. С. 257–258]; [4. Р. 62, note. 199]); согласно «Желтой истории», ойратов получил лишь Батула [5. С. 84]. Судя по всему, был еще третий ойратский лидер – Батуболо; «народ ойратов распался на три части», отмечается в хронике «Мин ши» [6. С. 18].

Элбек-хан вручил Батуле титул *чинсанга* (государственного министра) и женил на своей дочери Самур Гунджи ([7. С. 25]; [5. С. 84]). «После того, как хаган просидел на престоле шесть лет, ойратские Батула-чинсанг и Угэчи Хашига прикончили Элбэг-хагана в год змеи (1), и он стал тэнгри. Батула-чинсанг и Угэчи Хашига сначала захватили четыре тумэна ойратов и стали врагами. Говорят, так была захвачена ойратами единая держава монголов», отмечается в «Алтан тобчи» ([3. С. 258]; [4. Р. 61]). Маловероятно, чтобы хаган был убит своим зятем, скорее всего, это сделал Угэчи Хашиг, которого Элбек-хан обделил наградами; в «Шара туджи» эта ситуация уточняется: «после этого ойратский Угэчи-хасха убил хана» [5. С. 85], что случилось спустя четыре месяца после описанных выше событий (женитьбы Элбек-хана на Элзит и убийства Хутхай-тафу).

Исследование проблемы

После убийства Элбек-хана восточных монголов в 1400 г. возглавил его сын Гантемур, но он спустя два года был убит тем же Угэчи Хашигом. Последний с помощью Аругтая (2) занял всемонгольский трон и принял имя Гуйлинчи-хана (3), а Аругтая был вручен титул *чинсанга* ([8. Р. 498]; [9. С. 147]). Недовольный таким развитием событий, Батула, бывший до того единственным чинсангом, начал войну с Гуйлинчи, которого Аругтай вскоре предал, и разбитый Гуйлинчи (Угэчи Хашиг) отправился в свои кочевья в районе Ганьсу, где вскоре скончался.

Аругтай в поисках настоящего потомка-чингисида посетил чагатайский Бешбалык, откуда он привез в Монголию младшего сына Элбек-хана, Буяншира (Бунияшир, 1379–1412 гг.), провозгласив его в 1408 г. императором с правящим титулом Ользитемур (Элзей-Темур), сам же принял звание *таши* (*тайши* – «Великий Наставник») и стал верховным военачальником. Каракорум вновь стал столицей. Батула, Батуболо и Тайпин (5) повели свои войска против нового императора и его тайша. Новый правитель династии Мин Чжу-ди (правил в 1402–1424 гг., девиз правления Юнлэ), заинтересованный в усобице между ойратами и восточными монголами, решил воспользоваться ситуацией и предоставил в том же 1408 г. императорские титулы этим трем ойратским лидерам, тем самым положив начало политике

разделения и ослабления этих кочевников: Махаму – титул «шунь-нин-ван, Тайпину – сянь-и-ван, Батуболо – ань-лэ-ван (6)» ([9. С. 148]; [10. Р. 77], последний указывает на 1409 г.]. Позже, в мае 1409 г., он даровал титул «Верный мирный принц» (онг, ван) Махаму (т.е. Батуле). Прознав про это, Ользитемур в ярости в июне того же года приказал убить минского посланника и начал военную кампанию против ойратов, которая провалилась [8. Р. 499]. Вскоре Ользитемур и Аругтай рассорились, и первый отправился на запад, на свою родину – в улус Чагатая, но по дороге в 1412 г. был убит Батулой, который поставил хаганом Делбека (1395–1415 гг.), сына Ользитемура (7). Готовясь к войне с Аругтаем, Батула потребовал от минских властей военную помощь, но те не только отказали ему, но и вручили 28 июля 1413 г. титулы и подарки Аругтаю (титул «Послушного Принца» (*hepani van*) и «правителя Каракорума» (*Хар-Хорина*)) и его окружению.

Смысл этого приема заключался не только в желании построить правящий слой соседних народов в иерархию китайской «табели о рангах», тем самым подчинив их себе прежде всего в политико-правовом отношении; налицо стремление минских правителей использовать классический прием *divide et impera* для ослабления своих сильных противников, поскольку их объединение грозило бы существованию империи. Был и внешнеполитический контекст: после смерти Туглук Тимура в 1362 г. в Могулистане начались усобицы, чем воспользовался Тимур (Тамерлан), в период 1375–1390 гг. подчинивший регион своей власти; впоследствии Могулистан стал опорным пунктом для его войск, готовившихся к войне с Китаем [11. С. 69–70]. Поход не состоялся из-за внезапной смерти Тимура в Отраре.

Батула пытался наладить дружественные отношения с Нанкином, однако минский двор настороженно относился к его успехам и тем более требованиям. В «Мин шилу» имеется запись от 1413 г.: «Северный варвар Бун-Буха прибыл ко двору и сообщил: «С тех пор как ойратский Мухмуд убил своего хана, он стал очень гордым и пытается бороться со Срединным государством. Тот факт, что он шлет послов ко двору – показатель не подчинения, но алчности к золоту, шелку и вещам» (цит. по: [12. Р. 51]).

В 1414 г. в битве армии ойратов против объединенной армии Аругтая и Мин (в последней воевало около 500 000 воинов) близ нынешнего Улан-Батора ойраты были разгромлены; чуть позже Делбек был убит Эсехой, сыном Угэчи Хашиги. Эсеха, в свою очередь, провозгласил себя императором и взял имя Ойрадай. Он продолжил давление на ойратов, последние отступили в южные регионы Джунгарской впадины и Могулистан, где в 1416 г. они были вновь разбиты в битве у Хами, а Батула схвачен и казнен. Вскоре Ойрадай скончался, а бессменный Аругтай в 1425 г. интронизировал императором Адая из хорчинов, потомка Хабуту-Хасара, младшего брата Чингисхана, а сам вновь стал тайш (тайши). Он подарил Адаю супругу Батулы, Самур, с ее сыном Бахаму, однако Адай вернул мальчика Аругтаю, который сделал его своим слугой и стал называть Тогоном (*toghoghan* – котелок), поскольку сам в свое время получил прозвание Аругтай от Батулы, для которого он собирал кизяк (*arag, aruq*). Его мать, Самур, вскоре упростила своего супруга Адая поз-

волить ее сыну вернуться к ойратам [8. Р. 500]. Будучи старшим сыном Батулы, Тогон в 1417 г. наследовал его титул *чинсанга* и формально возглавил «Четыре Ойрата». Еще через год он, с согласия двора, наследовал титул *шуньнин-вана* («Послушный и мирный правитель»), ранее врученный Минами его отцу, и проводил миролюбивую политику в отношении империи.

Тогон стал готовиться к войне и укреплять тылы: он выдал замуж свою дочь Нугандашир за Бушира, правителя Хаами, чьей независимости угрожали планы Адая и Аругтая, совместно с чагатаидами, возродить династию Юань; подчинил себе урянхаев; установил связи с чжурчжэнями [8. Р. 501]. Поскольку Адай не был потомком Чингисхана, и поэтому не пользовался авторитетом среди монголов, Тогон заранее подобрал ему замену – им стал Токто-Буха, старший из внуков Элзита, на которой ранее женился Элбек-хан по совету Хутхай-Тафу. Токто-Буха со своими двумя братьями проживал под опекой Батулы, и они поддержали его план.

В 1437/1438 г. Тогон разбил Адая и Аругтая и направил подарки императору Мин. Поскольку он сместил не-чингисида Адая, то скоро стал популярен по всей Монголии. Однако Тогон не торопился передать престол Токто-Бухе, возможно, поскольку сам хотел стать хаганом. Ранней весной 1439 г. на церемонии поклонения в Ордосе у священных юрт, где хранился *сультэ* Чингисхана, Тогон, вместо того, чтобы объявить о начале правления Токто-Бухи, стал хвалиться, что он, ойрат, не ниже его, великого Чингисхана; согласно источникам, внезапно из юрты из колчана Чингисхана вылетела стрела, и Тогон скончался от раны в спине ([13. Р. 106]; [5. С. 85]; [8. Р. 502–503]). Токто-Буха стал ханом (8), принял имя Дайсун (Тайсун) и назначил Эсэна, сына Тогона, *тайши*, с сохранением за ним отцовских титулов, и верховным командующим. Тайсун взял под правление только восточную часть Монголии, Эсэн же отвечал за «Четыре Ойрата». Будучи вторым человеком после хана, Эсэн стремился проводить собственную политику; так, под 1451 г. источник сообщает, что «Тогто-Буха-ван и Эсэн-тайши северных монголов и ойратов раздельно прислали ко двору лошадей (9)» [12. Р. 52]. Судя по этим данным, Эсэн уже в открытую действовал как независимый правитель.

Убийство Элбек-хана, отделение ойратов от восточных монголов и их дальнейшая междоусобная борьба действительно имели принципиальнейшее значение для всех них. Д. Снис, имея в виду это же событие, отмечал, что монгольская хроника «*Altan Khürdün Minggan Khegesütü*» (ок. 1739 г.), описывает расхождение ойратской знати с чингисидами в конце XIV в. как отделение ойратской линии (*ug ündüsün*) от монгольской *mongyol*. «После этого политического акта ойраты описываются как отличные от монголов, хотя они продолжали быть включенными в число тех, кто говорит на монгольских языках (*mongyol kheleten*)» [14. Р. 171]. Нам хотелось бы выделить мнение Б. Я. Владимирцова, отметившего, что после падения Юань «“Золотой род” начал оскудевать; царевичей просто стало мало. А между тем младшие феодалы *sayid*’ы, вернувшись к своим “тысячам”, ставшим отоками, скоро почувствовали свою силу... Они поняли, что сами могут стать на их место [хаганов, джинонгов и тайджи – Б. К.]. Ойратские сайды оказались

в особо благоприятном положении» [15. С. 442]. Среди причин он выделяет их подчинение непосредственно хагану и правление над «молодым народом [ойратов], только что перешедшим на „степь“, лучше других монгольских племен сохранившимся во время войн империи и феодальных схваток между царевичами» [15. С. 443].

По Г.И. Рамстедту, «...после изгнания монгольской династии из Китая, имя Ойрат делается все более и более известным; ойраты и дёрбён-ойраты, «четыре ойрата», выступают в виде врагов восточных монголов, и стремления их направлены на добывание самостоятельности и независимости от “сорока” монголов» (11) [16. С. 547]. В данном случае мы видим совместное проявление тех тенденций, что были в ойратском сообществе: чтобы выйти из-под власти монгольских правителей, следовало обрести иную, отличную от монгольской (общемонгольской), идентичность, поскольку, как отмечает Д. Снис, «...быть монголом, означало, собственно, находиться под правлением борджигитов» [14. Р. 171]. Такого рода тенденции были тем более результативны, поскольку отсутствовал, или, скорее, играл минимальную роль такой важный скрепляющий фактор, как родовые отношения: в то время этнические группы были не автохтонными родственными сообществами, но политически определенными категориями, формировавшимися правителями [14. Р. 174].

Новая идентичность подразумевала наличие идеологической альтернативы. А. Бирталан пишет: «Поскольку чингисиды ослабили и к власти пришли вожди западно-монгольских племен, западные монголы нуждались в мифологическом и легендарном происхождении, чтобы сделать свое правление легитимным» ([17. Р. 79]. Такая идеологическая основа тем более была нужна, поскольку они в действительности со временем владели всей Монголией и устраивали военные набеги на соседей по всему периметру ее границ [10. Р. 78].

В поисках такой основы они обратились к буддизму. Это учение было им известно еще ранее. Косвенные свидетельства о бытовании буддизма у ойратов в рассматриваемый период можно найти, например, в «Тарих-и Рашиди», где есть сведения об упоминавшемся выше Туглук Тимуре (1329 / 1330–1363 гг.), первом правителе Могулистана (Восточного Туркестана), сыгравшем принципиальную роль в обращении местных тюркских народов в ислам. Он вырос среди ойратов; согласно источнику, «Хан [Туглук Тимур] в возрасте 16 лет был доставлен из калмаков (12) Амиром Буладжи; в возрасте 18 лет он стал ханом. В возрасте 24 лет он был обращен в ислам и умер в возрасте 34 лет. Он родился в 730 году (1329–1330 гг.)» (цит. по: [18. С. 38]). В «Тарих-и Рашиди» не говорится, какой веры придерживался Туглук Тимур, пребывая у ойратов, однако есть малоизвестная информация в источниках тибетской школы Карма Кагью, где отмечено, что Ролпэ Дорджэ (1340–1383 гг.), четвертый черношапочный Кармапа-лама, в 1363 г. получил приглашение от «правителя То-хора (13) ... чагатаидского монгола Тоглаг Темура» [19. Р. 147], но отказался посещать Могулистан, поскольку ранее хан был обращен в ислам. Данный эпизод из жизни Туглук Тимура позволяет заклю-

чить, что он был знаком с буддизмом, когда жил у ойратов (калмаков), которым буддийские положения в первой половине XIV в. были в определенной степени известны, и это был буддизм школы Карма Кагью (черношапочная).

Дополнительные сведения о бытовании буддизма в других монгольских улусах (прежде всего у чагатаидов) можно обнаружить, изучая внешнюю политику династии Мин. При императоре Чжу-ди Китай стал активно интересоваться и соседями, и дальними странами. Им был задействован большой арсенал политических, экономических и иных возможностей и средств, среди которых религиозная стала одной из значимых. В минских источниках отмечается, что в 1403 г. император решил послать миссию к известному тибетскому ламе Пятому черношапочному Кармапе Чойпел Зангпо (Dharma shŕī bhadra [Chos dpal bzang po], 1384–1415 гг.) [20. С. 113–115], более известному по данному ему титулу Дешин Шегпа (De bzhin gshegs pa), после того, как «был наслышан о его сверхъестественной практике Пути, когда тот бывал во дворах центрально-азиатских правителей» [21. Р. 75], под кем подразумевались, вероятно, чагатаиды. Действительно, китайский источник того периода отмечал, что Восточный Туркестан (западнее буддистов уже не было (14)) заселен мусульманами и буддистами [22. Р. 193].

Кармапа прибыл в Нанкин в конце 1406 г. и преподавал буддийское учение императору; в ответ он был награжден целым рядом титулов: wan-xing-ju-zu, shi-fang-zui-sheng, yuan-jue-miao-zhi и др. Примечательно, что титулы, преподнесенные Кармапе императором, не только эксплицировали их переход от бывших сакьяских фаворитов времен Хубилая, основателя династии Юань, к кармапинским (например, титул «ринчен чогыял» (rin chen chos gyal)), но даже превосходили их: так, вместо юаньского титула «да-юань ди-ши» (Da yuan di shi, Великий учитель Великой Юань – титул «ру-лай» (Ru Lai, санскр. Tathāgata, тиб. De bzhin gshegs pa – татхагата, «Так пошедший»). Лю Чжао отмечает, что Кармапе не был вручен титул «Учителя императора», вместо этого он стал именоваться «Тот, кто проводит буддизм в мир» (Xi tian da shan zi zai fo) [23. Р. 19], что подразумевало запрет религиозным деятелям вмешиваться в дела империи. Он же приводит и такое мнение: если Хубилай вручал сакьяскому ламе Пагбе религиозную и светскую власть над Тибетом, то император Чжу-ди указал только на религиозную сферу деятельности ламы [Ibid]. Общаясь с тибетскими буддийскими лидерами, император проявлял большой интерес к делам у монголов, поскольку сам пришел к власти во многом благодаря их военной поддержке и понимал их военный потенциал [21. Р. 74].

Ойраты были заинтересованы в развитии отношений с Мин. В первой трети XV в., вскоре после установления торгового посольства от ойратских правителей просили буддийские культовые предметы, священные книги и др. [24. Р. 187]. В 1438 г. ламы, жившие у ойратов, получили от императора монашеские одеяния. В отношении событий в 1446 г. в «Мин ши» отмечено: «Эсэн, тайши ойратов (ва-ла), сообщил, что глава его посольства, Куан-Тинг гуши Чамчен-лама, известен своим глубоким знанием учения Будды, и поэтому просит [императора] подарить [ему] ... титул, серебряную печать и

монашескую одежду с золотой вышивкой. Также он просит танки с изображением Будд пяти категорий, кольца, музыкальные тарелки, барабаны, покрывала с драгоценными камнями, морские раковины и другие церемониальные инструменты» (цит. по: [25. Р. 51]).

Существует запись, датированная 1452 г., где упоминается Сангдаг-шири, другой государственный наставник Эсэна, и лама Сакуй-Темур [25. Р. 52]. Ш. Джагчид указывает, что, кроме таких высокопоставленных священнослужителей, вовлеченных в политические дела, «могли быть и другие ламы, которые не привлекались к политике, но были заняты своей святой работой как священники и проповедники Закона Будды» [Ibid]. Практически вся информация периода династии Мин о бытовании буддизма среди «северных варваров» (монгольских народов) имеет отношение только к ойратам [25. Р. 53].

Таким образом, Эсэн поклонялся Будде и высоко чтит монахов. Он не был чингисидом, поэтому в своих притязаниях на власть над монгольскими народами решил поднять значение буддизма к тому показателю, что имел место у Хубилая, когда сферой правителя были мирские дела, а ламы – духовные. Кроме получения из Пекина религиозных принадлежностей и титулов для лам, Эсэн мог также обращаться ко двору с просьбой направить к нему тибетских лам «для разъяснения буддийской доктрины» [26. Р. 53]. Вместе с тем он, вероятно, признавал сакральную власть императора.

Еще в 1421 г. минский двор переехал в Пекин, и этот переезд оказал важное влияние на Степь: империя развернулась в сторону кочевников, тем самым усилив свое политическое и экономическое присутствие в этой части Центральной Азии. Пекин стал быстро превращаться в политический и экономический центр, куда стремились посланцы от всех соседних народов.

Важное значение для управления «варварами» приписывалось принципу «цзими» («слабого управления варварами»), суть которого состояла в правиле «вносить смятение в сердца и тем завоевывать их» [11. С. 22]. Последующий пример является весьма характерным: Л. Шрам привел в своей работе информацию П. Пеллио, что «в период Хун-у (1368–1398 гг.) титулов «Учитель империи» и «Великий учитель империи» были удостоены лишь четыре или пять лам. Во время Юн-лэ (1403–1424 гг.) титула «Правитель закона» удостоились два ламы, два – «Будда западного рая», восемнадцать – «Куан-тинг» или «Да Гуши», или оба титула. В период Тянь-тай (1450–1456 гг.) титулы давались так часто, что мы сбились со счета» [27. Р. 17]. Весьма показательным, что массовое присвоение званий буддийским монахам началось после 1449 г., когда в битве при Ту-му, недалеко от Пекина, минские войска, несмотря на свое подавляющее численное превосходство, были наголову разбиты ойратами под командованием Эсэна [28]. Последствия были впечатляющими: более четверти из миллионной императорской армии было убито, сам император Ин-цзун попал в плен [29. Р. 416]. Пекин оказался без защиты и правителя, но, вероятно, ввиду почитания императора как Сына Неба и столицы империи как сакрального центра, Эсэн не решился на серьезный штурм, и приказал с почтением относиться к высокопоставленному пленнику. Вскоре, не добившись никаких преференций со стороны но-

вого императора, попросту отпустил Ин-цзуна на родину без каких-либо условий. После освобождения императора, в декабре 1450 г., Эсэн получил письмо, где был упомянут длинным списком титулов: «Эсэн, главнокомандующий армией ойратов, Дархан, Тайши, Правитель Хуай, Советник Правого Секретариата» («Wala tu-tsung-ping ta-la-han t'ai-shih Huai-wang ta-t'ou-mu chung-shu yu-ch'eng-hsiang Yeh-hsien») [30. P. 363].

В то время Срединная империя была сакральным центром не только для западных монголов, но и вообще для большинства (если не всех) соседей империи. Следует отметить, что в китайской политической практике вступление «варваров» в контакт с Китаем мыслилось как обращение к «цивилизации», что с их стороны должно было подкрепляться посылкой делегации (проявление «искренности») и подношением даров («дани») [11. С. 41]. Вместе с тем Китаем активно использовался принцип «стимул – реакция», где под «стимулом» мог подразумеваться как выезд китайского посольства к «варварам», так и приглашение правителей последних на аудиенцию к императору, что должно было реализовываться в «реакции» – ответном посольстве с подношением локальных продуктов производства. Тем самым возникала система реального или номинального вассалитета, когда приглашенные одаривались титулами, печатями и званиями за право поставлять «дань» ко двору. Г. Серрайс выделяет идею Ш. Джагчида о том, что в то время как кочевники стремились удовлетворить свои экономические нужды, основные цели Китая были политические [26. P. 54].

Эсэн в начале 1452 г. разгромил хагана и стал называть себя хаганом Юань: «Святой, утвержденный небесами, великий хаган великой Юань» (Da yuan tuan sheng thogo han) [6. С. 25]. Минский двор, все так же опасавшийся возрождения монгольского духа, и годом ранее вручивший ему пышный титул, решил именовать его хаганом ойратов; с тех пор он перестал именоваться тайши [30. P. 364]. В связи с такими переменами на титул «тайша» стал претендовать некий ойратский вождь (chih-yuan) Алаг, но Эсэн ему отказал, и осенью 1453 г. передал титул одному из своих сыновей, скорее всего, Амасанджи. Между Алагом и Эсэном возник конфликт, хаган отравил сыновей этого вождя, за что тот разбил войско Эсэна. Последний бежал, но был схвачен и убит. Это случилось в 1454–1455 гг. [30. P. 365].

Со смертью Эсэна завершился важный период в истории ойратов. К тому времени существенно изменилась международная обстановка, произошли значительные перемены у соседних мусульманских народов, обусловленные, прежде всего, преобразованиями в религиозной сфере. В Восточном Туркестане начался поворот от чингисидского права к исламским установлениям еще в конце XIV в., он усиливался в течение первой половины XV в. В регионе укрепилось учение шейха Беха-ад-дина Накшбанди (1318–1389) из Бухары (школы Накшбандийа). Вместе с тем значение самой принадлежности к «Золотому роду» никогда не оспаривалось.

В Самарканде после Тамерлана стал править его сын Шахрух, который, с целью утверждения себя достойным наследником и благочестивым правителем, около 813/1411 г. объявил, что отменяет монгольскую Ясу и

восстанавливает шариат [31. Р. 68]. Об этом он сообщил в письме к императору Юн-лэ в 815/1412–1413 гг. Свое письмо Шахрух начал с обсуждения пророков и отмены Мухаммадом прежних законов. Далее он рассказал о завоеваниях Чингисхана, не упоминая о его религии, но заявил, что многие потомки Чингиса и их регионы стали мусульманскими. Тимур, придя к правлению, применял шариат и поддерживал правоверных. Теперь, когда трон оказался у Шахруха, исламский закон был удостоен высокой чести, а суд (яргу – *yarghu* (15)) и законы Чингисхана были отменены. В конце письма следовало окольное предложение: ислам должен распространиться и на земли императора [31. Р. 69]. Можно допустить, что подобные намерения были у Шахруха и в отношении ойратов.

Поскольку ойраты были представлены во всех чингисидских улусах, то в их (ойратов) состав могли входить те или иные тюркские народы (роды), что, безусловно, сказалось на известном проникновении к ним ислама. Возможно, некоторая часть этого народа, например, отдельные представители чоросов, имевшие тюркское происхождение, стали мусульманами. Даже имя одного из их ойратских глав – Махаму (Махмуд) – свидетельствует об определенном присутствии ислама среди элиты ойратов (16). Вероятнее всего, ко времени его правления они в немалой степени придерживались шаманских культов, хотя буддизм также был им хорошо известен, как указано выше.

Несмотря на наличие среди ойратов тибетских монахов (вероятно, принадлежащих к направлениям такой школы тибетского буддизма, как Кагью) еще в середине XIV в., поворот их к буддизму случился не ранее периода правления Эсэна, т. е. во второй трети XV в. Эта перемена была связана с целым рядом причин, которые имели и внешние, и внутренние основы: политические, экономические, идеологические. К первым следует отнести начавшееся формирование государственных образований как у ойратов (основное место пребывания – Джунгарская впадина и Западная Монголия), так и у соседних кочевых народов. Экономические причины, связанные с разрешением Минской династии начать торг лошадьми, также сыграли свою роль в «буддизации» ойратов. Согласно Й. Элверскогу, после 1449 г. Эсэн «повернулся» к буддизму и установил связь с тибетскими ламами, как то было при Юань. Таким образом, он стал первым ойратским лидером, кто провозгласил буддизм религией своего государства [32. Р. 197].

Заключение

Борьба с Северной Юань (восточными монголами) требовала от ойратов обнаружения иной, отличной от восточных монголов, идентичности. Им также следовало обрести соответствующую идеологию. Первое решение было найдено в политическом объединении тех, кто был против доминирования восточных монголов в Западной Монголии, второе – в восприятии буддизма как государственной религии. Кроме того, желание ойратских лидеров обладать китайскими титулами (сами правители как *тайши*, представители духовенства – в рангах, предоставляемых императором) также фор-

мировало определенные стороны идентичности, которые позволяли противостоять попыткам исламизации, охватившей соседние регионы.

Примечания

- (1) 1401 г. По другим данным, это случилось в год красного быка (1387 г.) [33. С. 50].
- (2) Аругтай был выходцем из Хеленбуира (Хулун Буир, северо-восток совр. пров. Внутренняя Монголия КНР).
- (3) Он назван у Н. Я. Бичурина как «Гольци, не имевший законного права на престол» [1. С. 25].
- (4) Н. Я. Бичурин также отмечал, что в начале XV в. «сильные Князья Монголии разделились на три стороны или партии, и Глава сильнейшей из них обыкновенно занимал при Хане должность Тайши... пользовался неограниченным полномочием в делах и правом предводительствовать войсками целой Монголии» [1. С. 25].
- (5) Согласно Л. Жамсрану и В. Успенскому его звали Тайван ([8. С. 499]; [9. С. 147]).
- (6) По А. И. Чернышеву, Батула-чинсанг – это Махаму, Угэчи хашиг – Тайпин, Батуболо не идентифицирован [6. С. 18].
- (7) Й. Элверског отмечает: «Основываясь на минских записях, подъем ойратов начался на самом деле в 1412 г., когда ойратский правитель Махмуд сменил монгольского правителя Буяншири и поставил на трон его сына, Делбека» [4. Р. 61, note. 197].
- (8) Н. Я. Бичурин писал, что в 1425 г. Олотай (Аругтай. – Б. К.) был разбит ойратами и ушел на восток, к реке Ляо. Но в 1431 г. Тогон напал на него «которого убивши, овладел его народом и хотел объявить себя ханом, но прочие князья не были на сие согласны. И так на ханский престол возведен Тохто-буха, а Тогон сам себя объявил везирем его» [34. С. 197].
- (9) Как писал А. С. Мартынов, «с точки зрения высокой теории, значение приезда ко двору заключалось в том, что он давал возможность “варварам” выразить свою “искренность”. С этой точки зрения приезд с данью извне есть прежде всего форма выражения искренности» [35. С. 46].
- (10) Ойратских правителей, ставивших ханами Монголии потомков Чингисхана, а себя – первыми министрами при них, Д. Снис именует «создателями правителей» (king makers) [36. Р. 395]. Эсэн фактически завершает список таких «создателей».
- (11) Подробно причины борьбы ойратов с восточными монголами (халха) рассмотрены И.Я. Златкиным [7. С. 23–24].
- (12) Вопрос об идентичности калмаков, т. е. их этнической принадлежности, является в науке довольно запутанной проблемой (см. ниже). Здесь под калмаками подразумеваются ойраты [37].
- (13) То-хор (Stod Hor) в тибетской историографии традиционно связывают с Восточным Туркестаном.
- (14) Утверждение династии Тимуридов в западной части прежнего Чагатайского улуса привело к укреплению исламом своих позиций во всем улусе: к 1430 г. не осталось буддистов в Турфане, к 1480 г. – в Хами.
- (15) Также известно как *Зарго*.
- (16) Конечно, могли быть причины и иного характера для наделения человека именем, присущим последователям иных религий. Отмеченное выше не означает, что Махаму (Батула) точно был мусульманином, но такая вероятность сохраняется.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Бичурин Н.Я. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. 2-е изд. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1991. 127 с. (первое издание – 1834).

- [2] Miyawaki J. The birth of the Oyirad khanship // *Central Asiatic Journal*. 1997. № 41/1. Pp. 38–75.
- [3] Лубсан Данзан. Алтан тобчи (Золотое сказание). Пер. с монг., введ., комм. и приложения Н.П. Шастиной. М.: Наука, 1973. 439 с.
- [4] Elverskog J. The Pearl Rosary. *Mongol Historiography in Early Nineteenth Century Ordos*. The Mongolia Society, Inc., 2007. 196 p.
- [5] Желтая история (Шара туджи). Пер. с монг., транслитер., введ. и комм. А.Д. Цендиной. М.: Восточная литература, 2017. 406 с.
- [6] Чернышев А.И. Общественное и государственное развитие ойратов в XVIII в. М.: Наука, 1990. 136 с.
- [7] Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. 1635–1758. 2-е изд. М.: Наука, 1983. 331 с.
- [8] Jamsran L. Attempts to Overcome a Crisis of State: the Oirats Gain in Strength // *The History of Mongolia*. Vol. II. Part 3. Yuan and Late Medieval Period / ed. by D. Sneath and C. Kaplonski. Global Oriental, 2010.
- [9] Успенский В. Страна Кукэ-Нор, или Цинхай, с прибавлением краткой истории ойратов и монголов, по изгнании последних из Китая, в связи с историей Кукэ-Нора // *Записки Императорского Русского Географического Общества*. 1880. Т. 6. С. 59–196.
- [10] Tsengel Н. The Formation of the Dorben Oyirad Alliance // *Ойрад ба дээд монголын туух, сурвалж бичгийн судлал*. Улаанбаатар: Соембо принтинг, 2017. Pp. 73–89. (Источниковедение и история ойратов и верхних монголов)
- [11] Зотов О.В. Китай и Восточный Туркестан в XV–XVIII вв. Межгосударственные отношения. М.: Наука, 1991. 168 с.
- [12] Jagchid S. Trade, peace and war between the nomadic Altaics and the agricultural Chinese // *Bulletin of the Institute of China Boarder Aare Studies*. 1970. № 7.
- [13] Sayang Sečen. *Erdeni-yin Tobči* ('Precious Summary'). A Mongolian Chronicle of 1662. Canberra: Australian National University, 1990.
- [14] Sneath D. *The Headless State: Aristocratic Orders, Kinship Society, and the Misrepresentation of Nomadic Inner Asia*. Columbia University Press, 2007. 273 p.
- [15] Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм // Владимирцов Б.Я. *Работы по истории и этнографии монгольских народов*. М.: Восточная литература, 2002. С. 295–488.
- [16] Рамстедт Г.И. Этимология имени Ойрат // *Сборник в честь семидесятилетия Г.Н. Потанина. Записки ИРГО по отделению этнографии*. Т. XXXIV. СПб.: Типография В.У. Киршбаума (отделение), 1909. С. 547–558.
- [17] Birtalan Á. An Oirat Ethnogenetic Myth in Written and Oral Traditions (A Case of Oirat Legitimacy) // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2002. Vol. 55. Iss. 1–3. Pp. 69–88.
- [18] Хайдар Мирза Мухаммад. *Тарих-и Рашиди*. Введ., пер. с персидского А. Урунбаева, Р.П. Джалиловой. Л.М. Епифановой. Ташкент: ФАН, 1996. 727 с.
- [19] Richardson H.E. The Karma-Pa Sect. A Historical Note // *Journal of the Royal Asiatic Society*. 1958. October. Pp. 139–164.
- [20] Карма Тринле. *История Кармап Тибета*. М.: Алмазный путь, 2010. 221 с.
- [21] Karmay H. *Early Sino-Tibetan Art*. Aria & Phillips Ltd., 1975. 128 p.
- [22] Elverskog J. *Buddhism and Islam on the Silk Road*. University of Pennsylvania press, 2010. 340 p.
- [23] Luo Zh. The status of China's sovereignty in Tibet during the Ming dynasty // *China Tibetology*. 2015. № 1. Pp. 1–53.
- [24] Levathes L. *When China Ruled the seas: the Treasure Fleet of the Dragon Throne 1405–33*. New-York: Simon and Schuster, 1994. 256 p.
- [25] Jagchid S. Buddhism in Mongolia After the Collapse of the Yuan Dynasty // *Bulletin of the Institute of China Boarder Aare Studies*. 1971. № 2. Pp. 43–60.

- [26] Serruys H. Sino-Mongol Trade During the Ming // *Journal of Asian History*. 1975. Vol. 9. № 1. Pp. 34–56.
- [27] Schram L.M.J. The Monguors of the Kansu-Tibetan Border. Pt. 2. Their Religious Life. Philadelphia, 1957.
- [28] Elverskog J. Sagang Sechen on the Tumu Incident // *How Mongolia Matters: War, Law, and Society* / ed. by Morris Rossabi. Brill, 2017. Pp. 6–17.
- [29] Dictionary of Ming Biography. 1368–1644. Vol. 2. New-York – London, 1968. Pp. 1023–1751.
- [30] Serruys H. The Office of Tayisi in Mongolia in the fifteenth Century // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1977. Vol. 37. № 2. December. Pp. 353–380.
- [31] Manz B.F. Family and Ruler in Timurid Historiography // *Studies on Central Asian History in Honor of Yuri Bregel / Indiana University Uralic and Altaic Series* / ed. by Devin DeWeese. Vol. 167. Bloomington: Indiana University press, 2001. Pp. 57–78.
- [32] Elverskog J. Our Great Qing. The Mongols, Buddhism and the State in Late Imperial China. University of Hawai'i Press, 2008. 242 p.
- [33] Горохова Г.С. Монгольские источники о Даян-хане. М.: Наука, 1986. 117 с.
- [34] Бичурин Н.Я. Записки о Монголии. Том. 2. СПб.: в типографии Карла Крайя, 1828. 339 с.
- [35] Мартынов А.С. Статус Тибета в XVII–XVIII веках в традиционной китайской системе политических представлений. М.: Наука, 1978. 284 с.
- [36] Sneath D. Introduction // *The History of Mongolia*. Vol. II. Part 3: Yuan and Late Medieval Period. Global Oriental LTD., 2010. Pp. 391–400.
- [37] Китинов Б.У. «Ойраты-огеледы... пересекли реку Манкан»: этно-религиозная ситуация у ойратов в середине XV – начале XVI вв. // *Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история*. 2017. Т. 9. № 4. С. 370–382.

REFERENCES

- [1] Bichurin N.Ya. Historical review of Oirats or Kalmyks from the 15th century to the present. 2nd ed. Elista: Kalmyk Book Publishing House, 1991. 127 p.
- [2] Miyawaki J. The birth of the Oyirad khanship. *Central Asiatic Journal*. 1997. № 41/1. Pp. 38–75.
- [3] Lubsan Danzan. Altan Tobchi (The Golden Legend). Transl. from Mong., Intr., comments and applications by N.P. Shastina. Moscow: Nauka Publishing House, 1973. 439 p.
- [4] Elverskog J. The Pearl Rosary. *Mongol Historiography in Early Nineteenth Century Ordos*. The Mongolia Society, Inc., 2007. 196 p.
- [5] Yellow Story (Shara Tuuji). Transl. from Mong., translit., intr. and comments by A.D. Tsendina. Moscow: Oriental literature, 2017. 406 p.
- [6] Chernyshev A.I. The Public and State Development of Oirats in the 18th Century Moscow: Nauka Publishing House, 1990. 136 p.
- [7] Zlatkin I.Ya. History of the Dzungar Khanate. 1635–1758. 2nd ed. Moscow: Nauka Publishing House, 1983. 331 p.
- [8] Jamsran L. Attempts to Overcome a Crisis of State: the Oirats Gain in Strength. *The History of Mongolia*. Vol. II. Part 3. Yuan and Late Medieval Period. ed. by D. Sneath and C. Kaplonski. Global Oriental, 2010.
- [9] Uspensky V. The Country of Kuke-Nor, or Qinghai, with the addition of a brief history of the Oirats and Mongols, after expelling of the latter from China, in connection with the history of Kuke-Nor. Notes of the Imperial Russian Geographical Society. 1880. Vol. 6. Pp. 59–196.
- [10] Tsengel Н. The Formation of the Dorben Oyirad Alliance. Ойрад ба дээд монголын туух, сурвалж бичгийн судлал. Улаанбаатар: Соембо принтинг, 2017. Pp. 73–89. (The Study of the Sources and History of Oirats and Upper Mongols).

- [11] Zotov O.V. *China and East Turkestan in the 15th – 18th centuries Interstate relations*. Moscow: Nauka Publishing House, 1991. 168 p.
- [12] Jagchid S. Trade, peace and war between the nomadic Altaics and the agricultural Chinese. *Bulletin of the Institute of China Boarder Aare Studies*. 1970. № 7.
- [13] Sayang Sečen. *Erdeni-yin Tobči ('Precious Summary')*. A Mongolian Chronicle of 1662. Canberra: Australian National University, 1990.
- [14] Sneath D. *The Headless State: Aristocratic Orders, Kinship Society, and the Misrepresentation of Nomadic Inner Asia*. Columbia University Press, 2007. 273 p.
- [15] Vladimirtsov B.Ya. The social system of the Mongols. The Mongolian nomadic feudalism. Vladimirtsov B.Ya. *Works on the history and ethnography of the Mongolian peoples*. Moscow: Eastern Literature, 2002. Pp. 295–488.
- [16] Ramstedt G.I. Oirat name etymology. Collection in honor of the seventieth birthday of G.N. Potanin. *Notes of the IRGO on the Department of Ethnography*. Vol. XXXIV. St. Petersburg: V.U. Kirshbaum Printing house (Department), 1909. Pp. 547–558.
- [17] Birtalan Á. An Oirat Ethnogenetic Myth in Written and Oral Traditions (A Case of Oirat Legitimacy). *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2002. Vol. 55. Iss. 1–3. Pp. 69–88.
- [18] Haydar Mirza Muhammad. *Tarih-i Rashidi*. Introduction, transl. from the Persian by A. Urunbaeva, R.P. Jalilova, L.M. Epifanova. Tashkent: FAN Publishing House, 1996. 727 p.
- [19] Richardson H.E. The Karma-Pa Sect. A Historical Note. *Journal of the Royal Asiatic Society*. 1958. October. Pp. 139–164.
- [20] Karma Trinle. *History of Karmapas of Tibet*. Moscow: Diamond Way, 2010. 221 p.
- [21] Karmay H. *Early Sino-Tibetan Art*. Aria & Phillips ltd., 1975. 128 p.
- [22] Elverskog J. *Buddhism and Islam on the Silk Road*. University of Pennsylvania press, 2010. 340 p.
- [23] Luo Zh. The status of China's sovereignty in Tibet during the Ming dynasty. *China Tibetology*. 2015. № 1. Pp. 1–53.
- [24] Levathes L. *When China Ruled the seas: the Treasure Fleet of the Dragon Throne 1405–33*. New-York: Simon and Schuster, 1994. 256 p.
- [25] Jagchid S. Buddhism in Mongolia After the Collapse of the Yuan Dynasty. *Bulletin of the Institute of China Boarder Aare Studies*. 1971. № 2. Pp. 43–60.
- [26] Serruys H. Sino-Mongol Trade During the Ming. *Journal of Asian History*. 1975. Vol. 9. № 1. Pp. 34–56.
- [27] Schram L.M.J. *The Monguors of the Kansu-Tibetan Border*. Pt. 2. Their Religious Life. Philadelphia, 1957.
- [28] Elverskog J. *Sagang Sechen on the Tumu Incident. How Mongolia Matters: War, Law, and Society*. ed. by Morris Rossabi. Brill, 2017. Pp. 6–17.
- [29] *Dictionary of Ming Biography*. 1368–1644. Vol. 2. New-York – London, 1968. Pp. 1023–1751.
- [30] Serruys H. The Office of Tayisi in Mongolia in the fifteenth Century. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1977. Vol. 37. № 2. December. Pp. 353–380.
- [31] Manz B.F. Family and Ruler in Timurid Historiography. *Studies on Central Asian History in Honor of Yuri Bregel*. Indiana University Uralic and Altaic Series. ed. by Devin DeWeese. Vol. 167. Bloomington: Indiana University press, 2001. Pp. 57–78.
- [32] Elverskog J. *Our Great Qing. The Mongols, Buddhism and the State in Late Imperial China*. University of Hawai'i Press, 2008. 242 p.
- [33] Gorokhova G.S. *Mongolian sources about Dayan Khan*. Moscow: Nauka Publishing House, 1986. 117 p.
- [34] Bichurin N. Ya. Notes on Mongolia. Vol. 2. St. Petersburg: in the printing house of Karl Kraj, 1828. 333 p.

- [35] Martynov A.S. The Status of Tibet in the 17th – 18th Centuries in the Traditional Chinese System of Political Thoughts. Moscow: Nauka Publishing House, 1978. 284 p.
- [36] Sneath D. Introduction. The History of Mongolia. Vol. II. Part 3: Yuan and Late Medieval Period. Global Oriental LTD., 2010. Pp. 391–400.
- [37] Baatr Kitinov. “The Oirats-Ogeleds... crossed the Mankan river”: the ethno-religious situation at the Oirats in the middle of XV – the beginning of XVI centuries. RUDN Journal of World History. 2017. Vol. 12. № 3. Pp. 370–382.

Research article

The Features of Political and Religious Development of Oirats in the middle of the XIV – the middle of the XV centuries

Baatr Kitinov

Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences
12, Rozhdestvenka str., Moscow, Russian Federation, 107031

The period starting from the second half of the XIV century. and up to the middle of the 15th century, had held under the sign of the fall of the Mongol Yuan Dynasty in China, and it was the most important one in the history of the Eastern Mongols and Oirats. Until then, the rule that only representatives of the Golden Family (that is, the descendants of Genghis Khan) were able to receive power to govern over Mongols, was, in fact, not questioned, but later the various interpretations began to appear. For example, Oirats, as non-Genghisids, had to assert their power, possessing only second roles (Taishi – the first minister). Despite the internal turmoil and the struggle with the descendants of the Yuan rulers, the Oirats did to try to create the united Mongol state headed by Taishis from the Choros Oirat clan. After a long struggle with the Eastern Mongols (who sometimes had also been led by Oirats, for example Ugechi Khashig and his son Esehu) of such Oirat leaders as Batula, Batubolo, Taiping and Toghon, the son of the latter, Esen, managed to not only to unite the Oirats in a short time, but also to create the united Mongolian state. In addition, he revived the religious and political role of the sangha, most likely the teachings of black-caped hat Karma Kagyu. This act was especially important because, besides the ideological counterweight to the right of Genghisids, one should have responded to the growth of Islamic activity in the region.

Key words: Oirats, Buddhism, Yuan, Ming, Eastern Mongols, Karmapa

Информация об авторе / Information about the author

Китинов Баатр Учаевич – к.и.н., доцент, старший научный сотрудник, отдел истории Востока, институт Востоковедения РАН.

Kitinov Baatr – PhD, Associates Professor, Senior research fellow, Department of history of East, Institute of Oriental studies of RAS.

Для цитирования / For citation

Китинов Б.У. Особенности политико-религиозного развития ойратов в середине XIV – середине XV вв. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2020. Т. 12. № 3. С. 236–249. DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-3-236-249

Kitinov B. The Features of Political and Religious Development of Oirats in the middle of the XIV – the middle of the XV centuries // RUDN Journal of World History. 2020. Vol. 12. № 3. P. 236–249. DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-3-236-249

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 28.03.2020

DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-3-250-260

Научная статья

Аббасидские и саманидские военные институты как исторический контекст для Газнавидов

Янь Миньцзя

Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова
ул. Моховая, 11, Москва, Россия, 125009

Газнавидское государство – первая династия тюркского происхождения в истории Ирана, которое характеризовалось военными успехами и ожесточенной политической борьбой между правителями и войском. Выявление причины такого противоречия обуславливается анализом исторического контекста правления тюрков. Поскольку одной из важнейших причин падения Аббасидов и Саманидов было вмешательство невольников-тюрков в политику, в статье военные институты двух династий исследуются параллельно. Изучение источников и литературы, относящейся к этому периоду, показывает, что структура формирования вооруженных сил при двух династиях не только послужили прообразом для Газнавидов, но и создали условия, приведшие гулямов-тюрков к власти. Правители двух династий изначально были вынуждены набирать их в армию в качестве опоры и поддержания власти, однако уступили им свое владычество по мере усиления влияния тюркских военнотружущих. В связи с этим Газнавиды, сохраняя первостепенное положение тюрков в войсках, проявляли осторожность в отношении воинов-тюрков и полководцев.

Ключевые слова: Аббасиды, Газнавиды, Саманиды, армия, гулям

Историкам по средневековой Центральной Азии и Ирана следует обратить внимание на X–XI вв., когда исламизация в восточном Халифате способствовала интеграции населений разных народностей в обширное государство с развитой централизованной администрацией. Саманиды (875–1005), одни из первых полунезависимых от верховного мусульманского авторитета «повелителя верующих» династий, придерживались суннитского вероучения, получили признание от аббасидского халифа и ортодоксального духовенства региона, что вместе с их покровительством дало толчок развитию персидской литературы и позволяли привлечь к себе элиту Хорасана и Мавераннахра. В то же время тюрки вступали в мусульманский мир насильственно, посредством работорговли, и лишь незначительная часть – добровольно. Боеспособные из них после принятия ислама стали важной составляющей войска новой местной власти. Такая модель сотрудничества между

© Янь Миньцзя, 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

иранцами-туземцами и кочевниками-пришельцами продолжалась при Газнавидах (997–1187), первой в истории Ирана династии тюркского происхождения в самом могущественном правящем роде первой половины XI в. в восточном Халифате. Следовательно, изучение саманидского и газнавидского периода способствует пониманию политической традиции Восточного Ирана и Средней Азии.

Среди служивого сословия армия занимала видное место. Как отмечает газнавидский историк Байхаки, в государстве конкурировали между собой три силы – царь, войско и подданные; царь был обязан наводить порядок в войске и привести армию к повиновению, и нужно было, чтобы подданные «боялись царя и войска, страшно боялись и слушались» [1, 2]. Уже к концу X в. главная политическая борьба Саманидов развертывалась между военачальниками-тюрками, которые распоряжались всем [3, 4]. Газнавидские султаны заимствовали у Аббасидов и Саманидов не только практику набора гулямов (юные рабы – воины) [5] в армию, но и распределению финансового потока, административные аппараты фактически являются обслуживающими учреждениями султана и войск; военачальники-тюрки присутствовали вместе с вазиром (начальник гражданских чиновников) [5, 6] на консультативных советах при решении важных государственных дел, где фигурировали в роли наблюдателей начальники административных ведомств [7]. Помимо этого, до потери владения Хорасан газнавидская армия продолжала боевые действия и прославлялась блестящими успехами в мусульманском мире того времени [8]. Несмотря на общее этническое происхождение султана с его командирами, те, кто был выше рангом *салара* (военачальник), не раз поднимались на бунт или навлекли на себя недовольство султанов. Непослушание тюркских полководцев и подозрение монарха — особо парадоксальное явление в политической сфере, где государи, как потомки отдельно купленного невольника-пришельца, не имели прирожденной социальной опоры среди коренного населения. Разъяснение противоречия и обследование отличительных черт газнавидской военной организации требует анализа ее прообразов и исторического контекста. Поскольку Газнавиды поднялись к власти именно при Саманидах и Аббасидах, исследование формирования их вооруженных сил и ее роли на политической арене обеих династий дает максимальные сведения о некоторых особенностях сложившейся традиции управления войском.

Изначально постоянные вооруженные силы аббасидского халифа были немногочисленны, практически всю функцию регулярной армии выполняла дворцовая гвардия (*харас*). В боях дворцовая гвардия была основной силой, к ним прибавлялись наемники и добровольцы – набиравшиеся по призыву арабские кочевники, крестьяне и горожане [9–11]. Жалование добровольцев обуславливалось действительной военной службой. Дворцовая гвардия снабжалась оружием высшего качества и получала высокое жалование, конник получал вдвое больше, чем пехотинец [10–11]. Войска строились главным образом по десятичному принципу: *'ариф* стоял во главе десятка, халифа командовал полусотней, *ка'ид* возглавлял сотни [12], несколько сотен

образовывало один *курдус* («бригада») [13]. В источниках эпохи Газнавидов встречаются, прежде всего, термины *ка'ида* и *курдус* [1]. Опираясь на «Историю Мас'уда», индо-пакистанский историк Мухаммад Назим предполагает, что *ка'ид* командовал сотней, а сарханг — пятьюстами конниками [14]. Устойчивого соотношения между численностью сархангов и рядовых при Газнавидах не существовало, и по этой причине строгая пропорция между ними при тех или иных походах не прослеживается. В большинстве случаев командиры назначались временно. Даже если такая пропорция существовала, военнслужащих, находившихся в подчинении у сарханга, было менее пяти-сот, ибо на параде сарханги составляли отдельный *хайл* («полк») и солдаты по роду войск разделялись на *хайлы*. Иными словами, сарханг не возглавлял свой *хайл* воинов. Есть два источника о численности подчиненных сарханга, согласно которым каждому отправленному на поход сархангу выделялось сто воинов, однако в других источниках такая пропорция не соблюдается [1].

Аббасидский халиф ал-Му'тасим (833–842 гг.) был вынужден начать создание профессиональных войск купленными гулямами. Хотя арабы были прирожденными наездниками, они не были способны быстро восстанавливать линию обороны, а набиравшаяся из них пехота представлялась, как пишет американский арабист Ф. Хитти, «в целом сбродной компанией грабителей, а не эффективной боевой машины» [15]. Хорасанские войска одно время были главной силой династии, но их сотрудничество с Аббасидами практически прекратилось после смерти ал-Ма'муна (813–833 гг.), к тому же, с точки зрения арабов, зависимость халифа от хорасанских воинов подрывала его престиж [11, 16]. Иракские мусульмане, которые повиновались халифу под угрозой натиска хариджитов (ранняя радикальная исламская группировка) [5], были ненадежны [11, 16]. Ученые считают, что тюрки стали идеальным выбором в качестве противовеса могущим хорасанцам благодаря их зависимости от халифа [15–17]. Однако стоит отметить, что тюрки действительно отличались высокой боеспособностью и умением выживания в полевых условиях, помимо всего они довольствовались скромным жалованием [16].

Ал-Му'тасим приказал пополнить армию купленными гулямами. Большинство из них были уроженцы Ферганы (долина в среднем течении реки Сырдарья) [18] и Уструшаны (исторический район с центром около Истаравшана) [19]. Помимо двух тысяч тюркских рабов, которых посылал ежегодно амир Хорасана Абдаллахом ибн Тахиром (828–845 гг.) халифу [20], на службу поступили свободные тюрки из местной династии Уструшаны [1, 6, 21]. До поступления дайламитов (население горного ущелья Эльбурса к северу от провинции Казвин и к западу от города Чалус) [22] в армию в 30-х гг. X в., тюрки образовали основную часть центральной армии, а остальные силы разделялись на выходцев из арабоязычных мусульманских племен Северной Африки (*магароба*) [23–24], рядовых мусульман из Ирака [16], арабов, старых хорасанских бойцов и добровольцев из других регионов Ирана [12, 25].

С целью положить конец раздорам тюрков с багдадцами ал-Му'тасим перенес столицу в Самарру [11, 25], где уже после смерти его сына ал-Васик

(842–847 гг.), тюрки возвели ал-Мутаваккила (847–861 гг.) на престол под предлогом отсутствия завещания по поводу наследника [12].

Ал-Мутаваккил попытался посеять рознь между тюркскими военачальниками, но был убит в результате их заговора. Последующим халифам было не под силу противостоять тюркам [12, 25].

Войска Саманидов также разделились на регулярную силу и иррегулярную часть. В состав первой входило ополчение мелкой знати (свободная поземельная знать *ахрары* и дихканы) [26], гулямы, арабы и дайламиты. Последние проявляли даже больше выносливости к трудным бытовым условиям, чем тюрки [27, 28]; в Мавераннахре в начале X в. воины с дихканским происхождением характеризовались организованностью при нападении сильных врагов и знакомством с местностью [29]. Несмотря на это, тюрки-рабы служили надежной опорой в качестве доблестных всадников и лучников [30–32]. Добровольцы объединялись в организованные отряды, мобилизация которых проводилась по призыву. Получая земли, они сами возделывали наделы, содержали лошадей и справляли себе оружие [33].

В чрезвычайных ситуациях городское ополчение проявляло активную роль. Когда амир Ахмад ибн Исма‘ил (907–914 гг.) был убит собственными гулямами в пригороде, а его делопроизводитель, настоящий зачинщик, замыслил с тюрками захватить столицу, комендант города созвал *‘аййаров* (городское самоуправляющееся ополчение) [6, 34], чтобы подавить могущество гулямов [28].

Полусамостоятельные региональные правители, прежде всего, в Чаганиане (гористый район на северном берегу верхнего течения реки Амударья и между реками Вахш и Кафирниган) [35], Хорезме (побережные области нижнего течения и дельты реки Амударья) [1, 36], Гузганане (равнины и подножие северного склона хребта Гиндукуш между реками Мургаб и Амударья) [22], Гуре (горная область на северной скале хребта Гиндукуш и около истока реки Герируд) [22], Систане (земля от южного склона Гиндукуша до горы Чагай и озера Хамун) [37] и Гургане (побережная равнина на юго-восточном угле Каспийского моря) [22], обязывались отправлять вспомогательные войска в распоряжение саманидского амира [3–4, 27, 30, 32].

При Газнавидах продолжали службу в армии арабы и дайламиты [1, 4]. Добровольцы собирались в городе Лахор и постоянно участвовали в боях на южных рубежах против иноверцев [1]. Во время войны правители экстренно рекрутировали местных жителей из городов по стране, в число которых входили хорасанцы, афганцы и уроженцы Систана [1]. Городское ополчение при Газневидах не исчезло, но его боеспособность была несравнима с профессиональным войском и с кочевниками-захватчиками, при этом султан Махмуд ибн Себюк-тегин (997–1030 гг.) упрекал горожан Балха за противостояние вторжению Караханидов, в результате чего горожане перестали оказывать сопротивление [1]. Иранцы были далеки от истоков воинского дела; единственным командиром иранского происхождения был второй вазир султана Мас‘уд ибн Махмуд (1030–1041 гг.) Ахмад ‘Абд-ас-самад ал-Фарси. По временному назначению он успешно подавил восстание в Тохаристане

(горная область на северном склоне Гиндукуша к югу от Амударьи и к востоку от города Мазари-Шарифа) [22], возглавив четырех хаджибов (высший ранг дворцовой стражи) [32], десять сархангов и тысячу всадников [1].

Этот замечательный вазир раньше вел хозяйство у наместника пограничной области Хорезм, но смог выучить тюркский язык и поэтому свободно общался с подчиненными [1], что стало его преимуществом как командира, потому как регулярное войско состояло в основном из тюрок.

Амир Нух ибн Наср (943–954 гг.) назначал тюрок-полководцев сипахсаларами Хорасана под давлением обстоятельств. Став свидетелем междоусобицы в роду Саманидов при Насре ибн Ахмаде и мятежей сановников, назначавшихся из числа иранцев, таких, как Хусайн ибн Али, Ахмад ибн Сахл и Абу Али Сагани, амир Нух осознал, что ни члены правящего дома, ни иранцы не были пригодны для данной должности. Ввиду этого Нух ибн Наср был вынужден назначить военачальников собственных гулямов сипахсаларами Хорасана с резиденцией в Нишапуре [28, 32, 38]. Одновременно статус гулямов поднялся из-за изменившейся обстановки на границах. С одной стороны, в связи с исламизацией тюркских народов приграничных районов при Абд-ал-Малике ибн Нухе (954–961 гг.) лозунги джихада («священная война»), с помощью которых государи могли мобилизовать большое количество добровольцев, утратили свою эффективность [27, 39]. С другой стороны, в результате возвышения Буидов (935–1055 гг.) западноиранской династии из Дайлама у западных рубежей государства Нишапур стал новой стратегической позицией и местом расположения войск, где численность гарнизона была больше, чем в Бухаре [3, 27, 30, 32]. Следовательно, последующие амиры с целью увеличения армии прибегали к гулямам, которые на их взгляд, были более покорны государю, не имея связей на местах [28, 30].

Лояльность действующего военачальника становилась делом первой важности для амира, хотя личное доверие правителя к полководцу не могло спасти последнего от неожиданной отставки, если вдруг возникали доносы и наветы его политических соперников. Точно так же доверие к полководцу не могло гарантировать амиру, его верной службы вдали от столицы [28]. Могущество дворцовых гулямов также постепенно росло, впоследствии они стали вмешиваться в политику подобно тюркским невольникам при Аббасидах. Американский историк-тюрколог П.Б. Голден точно обобщил статус дворцовых гулямов: «Саманиды, как их формальный владыка в Багдаде, все больше и больше опирались на отряды гулямов, последствия чего были предсказуемыми, как и в случае с халифским двором. Рабы, продвинувшиеся по службе до самых высоких должностей, имели собственных гулямов, что укрепляло их позиции. Они начали проявлять полное неповиновение. Устраиваясь на самые важные и значительные должности, они быстро получали возможность действовать по собственной воли» [40].

Будучи неограниченными в расширении состава собственных войск, тюркские полководцы приобрели значительные полномочия относительно к практике военно-служебного землевладения (*'икта'*). Советский и российский историк А.П. Новосельцев связал упадок Саманидов с практикой раз-

дачи земель полководцам-тюнкам в условное владение, посредством которой правители временно вышли из политического тупика, а в будущем упомянутая мера подорвала социальную базу династии – дикканов [41]. Фактически военно-удельное землевладение при Саманидах и Газнавидах было не столь распространенным. Наследственные владения полководцев в эпоху Саманидов составляли главным образом Кухистан – область, пожалованную Симджуридам [32], и Нишапур, окрестности, доход которых принадлежал назначенному сипахсалару Хорасана [1]. Хотя Газнавиды выделяли поступления с некоторых районов полководцам, а налоговые суммы от тех или иных округов направлялись в пользу родившихся там сановников, жалованные лица были обязаны угощать султана и его свиту в ходе его инспекционных поездок по стране [1]. Помимо этого, в данных областях султан также назначал и направлял начальников почты и мушрифов (надзиратель финансов) [1, 42], присутствие которых, скорее всего, ограничивало самоуправство крупных держателей. В целом первостепенная значимость ‘икта’, функции сипахсалара и управления в таких самостоятельных княжествах, как Газни, для тюнкаских полководцев заключалась в возможности поддерживать боеспособность собственных военных отрядов, что позволило им бороться за наместничество Хорасана, составлять обособленные владения и отказать в уплате налогов амиру Бухары [39]. Всякий раз, когда правитель проявлял неспособность ограничить численность гулямов и вооруженных сил, принадлежащих военачальникам, последние стремились усилить свое влияние, причем боролись за контроль над финансами конкретных областей, как с центральной властью, так и с другими военачальниками [3, 32]. Именно по этой причине газнавидские султаны часто ограничивали влияние военнослужащих-тюнков. Они держали полководцев под наблюдением начальников почты, захватывали сыновей пограничных полководцев в заложники и убивали непослушных из командующих, среди рядовых они назначали сыщиков и репрессировали бунтовщиков [1, 43].

Изучение аббасидских и саманидских военных институтов и их сравнение с газнавидскими показывает, что структура постоянной и иррегулярной частей войск и правление с опорой на воинов-тюнков послужили прообразом для газнавидских военных организаций. Штатный состав газнавидского войска отличался от саманидского ослабленным влиянием иранцев как регулярной части войска. Но такое изменение не противоречило исторической тенденции усиления тюнкаского элемента в качестве регулярного наемника. Они являлись опорой благодаря высокой боеспособности тюнок и постепенно вытесняли другие этнические группы из вооруженных сил. Тем более, что правители тюнкаского происхождения ощущали потенциальную угрозу, исходящую от подвластных соплеменников. Ведь Аббасиды и Саманиды вводили невольников-тюнок на службу с целью создания себе поддержки внутри войск правящего круга, но оба рода из-за обособленности монархической власти ослабили контроль над гулямами и полководцами-тюнками, которые и лишили обеих глав, права распоряжаться государственным поступлением и вообще властного полномочия. Следовательно, основатель Газнавидского

государства, воспользовавшись военной мощью соплеменников, сознательно применял меры, нацеленные на ограничение политического влияния полководцев и сохранение воинской дисциплины регулярной армии.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Байхаки, Абу Фазл. Тарих-и Байхаки («История Байхаки»). Отв. ред. 'Али Акбар Файйаз и Мухаммад Джа'фар Йахаки. Мешхед: Данишгах-и Фирдоуси, 1383 (2004).
- [2] Байхаки. История Мас'уда (1030-1041). Пер. А.К. Арэндс. М.: Наука, 1969.
- [3] Джурфадикани, Абу ал-Шараф Насих. Тарджума-йи Тарих-и йамини («Перевод книги десница державы»). Отв. ред. Джа'фар Шу'ар. Тегеран: Бунгах-и тарджума ва нашр-и китаб, 1345 (1966).
- [4] Манини, Ахмад. ал-Фатх ал-Вахби 'ала Тарих Аби Наср ал-'Утби («Дарованная победа на основе Истории Абу Насра ал-'Утби»): В 2 т. Каир: [?], 1286 (1869–70).
- [5] Ислам. Энциклопедический словарь. Отв. ред. Милославский Г.В. и др. М.: Наука, 1991.
- [6] Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Академик В.В. Бартольд. Сочинения: В 9 т. Т. 1. Отв. ред. Петрушевский И.П. М.: Наука, 1963. С. 45–761.
- [7] Bosworth С.Е. *The Ghaznavids: Their Empire in Afghanistan and Eastern India 994–1040*. New Delhi: Munshiram Manoharlal, 1992.
- [8] Bosworth. *Ghaznevid Military Organisation* // *Der Islam*. 1960. Т. 36. № 1–2. С. 37–77.
- [9] ал-Хваризми, Абу 'Абдаллах Мухаммад. Мафатих ал-'улум («Ключи наук»). Отв. ред. Мухаммад Камал ад-Дин ал-Адхами. Каир: [?], 1349 (1930).
- [10] ат-Табари, Абу Джа'фар Мухаммад. Тарих ар-русул ва-л-мулук («История пророков и царей»). В 15 т. Т. 10. Отв. ред. де Гуге. Лейден: Брилл, 1879–1880.
- [11] ат-Табари. Тарих ар-русул ва-л-мулук. Т. 11. Лейден, 1881.
- [12] ат-Табари. Тарих ар-русул ва-л-мулук. Т. 12. Лейден, 1883–1884.
- [13] ат-Табари. Тарих ар-русул ва-л-мулук. Т. 4. Лейде, 1890.
- [14] Nāzīm, Muḥammad. *The Life and Times of Sultān Maḥmūd of Ghazna*. Cambridge: Cambridge University Press, 1931.
- [15] Hitti P.K. *History of the Arabs: From the Earliest Times to the Present*. Hong Kong: M. Macmillan, 1970.
- [16] Ибн ал-Джаиз, Абу 'Усман. Рисала ила ал-Фатх ибн Хакан фи манакиб ат-Турк ва-'ама джунд ал-хилафа («Письмо Фатху ибн Хакану о достоинствах тюрков и массы халифского войска») // Салас расаил («Три письма»). Отв. ред. Г.В. Влотен. Лейден: Брилл, 1903.
- [17] Mottahedeh R. *Loyalty and Leadership in an Early Islamic Society*. Princeton: Princeton University Press, 1980.
- [18] Barthold W., Spuler B. FARGHĀNĀ // Lewis B., Pellat Ch., Schacht J., editors. *The Encyclopaedia of Islam* [abbr.: EI], vol. 2. Leiden: Brill, 1991. p. 790–793.
- [19] Kramers J.H. USRŪSHANA // Bearman P.J., Bianquis Th., Bosworth, Donzel E., Heinrichs W.P., editors. EI, vol. 10. Leiden: Brill, 2000. P. 924–925.
- [20] Ибн Хурдазбих, Абу-л-Касим 'Убайдаллах ибн 'Абдаллах. ал-Масалик ва-л-Мамалик («Книга путей и стран»). Отв. ред. Де Гуге. Лейден: Брилл, 1889.
- [21] Tor D.G. *The Mamluks in the Military of the Pre-Seljuq Persianate Dynasties* // *Iran*. 2008. Т. 46. № 1. P. 213–225.
- [22] Бартольд. Историко-географический обзор Ирана // Академик В. В. Бартольд. Сочинения: т. 7. Отв. ред. Петрушевский. М.: Наука, 1971. С. 31–227.
- [23] Talbi M. MAGHĀRIBA // Bosworth, Donzel, Lewis, Pellat, editors. EI, vol. 5. Leiden: Brill, 1986. P. 1159–1160.

- [24] al-Ṭabarī, Abū Jaʿfar Muḥammad. *The History of Al-Ṭabarī (Taʾrīkh al-rusul waʾl mulūk)*, vol. 33: *The Caliphate of al-Muʿtaṣim (A.D. 833–842/A.H. 218–227)*, ed. & tr. Bosworth. New York: State University of New York, 1991.
- [25] ал-Масʿуди. Мурудж аз-захаб ва маʿадин ал-джавхар («Золотые копи и россыпи самоцветов»). Отв. ред. Камал Хасан Марʿи. Бейрут: ал-Мактабат ал-ʿасрийат, 1420 (2005). В 4 т. Т. 4.
- [26] Ибн ал-Факих, Абу Бакр Ахмад ибн Мухаммад ал-Хамазани. Мухтасар китаб ал-Булдан («Сокращенные известия о странах»). Отв. ред. Де Гуге. Лейден: Брилл, 1885.
- [27] Ибн ал-Асир, ʿИzz ад-Дин Абу-л-Хасан Али. ал-Камил фи ат-Тарих («Полный свод всеобщей истории»). Отв. ред. Торнберг К.И. В 14 т. Т. 8. Лейден: Брилл, 1862.
- [28] Treadwell W.L. *The Political History of the Sāmānid State [dissertation]*. Oxford: University of Oxford; 1991. Available from: <https://ora.ox.ac.uk/objects/uuid:2bcb89ab-29b3-401b-84b9-e25c477476bb>.
- [29] Ибн Хаукал. Сурат ал-ʿард («Книга картины земли»). В 2 т. Т. 2. Отв. ред. Крамерс Й.Х. Лейден: Брилл, 1939.
- [30] Низам ал-Мулк, Абу ʿАли Хасан Туси. Сийар ал-мулук («Книга о правлении»). Отв. ред. Хйуберт Дарк. Тегеран: Бунгах-и тарджума ва нашр-и китаб, 1347 (1968).
- [31] Ибн Исфандийар, Мухаммад ибн Хасан. Таʾрих-и Табаристан («История Табаристана»). В 2 т. Т. 1. Отв. ред. ʿАббас Икбал. Тегеран: Маджлис, 1320 (1941).
- [32] Гардизи, Абу Саʿид ʿАбд ал-Хайй. Зайн ал-ахбар («Украшение известий»). Отв. ред. ʿАбд ал-Хайй Хабиби. Тегеран: Дунийа-йи китаб, 1363 (1982).
- [33] Ибн Зубайр, ар-Рашид. Китаб аз-захаʿир ва-т-тухаф («Книга сокровище и подарок»). Отв. ред. Мухаммад Хамидаллах. Кувейт: Матбаʿат Хукумат ал-Кувейт, 1959.
- [34] Taeschner Fr. *AYYĀR* // Gibb A.R., Kramers, Lévi-provençal E., Schasht, editors. *EI*, vol. 1. Leiden: Brill, 1986. P. 794.
- [35] Spuler. *ĀGHĀNIYĀN* // *EI*, vol. 2. P. 1–2.
- [36] Bosworth. *KHĀRAZM* // Donzel, Lewis, Pellat, editors. *EI*, vol. 4. Leiden: Brill, 1997. p. 1060–1065.
- [37] Аноним. Худуд ал-ʿалим мин ал-машрик ʿила-л-магриб («Книга о пределах мира от Востока к Западу»). Отв. ред. Манучихр Сутуда. Тегеран: Тахаури, 1983.
- [38] Наршахи, Абу Бакр Мухаммад. Тарих-и Бухара («История Бухары»). Пер., ред. и сокр. Абу Наср Ахмад Алифбави и др. Тегеран: Тус, 1363 (1984).
- [39] Paul J. *The State and the Military: The Samanid Case*. Indiana: Bloomington, 1994.
- [40] Golden P.B. *The Karakhanids and early Islam* // Sinor D., editor. *The Cambridge History of Early Inner Asia*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 343–370.
- [41] Новосельцев А.П. Государства Саманидов и Газнавидов // *История востока*. В 6 т. Т. 2: *Восток в средние века*. Отв. ред. Алаев Л.Б. и Ашрафян К.З. М.: Вост. лит., 2002.
- [42] Bosworth. *MUSHRIF 1: In the Arab and Persian lands* // Bosworth, Donzel, Heinrichs, Pellat, editors. *EI*, vol 7. Leiden: Brill, 1993. P. 678–679.
- [43] ʿАуфи, Мухаммад. Джавамиʿ ал-хикайат ва лавамиʿ ар-ривайат («Собрание рассказов и блестящие истории»). Отв. ред. Амир-бану Карими. Тегеран: Бунйад-и фарханг-и Иран, 1359 (1980–1). Разд. 2, т. 1.

REFERENCE

- [1] Bayhaqī, Abū al-Faḍl. *Tāʾrīkh-i Bayhaqī* (“The History of Bayhaqī”), eds. ʿAlī Akbar Fayyāz & Muḥammad Jaʿfar Yāḥaqī. Mashhad: Dānishgāh-i Firdawsī; 1383/2004. (In Pers.).
- [2] Baikhaki. *Istoriya Masʿuda (1030–1041)*, tr. A.K. Arends. Moscow: Nauka; 1969. (In Russ.).

- [3] Jurfādiqānī, Abu al-Sharaf Naṣikh. *Tarjuma-yi Tā'rīkh-i Yamīnī* ("Translation of the History of Yamin"), ed. Ja'far Shu'ār. Tehran: Bungāh-i Tarjuma va Nashr-i Kitāb; 1345/1966. (In Pers.).
- [4] Manīnī, Aḥmad. *al-Faṭḥ al-Wahbī 'ilā Tā'rīkh Abī Naṣr al-'Utbi* ("The bestowed conquest on the basis of Abu Nasr al-'Utbi's History"). Cairo: [?]; 1286AH/1869-70. Vol. 2. (In Arab.).
- [5] *Islam. Ehntsiklopedicheski slovar'* ("Islam. The Encyclopaedia"), eds. Miloslavskii GV et al. Moscow: Nauka; 1991. (In Russ.).
- [6] Bartol'd VV. *Turkestan v ehpokhu mongol'skogo nashestviya* ("Turkistan down to the Mongol invasion"). In: Petrushevskii IP, editor. *Akademik V.V. Bartol'd. Sochineniya* ("Academic W. W. Bartol'd. Complete"), vol. 1. Moscow: Nauka: 45–761 (In Russ.).
- [7] Bosworth CE. *The Ghaznavids: Their Empire in Afghanistan and Eastern India 994–1040*. New Delhi: Munshiram Manoharlal; 1992.
- [8] Bosworth. *Ghaznevid Military Organisation*. *Der Islam*. 1960; 36 (1–2): 37–77. doi: 10.1515/islam.1960.36.1-2.37.
- [9] al-Khwārazmī, Abū 'Abd-allāh Muḥammad. *Mafāṭīḥ al-'Ulūm* ("Keys to the Sciences"), ed. Muḥammad Kamal al-Din al-Adhamī. Cairo: [?]; 1349/1930. (In Arab.).
- [10] al-Ṭabarī, Abū Ja'far Muḥammad. *Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed Ibn Djarir at-Tabarī*, eds. De Goeje et al., vol. 10. Leiden: Brill; 1897–1880. (In Arab.).
- [11] al-Ṭabarī. *Annales*, vol. 11. Leiden: Brill; 1881. (In Arab.).
- [12] al-Ṭabarī. *Annales*, vol. 12. Leiden: Brill; 1883–1884. (In Arab.).
- [13] al-Ṭabarī. *Annales*, vol. 4. Leiden: Brill; 1890. (In Arab.).
- [14] Nāẓim, Muḥammad. *The Life and Times of Sulṭān Maḥmūd of Ghazna*. Cambridge: Cambridge University Press; 1931.
- [15] Hitti PK. *History of the Arabs: From the Earliest Times to the Present*. Hong Kong: M. Macmillan; 1970.
- [16] al-Djahiz. *Tria Opuscula auctore Abu Othman Amr Ibn Bahr al-Djahiz Basrensi*, ed. G. van Vloten. Leiden: Brill; 1903. (In Arab.).
- [17] Mottahedeh R. *Loyalty and Leadership in an Early Islamic Society*. Princeton: Princeton University Press; 1980.
- [18] Barthold W, Spuler B. FARGHĀNĀ. In: Lewis B, Pellat Ch, Schacht J, editors. *The Encyclopaedia of Islam* [abbr.: EI], vol. 2. Leiden: Brill; 1991. P. 790–793. doi: 10.1163/1573-3912_islam_SIM_2278.
- [19] Kramers JH. USRŪSHANA. In: Bearman PJ, Bianquis Th, Bosworth, Donzel E, Heinrichs WP, editors. EI, vol. 10. Leiden: Brill; 2000. P. 924–925. doi: 10.1163/1573-3912_islam_SIM_7752.
- [20] Ibn Khordadbeh, Abu'l-Kasim Obaidallah ibn Abdallah. *Kitab al-Masalik wa'l-Mamalik*, ed. De Goeje. Leiden: Brill; 1889. (In Arab.).
- [21] Tor DG. *The Mamluks in the Military of the Pre-Seljuq Persianate Dynasties*. *Iran*. 2008; 46 (1): 213–225. doi: 10.1080/05786967.2008.11864745.
- [22] Bartol'd. *Istoriko-geograficheskii obzor Irana* ("An Historical-geographical overview of Iran"). In: Petrushevskii, editor. *Akademik V.V. Bartol'd. Sochineniya*, vol. 7. Moscow: Nauka; 1971: 31–227. (In Russ.).
- [23] Talbi M. MAGHĀRIBA. In: Bosworth, Donzel, Lewis, Pellat, editors. EI, vol. 5. Leiden: Brill; 1986. p. 1159–1160. doi: 10.1163/1573-3912_islam_SIM_4761.
- [24] al-Ṭabarī, Abū Ja'far Muḥammad. *The History of Al-Ṭabarī (Ta'rīkh al-rusul wa'l mulūk)*, vol. 33: *The Caliphate of al-Mu'taṣim (A.D. 833–842/A.H. 218–227)*, ed. & tr. Bosworth. New York: State University of New York; 1991.
- [25] al-Mas'udī. *Muruj al-dhahab va ma'ādin al-jawhar* ("Meadows of Gold and Mines of Gems"), ed. Kamal Ḥasan Mar'ī. Beirut: al-Maktabat al-'asriyat; 1420/2005. Vol. 4. (In Arab.).
- [26] al-Hamadhani, Ibn al-Fakih. *Compendium Libri Kitab al-Boldan*, ed. De Goeje. Leiden: Brill; 1885. (In Arab.).

- [27] Ibn-el-Athiri. *Chronicon quod Perfectissimum inscribitur: volume octavum*, ed. Tornberg CJ. Leiden: Brill; 1862. (In Arab.).
- [28] Treadwell WL. *The Political History of the Sāmānid State [dissertation]*. Oxford: University of Oxford; 1991. Available from: <https://ora.ox.ac.uk/objects/uuid:2bcb89ab-29b3-401b-84b9-e25c477476bb>.
- [29] Ibn Haukāl. *Opus Geographicum cui titulus est “Liber Imaginis Terrae”*, ed. Kramers JH. Leiden: Brill; 1939. Fasc. 2. (In Arab.).
- [30] Nizam al-Mulk. *Siyar al-Muluk also known as Siyasat-nama*, ed. Hubert Darke. Tehran: B.T.N.K.; 1968. (In Pers.).
- [31] Ibn Isfandiyar, Muḥammad b. Ḥasan. *Tā’rīkh-i Tabaristān (“The History of Tabaristan”)*, ed. ‘Abbās Iqbāl. Tehran: Majlis; 1320/1941. Vol. 1. (In Pers.).
- [32] Gardīzī, Abū al-Sa’īd ‘Abd al-Ḥayy b. Žaḥḥāk. *Zayn al-Akhbār (“The Ornament of History”)*, ed. ‘Abd al-Ḥayy Ḥabībī. Tehran: Duniyā-yi Kitāb; 1363/1982. (In Pers.).
- [33] Ibn al-Zubayr, al-Rashīd. *Kitab al-Dhakhā’ir wa al-Tuḥaf (“The Book of Hoards and Rarities”)*, ed. Muḥammad Ḥamīdallah. Kuwait: Matba’at Ḥukumat al-Kuwait; 1959. (In Arab.).
- [34] Taeschner Fr. ‘AYYĀR. In: Gibb AR, Kramers, Lévi-provençal E, Schasht, editors. *EI*, vol. 1. Leiden: Brill; 1986. P. 794. doi: 10.1163/1573-3912_islam_SIM_0927.
- [35] Spuler. ČAGHĀNIYĀN. In: *EI*, vol. 2. P. 1–2. doi: 10.1163/1573-3912_islam_COM_0132.
- [36] Bosworth. KH^WĀRAZM. In: Donzel, Lewis, Pellat, editors. *EI*, vol. 4. Leiden: Brill, 1997. p. 1060-1065. doi: 10.1163/1573-3912_islam_SIM_4205.
- [37] Anonym. *Ḥudūd al-‘Ālam min al-mashriq ‘ila-l-maqrib (“The Regions of the World from The East to the West”)*, ed. Manuchihr Sutūda. Tehran: Tahurī; 1983. (In Pers.).
- [38] Narshakhī, Abu Bakr Mukhammad. *Tā’rīkh-i Bukhārā (“The History of Bukhara”)*, eds. Abu Naṣr Aḥmad Alifbavī et al. Tehran: Tūs; 1363/1984. (In Pers.).
- [39] Paul J. *The State and the Military: The Samanid Case*. Indiana: Bloomington; 1994.
- [40] Golden PB. *The Karakhanids and early Islam*. In: Sinor D, editor. *The Cambridge History of Early Inner Asia*. Cambridge: Cambridge University Press; 1990. p. 343–370. doi: 10.1017/CHOL9780521243049.014.
- [41] Novosel’tsev AP. *Gosudarstva Samanidov i Gaznavidov (“The Samanid and Ghaznavid States”)*. In: Alaev LB, Ashrafyan KZ, editors. *Istoriya vostoka (“History of the East”)*: vol. 2: *Vostok v srednie veka (“The East in the Middle Ages”)*. Moscow: Vostochnaya literatura; 2002. (In Russ.).
- [42] Bosworth. MUSHRIF 1: *In the Arab and Persian lands*. In: Bosworth, Donzel, Heinrichs, Pellat, editors. *EI*, vol 7. Leiden: Brill, 1993. p. 678–679. doi: 10.1163/1573-3912_islam_COM_0810.
- [43] ‘Awfī, Muḥammad. *Javāmi’ al-Ḥikāyāt va lavāmi’ al-rivāyāt (“Collections of Stories and Illustrations of Histories”)*, ed. Amir-Bānū Karīmī. Tehran: Bungāh-i Farhang-i Īrān; 1359/1980-1. Vol. 2, fasc. 1. (In Pers.).

Research article

Abbasid and Samanid military institutions as historical background for the Ghaznawids

Yan Minjia

Institute of Asian and African Studies (IAAS), Moscow State University (MSU)
11 Mohovaya st., Moscow, 125009, Russia

Brilliant military achievements and fierce struggle between the sovereigns and his troops were characteristic of the Ghaznawid kingdom, the first Turkic dynasty in the history

of Iran, while explanation of such paradox demands analysis of historical background for the Turkic rule. In view that one of the most important reasons for the decline of the Abbasids and the Samanids was the Turkic slaves' arbitrary interference in the politics, the Abbasid and Samanid military institutions are researched in parallel. Scrutinize of narrative historical texts shows that the organization of armed forces under the two dynasties not only set an example for the Ghaznavids, but also prepared conditions for the Turkic *ghulams*' rise to power, since originally the rulers of the two dynasties were forced to recruit them as reliance for the reign, while they were deprived of sovereignty with the strengthening of Turkic soldiers' influence. Therefore, the Ghaznavids, maintaining the priority of the Turkic component in the army, took precautions against the Turkic soldiers and generals.

Key words: Abbasids, Ghaznavids, Samanids, army, *ghulam*

Информация об авторе / Information about the author

Янь Миньцзя – аспирант кафедры стран Центральной Азии и Кавказа Института стран Азии и Африки, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

Yan Minjia – post-graduate student of the Department of Central Asia and the Caucasus of the Institute of Asian and African countries, Lomonosov Moscow state University.
E-mail: katerina.chzhuana@yandex.ru

Для цитирования / For citation

Янь Миньцзя. Аббасидские и саманидские военные институты как исторический контекст для Газнавидов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2020. Т. 12. № 3. С. 250–260. DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-3-250-260

Yan Minjia. Abbasid and Samanid military institutions as a historical context for the Ghaznavids // *RUDN Journal of World History*. 2020. Vol. 12. № 3. P. 250–260. DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-3-250-260

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 22.12.2019

СОВРЕМЕННЫЙ МИР MODERN WORLD

DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-3-261-273

Research article

An assessment of Ethio-China Political Economic Relations Since 1991

Getahun Kumie Antigegn

Bahir Dar University
Bahir Dar, Ethiopia

This piece of paper analyzes post-1991 Ethio-China political and economic relations by raising the following questions: What is the nature of the bilateral political and economic relations? What are the factors which enhanced the bilateral political and economic relations between Ethiopia and China? What are the arguments raised by different scholars about Ethiopia and China relations? There are a number of factors that contributed to the growth of bilateral relations. Ethiopia needs China for economic assistance; as an alternative source to the west and China's development is generally considered as a role model for Ethiopia to follow. China also supports Ethiopia on different international issues. On the part of China, there are also several factors egging China to look towards Ethiopia especially in terms of Ethiopia's strategic importance and market potential. Ethiopia could be a commercial launch pad for Chinese companies and China is also getting diplomatic support from Ethiopia for its policy on Taiwan among others. There are also common factors both from Ethiopia and China's side which enhanced the bilateral relations. However, there are many arguments raised following Chinese deep engagement to Ethiopia. Among others on the economic front the bilateral relations are imbalanced; dumping of low price export; underbidding local companies and ideological differences among others. Generally, the paper argues the ethio-Chinese relations motivated by political and economic factors.

Keywords: Political Economy; Ethiopia; China; diplomatic relations, Investment

Introduction

Federal Democratic Republic Ethiopia (FDRE) and Peoples Republic of China (PRC) have enjoyed long historical ties based on the common values of civilization. Both are very aware of their ancient civilizations and their long histories [1. P. 10]. Ethiopia and China's first contact are not precisely known and it is subject for different arguments [2].

© Getahun Kumie Antigegn, 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Recently China has deeply engaged and became an influential actor in the African continent. Their trading relations have been growing and the trade volume reached US\$55 billion in 2006, expected to reach US\$100 billion in 2010. As an emerging power, China increasingly involved in Africa as a source of energy and raw material to fill its expanding economy. Chinese multinational corporations engaged in manufacturing, infrastructure, Information and Communication Technology (ICT), Mining and Agriculture. Foreign aid, investment, and development assistance is increasingly aligned with its growing commercial interest in Africa [3. P. 92].

As a result of Chinese deep engagement in Ethiopia are subject to different arguments. Some argued that the Chinese presence in Ethiopia is politically motivated since Ethiopia is not resource-rich country and China wanted to use Ethiopia as a strategic place to penetrate the other resource-rich African countries while others argued that the Chinese presence in Ethiopia is economical in that Chinese wanted to meet the hunger of resources and to feed its growing economy. For the purpose of this paper, the Chinese presence in Ethiopia is motivated by the twin factor of Politics and economics.

Background of Bilateral Relations

China-Africa first contact traced back to ancient times, although the two regions are being separated by a vast distance. Their first contact was on the border of the Red Sea around the first Millennium A.D [1. P. 10]. Some scholars argued the early contacts of China with the Horn and especially with Ethiopia are based on two factors: first, that the Chinese were importing rhinoceros from Abyssinia; second, that the phonetic similarity between Hough Chih and Ge-eze [4. P. 241].

The china African modern diplomatic relation is established as a result of the Asian – African Bandung conference of April 18–25, 1955. At the conference, the representatives from Liberia, South Africa, Libya, Egypt, Sudan, and Ethiopia were participated [5. P. 1418]. Following the conference, Chinese delegations visited Ethiopia, Sudan and other African countries in 1956 and 1957. Later in 1963 and 1964 Chon En Lai, the then Chinese premier visited a number of African countries including Ethiopia [6. P. 29; 69].

However, Ethiopia did not establish diplomatic relations with china up to 1970 because of the following reasons: First, Ethiopia was under the feudal emperor, Haile Sellassie who feared if the Chinese diplomats come to Ethiopia the communist ideology will possibly be disseminated. Second, Haile Selassie's regime was west-oriented and closely tied with the United States (US) who opposed to China [7. P. 131]. Third; China was pro Eritrean People's Liberation Front (EPLF) morally and materially. Later on, December 1, 1970, Ethiopia and China established diplomatic relations. Although their relationship was good for a short period following the 1974 Ethiopian popular revolution, their relationship deteriorated in 1977 due to the military regime close relation with United Soviet Socialist Russia (USSR) [4. P. 245].

After the defeat of Iraq by western coalition following its invasion of Kuwait in 1990-1991, President George Bush spoke of a “new world order” that could bring about the end of competing ideological divisions in the world. The new world order has been characterized by the promotion of human rights, good governance, democratization and expanding the world economy through free trade [8. P. 51]. These features of the new world order have affected the relations between western countries and the other parts of the world [9].

The Ethiopian People’s Revolutionary Democratic Front (EPRDF) government led by Meles Zenawi established democracy, and transforms the political system based on ethnic federalism and established foreign policy based on peaceful co-existence and free market economy. Since then the Western powers supported the EPRDF government. At a conference in London, the EPRDF leadership was called upon to establish a democratic government in return for assistance. Secretary for African Countries, Mr. Cohen, said: “no democracy no assistance” [10. P. 6; 9].

After the Cold War, China directed its attention more too economic and to some extent political aspects and developed bilateral relations with Ethiopia in an all rounded way without considering democracy, good governance, human rights, and political transparency. Accordingly, Chinese activity in Africa has increased very fast from year to year. Today, China can get the attention of African countries’ easily, because of its principles and policies [9. P. 5].

Their relations, during and after the Transitional Government of Ethiopia (TGE), have been strengthened as Prime Minister Meles Zenawi visited China in 1995. The visit was by the invitation of the Chinese president who visited Ethiopia in 1997. Other high-level visits were also exchanged. Exchange of high-level visits consolidated the momentum. As stated in the foreign affairs and national security policy and strategy of the Federal Democratic Republic of Ethiopia, “currently China has very good relation with Ethiopia”. The document adds, “We should pay special attention to the strengthening of relations with China” [11. P. 27.].

Following the new millennium, bilateral ties have registered new progress in the context of China-African Cooperation Forum (CAFC), October 2000, which adopted a program towards the creation of a new type long-term and stable strategic partnership between China and Ethiopia.

The two sides cooperated closely and supported each other on International Affairs. Ethiopia, in collaboration with China, hosted the second ministerial conference of the Forum on China-African Cooperation (1) (FOCAC) in December 2003. This was the first time the Ministerial Conference was held on the African continent [9. P. 6]. January 2006 heralded the third China-Africa Forum which was held in Beijing in which 48 African heads of state and government participated. The Beijing Summit released a new “China’s African Policy Paper”, which reiterated China’s declared a policy of respect for national sovereignty and non-interference in the internal affairs of other states [9. P. 6].

The establishment of the CAFC in 2000, and Ethiopia’s co-chairmanship of the Forum (2003–2006), gave a substantial momentum to the sound relations and

understanding that exist between Ethiopia and China. The establishment of FOCAC, of course, created an important platform for collective dialogue and the effective mechanism of practical cooperation between African states and China. Ethiopia also benefited from this. It also recognizes the need to continue to strengthen FOCAC, to build on the existing relationship of China-Africa cooperation, to expand and deepen the links. It has already demonstrated its value as an excellent example of south-south cooperation, based as it is on mutual trust and understanding as well as mutual respect and recognition of the sovereignty of both parties [12. P. 145].

Conceptual Framework

Political economy is concerned with the relationship of the economic system and its institution to the rest of the society and social development. It also sensitive to influence a noneconomic factor such as political and social institutions, morality and ideology in determining economic events [13. P. 4]. Therefore one can easily understand that political economy is the study of the interplay and interaction between politics and economics. In section I tried to discuss the political and economic relations of Ethiopia and China. I tried to discuss these relations separately for the sake of better understanding.

Political Relations

The political relation of Ethiopia and China is highly restricted to diplomatic relation. Since Chinese involvement in Africa specifically in Ethiopia is based on non-intervention in political affairs of another state [14]. Rather china's basic interest and motivation in Africa is based on economic interest. This is because of China's basic interest is economic and geostrategic interest than the desires to export political philosophy derive china's current relationship with Africa. China's increase in economic power and its hunger for resources intensified its relation with Africa [12].

Diplomatic Relations

Although Ethiopia and China enjoyed long historical tie their relation was not official until 1970. Ethiopia did not establish diplomatic relations for the following reasons: First, Ethiopia was under feudal emperor, Haile Sellassie feared the possible dissemination of the communist ideology if Chinese diplomats come to Ethiopia. Second, Haile Selassie's regime was west- oriented and closely tied to the US which was opposed to China [7. P. 131]. Third; China was supporting EPLF morally and materially [4. P. 245]. Fourthly, China was one of only five governments which refused to recognize Italy's conquest on Ethiopia (2).

Ethiopia and China established diplomatic relations on November 24, 1970 [12]. Their diplomatic relation established when China agreed to recognize Eritrea as part of Ethiopia, in exchange for Haile Selassie's recognition of Taiwan as part of China. Although Ethiopia and China had comparatively good relations for a

short period after the 1974 Ethiopian popular revolution, their relations considerably deteriorated from 1977–1982 due to Military regimes close relation with USSR [4. P. 245]. Latter their relation became normal after 1983. Recently, the relations between the two countries maintain a healthy and continuous development tendency with ceaseless mutual visits at high levels and the increasing intercourse of personnel. After EPRDF took power in 1991, relations have steadily improved, with increasing diplomatic contacts and growing trade and Chinese investment in the Ethiopian economy [12. P. 149].

The TPLF had long-standing affiliations with leftist ideology, including Maoism [12. P. 145]. Following the election result of 2005 Ethiopian Election, there was crackdown of the government by opposition groups. The crackdown on the opposition also generated considerable criticism and disavowal, particularly from the West, including the suspension of new lending programs of the World Bank for Ethiopia [15. P. 173]. It was in this context that Sino–Ethiopian relations entered the next phase. In the wake of Ethiopia’s election of May 2005, there were signs that Sino– Ethiopian relations were strengthening [12. P. 146].

China’s policy formulations towards Africa specifically Ethiopia is based on competition for diplomatic recognition of Taiwan as part China. China’s political and security interests’ were curbing Taiwanese independence has been the predominant focus of China and Ethiopia and other African countries from the late 1980s (3). A strong relationship played an important role in responding to Taiwan’s “flexible diplomacy” and in opposing their drive for “One China, one Taiwan” policy. Some scholars believe that China’s main interest in Africa is to prevent Taiwan authorities from making trouble, for China, by taking advantage of the small countries there (Tubilewicz, 2002:20). This policy has been firmly followed by Ethiopia since the Haile Selassie regime. It is noteworthy here that Prime Minister Meles Zenawi, (4) in his three visits to Beijing, consistently confirmed his government’s adherence to “one China policy” and its firm support to China on Taiwan and human right issues [9. P. 6]. Their diplomatic relation lasted for more than forty years. Their relation is based on based upon adherence to the properties of mutual respect, non-interference in the internal affairs of each other’s countries, and peaceful coexistence [2].

Some argued that Chinese investments in Ethiopia are politically motivated. It is often said that China’s diplomacy in Africa is “resource-based” [16. P. 8], or that it has a “singular focus on resource acquisition and commercial opportunism” [17. P. 19]. Ethiopia is not a “resource-rich” African country. Ethiopia does not produce raw materials critical to China, it does not have large-scale bilateral trade with China, and it does not even have direct access to the sea. Instead, China is more interested in using Ethiopia as an entry point to penetrate the African market and get access to resources [18. P. 53]. And yet China has sought to expand and deepen bilateral relations with Ethiopia in recent years [12. P. 147].

Ethiopia is the seat of the African Union, the political body that represents the continent. China constructed a new conference center for the African Union. The diplomatic clout Ethiopia is said to enjoy in Africa, part of which emanates from the history of Ethiopia (5) as a symbol of black freedom and stimulator of pan-

Africanism. China also wants to win Ethiopia's diplomatic support in the United Nations and other international and regional forums, since Ethiopia has geopolitical clout in the region. Accordingly, the Chinese Embassy is among the largest in Ethiopia and hosts more high-level visits than any western mission [12. P. 147].

Economic Relations

Although the degree of intensification varies across sectors Chinese engagement in the Ethiopian economy is being intensified from time to time. The Chinese engagement in the economic arena emerged following the market-oriented economic system (liberalization) introduced in Ethiopia in the year 1992. Chinese investment in Ethiopia first appeared in the manufacturing sector where the government of Ethiopia followed a policy of management leasing of government parastatals with aim of boosting efficiency, following the government's 1992 liberalization policy [9]. A number of Chinese firms began to seize this opportunity. They took over the management contract of a number of public producer firms on lease basis, largely, with the intention of exploiting the preferential treatments of Ethiopia in the industrialized countries, such as the African Growth and Opportunity Act (AGOA) in the USA [12]. The Chinese are engaged in Economic sector especially in the area of investment in different sectors like Manufacturing, construction, and Agriculture, providing aid as well as Trade which is characterized by an unequal balance of Trade [19].

Trade

The bilateral trade of Ethiopia and China has been established long ago. However, the trade exchange between the two countries was not significant until recent time. The total exchange of trade between them was the US \$ 100 million in 2002 [19. P. 9]; However, by 2009 the trade volume rose to the US \$ 1.98 billion showing an increase of 11.8 percent from the preceding year. Until the mid-2010, the trade exchange has reached more than the US \$ 1.1 billion, which is 27.6 percent increase when compared with last year's the same period 41. During the period, Chinese import from Ethiopia was the US \$ 215 million (being the 2nd destination of Ethiopia's exports next to Germany) which hit an increase of 163 percent compared to the same time in the previous year. Overall, the trade volume between the two Countries has continued to increase although trade figures remained largely in favor of China [19. P. 8].

The year 2002 saw the total trade (both imports and exports) value of the two countries reached US\$ 100.12 million, of which the Chinese export to Ethiopia being about US\$ 96.43 million with an import China from Ethiopian being US\$ 3.69 million. The total export and import trade have Grown to over US\$700.00 (Ethiopia's export growing to over US\$120) in 2006 [19. P. 8]. He further added the Chinese share in the total exports of Ethiopia is found to be the highest for "crude materials" where the Chinese share is about 45 percent, followed by manufactured goods (19 percent) and food and live animals (0.09 percent) [19. P. 8].

Ethiopia's imports, domestic consumers are benefiting from this trade through the provision of cheaper consumer goods. Similarly, those entrepreneurs (as well as Ethiopia's public firms) who are engaged in building small factories and service centers are benefiting from a low cost of machinery and technology they are acquiring from China [19. P. 11]. Workers that are employed in Chinese companies, and local firms that supply intermediate inputs (including services) to these Chinese companies, especially in the construction sector, are also another group of beneficiaries. A number of traders who travel quite frequently to China to bring various manufactured goods for sale in Ethiopia are also the other category of beneficiaries [19. P. 8].

Similarly, small scale firms, in particular in clothing and footwear sectors (some shoe firms became bankrupt and the stronger once reduced their sale by more than half in 2000/01 following flows of cheap shoes from China as well as their employees, foreign (and to a limited degree domestic) contractors that were traditionally providing services such as road construction, installation of electric powerhouses, offer services and supplies in the telecom sectors are losers owing to China's engagement in Ethiopia. The latter firms are invariably from industrialized countries in Europe and North America [19. P. 12].

Aid

The aid relationship between Ethiopia and China is extremely limited. Aid flows to Ethiopia from advanced industrial countries (such as the USA and Western Europe) and multilateral institutions such as the World Bank is very high in absolute terms (which is about 1 billion USD per annum) although it is one of the lowest in Africa on per capita terms. In the light of such flows of aid, the Chinese contribution is almost next to none [19. P. 7]. Perhaps it is sensible to characterize such aid in Ethiopia as, strategic (geopolitical) given the importance of Ethiopia in population, size and militaristic consideration in Eastern Africa as well as symbolic and showcases than real and huge grant as such. The fact that major continental bodies such as AU and the Economic Commission for Africa (ECA) located in Addis imply that African leaders and officials will visit Addis frequently. Symbolic investment such as this carried by Chinese in Ethiopia thus could serve to advertise their work in the rest of Africa (The Ethiopian Airline ultra modern cargo terminal, the Addis over flyer road are cases in point) [19. P. 8].

Recently it is argued that Ethiopia secured a US\$1 billion (\$\$1.2 billion) loan from China to build transmission lines linking its capital Addis Ababa with Africa's biggest hydropower dam being built on the Nile (6). China has invested heavily in African infrastructure and its companies often pick up work building projects it has financed.

In addition to this limited aid, the Chinese firms "vender financing" scheme of providing financing for Ethiopian telecommunication could also be considered some sort of aid. However, except the three year grace period this 1.5 billion US \$ financing has offered it is given at the market rate and conditional on Chinese firms taking the job. Yet it could be considered as some sort of aid since none of the

Western firms were willing to give such vendor financing. Although such politically informed infrastructure related investment-cum-aid could be beneficial to the country, it has also the disadvantage of, making the technology path of the country constrained or dictated by China, making the political elite less accountable by allowing them to have non transparent deals, as well as allow them to commit human rights abuse without external restraint that used to come with Western Aid [20].

Investment

Chinese investment has been prominent, namely agriculture, construction, and manufacturing. Chinese investments are supposed to create jobs (7). Job creation in these labor-intensive sectors has been encouraged by Ethiopia's national strategy [21] and the promotion of the role of the Chinese investors by the Ethiopian government. In this regard, Kim argued that Chinese investment is contributing to peace and security in Ethiopia by creating jobs and reducing unemployment⁵⁰.

The agricultural sector is the backbone of the Ethiopian economy and employed 80% of the total labor force in Ethiopia in 2010. About 84% of the population resides in rural areas, agriculture being the major source of livelihood⁵¹ [22] Dorosh & Schmidt, 2010]. Since 1998 the China-Ethiopian relationship has become more dynamic, fostered by the South-South Cooperation Programme (1998–2006) and the FOCAC established in 2000 [23]. They also scrutinize China's agricultural and rural development programs in Ethiopia and details of the various cooperation arrangements are explored. It is clear that a number of young Ethiopians have benefited from these programs. Agricultural professionals have also been trained by Chinese experts dispatched to Ethiopia. On some occasions, Ethiopians have been sent to China for training. Nevertheless, mainly the Chinese side contributed through financing projects, the number of unemployed young people in Ethiopia the impact of this program was minimal [23]. Despite the numerous programs supported by China, in 2010 only 4.3% of agriculture-related projects were financed by Chinese investors. This illustrates that Chinese investment in agriculture is still nascent and that its impact on job creation has been insignificant [12].

Although Chinese engagement in the construction sector of Ethiopia dated back to 1986, China's engagement in the construction sector has become strong when Chinese state-owned companies, such as the China Road and Bridge Corporation (CRBC), undertook projects like the Addis Ababa Ring Road. In 2004 China's share of construction investment in Ethiopia was equal to nearly 40% of total Chinese FDI to Ethiopia [19]. Chinese investors dominate the Ethiopian construction sector, ranging from new construction to restoration and maintenance of highways, power stations, and water-supply projects. According to Adem [12], "...all new construction and 66.6% of rehabilitation, upgrading and maintenance of roads in Ethiopia..." have been conducted by Chinese companies. In 2010 there were 580 registered Chinese companies involved in 1,065 projects. These statistics demonstrate the potential for job creation [12].

Chinese contractors were attracted by Ethiopia's relatively stable political environment, economic growth, and the increasing construction boom. The Ethiopian government views Chinese companies as inexpensive alternatives to western companies [25. P. 3]. Although they have a notorious reputation for offering poor working conditions, Chinese investors are attractive because they charge 20–25% less than their competitors [9]. Since poor infrastructure is one of the major impediments to economic growth in Ethiopia, the local community has a positive attitude towards Chinese investment in the construction sector and its tangible outcome [25].

In terms of job creation, the construction sector is generally considered to be labor intensive. However, in reality, it can be capital intensive and requires specialized labor. Since Ethiopia lacks skilled laborers, there has been a tendency to bring in most of the workers at the managerial level from China. The Ethiopian government is all too familiar with the sentiment that "...foreign construction companies mainly rely on experts brought from their own countries (for example, Chinese companies) instead of using local experts and building their capacity" [21]. The Chinese Embassy in Ethiopia acknowledged that there were more than 10,000 Chinese workers in Ethiopia⁵⁴ [25] Many of them were unskilled workers, who could have been recruited from host countries. However, this trend has been reversed and more local employees are now hired. This was noticeable even at the managerial level. Some African countries are now insisting on operating a quota for Chinese workers, and impose strict immigration regulations. This development deserves attention [23].

Chinese engagement in the manufacturing sector has the potential to contribute to industrialization. The current pattern shows that many Chinese investors move manufacturing firms offshore to Africa. As the competition in China has become severe, the Chinese government has increasingly encouraged Chinese enterprises to search for new markets. The Chinese going out policy has supported this initiative [26]. There can be many reasons for this, one being that China wants to be close to its market, another being the increasing labor costs in China [25].

One of the remarkable cases of Chinese engagement in the manufacturing sector is the recent establishment of the Eastern Industrial Park in Dukem⁵⁶, one of the Chinese-led Special Economic Zones (SEZ) in Africa. One of China's biggest shoe manufacturers operating in this industrial park, Huajian, has hired more than 1,000 local people. The engagement of this the manufacturer seems to have acted as a stimulus for further development. However, the SEZ is still only partially operational and more investors are being sought [14. P. 188].

The Chinese investors seem to have carefully engineered their entry strategy into Ethiopia. With considerable oscillation and no discernible trend before 1991, China devised trade and biddings on government-sponsored contractual projects, mainly infrastructural landscape, to gain access and expand into Ethiopia's downstream resources. With a wave of privatization and structural reforms that gained momentum in Ethiopia spurred a flurry of various types of foreign direct investments that originated from the Southern Countries [27]. However, though Ethiopia intends to

use Chinese cooperative investment as a means of enhancing its regional development, the inflow of Chinese investment has not been equally shared [27].

Conclusion

The post-1991 period showed the deep engagement of China in Ethiopia. However, the Sino- Ethiopia relations in pre -1991 was restricted to the provision of Aid and training manpower. Due to the coming into power of EPRDF and the trade liberalization policy of Ethiopia their relation became all rounded. Although challenges such as the Negative trade balance for Ethiopia, language barrier and cultural difference also have a negative impact on Current Ethio-China relations.

The deep engagement of China in Ethiopia in all rounded form arouses different arguments. Some argued that China's basic interest is economic and geo-strategic interest than the desires to export political philosophy. The increase in economic, political power and the hunger for resources of China intensified its relation with Ethiopia. Others argued that China's approach to Ethiopia is based on a combination of political and economic motives, and China's remarkable economic growth has enhanced its soft power in Africa. Since the 2000s, the Chinese development model has been hailed by many countries that have a thirst for change.

Although it is early to conclude, The Ethio-china relation is based on a win-win situation although the greater figure goes to China. This implies that in their relation china is getting more loosing less while Ethiopia is the reverse. This showed that in the long run Ethiopia will be the looser and Chinese will be advantageous. Among others, for example, their trading relationship is characterized by unbalanced trade in which figures resembles to China.

Ethiopia and China's relation is motivated by twin factors of politics and economics. Politically China wants to have diplomatic support at international affairs and Ethiopian government used Chinese investment as a means of job creation and maintains its power. China also wants to use the geopolitical strategy of Ethiopia as an entry point to penetrate the African market. China's policy of non-interference in the internal affairs of other countries is the core policy currently but as China's interests and presence in Ethiopia increase, there will be a weakening of this policy and occasionally it will be practiced in the breach. Economically to meet the hunger of resources. As the Chinese economy booms, Chinese multinational corporations are embarking on an acquisition drive to capture the oil, natural resources, and unexploited markets of Ethiopia to sustain its rapid economic growth. On the side of Ethiopia to achieve economic growth by getting lessons from China and being assisted by it. Although it is little the Chinese presence in Ethiopia also enhances economic growth.

Примечания

(1) FOCAC is an official forum between the People's Republic of China and the states in Africa.

(2) Ministry of Foreign Affairs (2010) Policy Hand Book: Federal Democratic Republic of Ethiopia. Vol. I. Addis Ababa, Ethiopia.

(3) The policy orientation China towards Africa in the late 1980's is to get diplomatic support of African countries so as to stop the Taiwan's Independence and keeping its political and security interest raised from Taiwanese. In which Ethiopia Recognized Taiwan as part of China as an exchange of Chinese recognition of Eritrea as part of Ethiopia during the reign of Emperor Haile Selassie (Adem, 2012).

(4) Meles Zenawi, the former Prime Minister of Ethiopia, is considered as an effective expositor and defender of China (Adem, 2012).

(5) Ethiopia is the only country that was not colonized by Western powers during the colonial era. Ethiopia is considered as a symbol of black Africans.

(6) REUTERS (2013). China lends Ethiopia \$1.2 billion for mega-dam power lines. Addis Ababa, on April 27 (2013). see also. Shanggang, Liang (2013) Cooperation in Power Sector Registers Remarkable Achievement. transmitted from Xinhua, Aug. 15, 2012.

(7) To reduce the problem of unemployment the government of Ethiopia is looking for investors who will create job opportunity for unemployed youngsters since the government is not able to do independently.

REFERENCES

- [1] Filessi T. China and Africa in the Middle Ages, London, Frank Cass. 1972.
- [2] Message from the Minister for Foreign Affairs, 2010.
- [3] Gamora G. & Kay M. Ethio-China relations: challenges and prospects. In Chinese and African Perspectives on China in Africa. 2010.
- [4] Dilnesa A. Relations between Ethiopia and China: An Ethiopian perspective. Addis Ababa, Ethiopia: EIIPD Publisher. 2005.
- [5] Fraser R. (Ed) Keesing's Contemporary Archives, London: Keesing's Pubs. 1956.
- [6] Larkin B.D. China and Africa 1949–1970, Berkeley: University of California Press. 1971.
- [7] Abir M. Oil, power and politics: Conflict in Arabia, the Red Sea and the Gulf. Cass.
- [8] Henderson, Conway. W (1998), International Relations: Conflict and, Cooperation at the turn of the 21st century. Mexico City: Mc GrawHill. 1974.
- [9] Gedion G. Ethiopia and China Political and Economic Relations: Challenges and Prospects after 1991. 2008.
- [10] Ochalla O. Foreign Policy and the Dimension of International Politics. Pubs. Longman group Ltd. 2005.
- [11] Ethiopian Foreign Policy Document (EFPD). 2002.
- [12] Adem S. (2012). China in Ethiopia: Diplomacy and economics of Sino-optimism. African Studies Review, 55 (1), P. 143–160.
- [13] Sackrey Ch., Sheinieder G., Knoedler J. Introduction to political economy, USA, Boyertown publishing co. 2008.
- [14] Kim Y. "Chinese Investment and African Peace and Security: The Case of Ethiopia" In China-Africa Relations: Governance, Peace and Security, Ethiopia edited by Mulugeta, Gebrehiwot and Hongwu, Liu (181–195). Institute for Peace and security Press, Addis Ababa. Ethiopia 2013.
- [15] Gebre P.H. "China in Ethiopia: Just-in-Time". In China, Africa and the African Diaspora: Perspectives, edited by S. T. Freeman, 164–83. Washington, D.C. Aas-bea Publishers. 2009.
- [16] Alden C. "China in Africa". Survival 47 (3). 2005.
- [17] Taylor I. China's new role in Africa. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers. 2009.
- [18] Gedion G. et al. "The Implementation of the 'Nine Principles' by Chinese Companies in Ethiopia" in strengthening civil society perspectives on China's African Impact edited by Marks Stephen (40–69). 2008.

- [19] Alemayehu G. “scoping study on the Chinese relations with sub-Saharan Africa: The Case of Ethiopia”. AERC Scoping Study. 2008.
- [20] Ministry of Finance and Economic Development, 2006.
- [21] Ministry of Labor and Social Affairs. (2009). National employment policy and strategy of Ethiopia. Retrieved 17 march 2014 from <http://www.molsa.gov.et/English/EPro/Documents/National%20Employment%20Policy%20and%20Strategy%20of%20Ethiopia.pdf>.
- [22] Dorosh P. & Schmidt E. The Rural-Urban Transformation in Ethiopia. International Food Policy Research Institute. Ethiopia Strategy Support Program 2 Working Paper 13. Retrieved 26 March 2014 from <http://www.ifpri.org/sites/default/files/publications/essppw/013.pdf>.
- [23] Bräutigam, D. & Tang, X. An overview of Chinese agricultural and rural engagement in Ethiopia. International Food Policy Research Institute. Discussion Paper 01185. 2012.
- [24] Mo Orr R. & Lu J. Addis Ababa ring road project: a case study of Conference Proceedings from “Multi- National Construction Projects” – Securing high Performance Through Cultural awareness and Dispute Avoidance”, Shanghai, China, 21–31 November 2008.
- [25] Shinn D.& Eisenman J. China and Africa. Pennsylvania: University of Pennsylvania. 2012
- [26] Baynton-Glen, Sarah. Beyond trade—China-Africa investment trends. Global Research, Standard Chartered Bank. February. 2012 http://www.standardchartered.com/en/resources/globalen/pdf/Research/Beyond_trade_China-Africa_investment_trends.pdf.
- [27] Asayehgn Desta “Chinese Investment in Ethiopia: Developmental Opportunity or Deepening China’s New Mercantilism?”, Dominican University of California. 2009.

Научная статья

Политические и экономические отношения Эфиопии и Китая на современном этапе

Гетахун Кумие Антигегн

Университет Бахр-Дар
Бахр-Дар, Эфиопия

В этой статье анализируются политико-экономические отношения, сложившиеся после 1991 года между Эфиопией и Китаем, и поднимаются вопросы о природе двусторонних политических и экономических отношений, о факторах, которые усилили двусторонние политические и экономические отношения между Эфиопией и Китаем и способствовали росту двусторонних отношений.

Автор обращает внимание, что Эфиопия нуждается в экономической помощи Китая. Китай также поддерживает Эфиопию по различным международным вопросам. Что касается Китая, то очевидны несколько факторов, побуждающие Китай с интересом смотреть на Эфиопию, особенно с точки зрения ее стратегического значения и рыночного потенциала. Эфиопия может стать коммерческой стартовой площадкой для китайских компаний; кроме того Китай получает дипломатическую поддержку от Эфиопии, в частности, в отношении его политики в отношении Тайваня.

Ключевые слова: политика, экономика, Эфиопия, Китай, дипломатические отношения, инвестиции

Информация об авторе / Information about the author

Гетахун Кумие Антигегн – преподаватель и исследователь департамента политологии и международных исследований университета Бахр-Дар (Эфиопия).

Getahun Kumie Antigeegn – Lecturer and Researcher of the Department of Political Science and International Studies, Bahir Dar University (Ethiopia) (e-mail: getkumie@gmail.com).

Для цитирования / For citation

Гетахун Кумие Антигегн. Политические и экономические отношения Эфиопии и Китая на современном этапе // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история*. 2020. Т. 12. № 3. С. 261–273. DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-3-261-273

Getahun Kumie Antigeegn. An assessment of Ethio-China Political Economic Relations Since 1991 // *RUDN Journal of World History*. 2020. Vol. 12. № 3. P. 261–273. DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-3-261-273

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 30.03.2020

DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-3-274-285

Research article

The Ethnic Minority Policy of Turkey

Mariam Dashyan

National Research University – Higher School of Economics
20, Myasnitskaya ulitsa, Moscow, Russia, 101000

Andrey A. Kudelin

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia

This article is an overview of the state stance and attitude towards minorities throughout history of the republic of Turkey. It represents the official approach of the republic towards ethnic and religious groups. Though due to actions of the Ottoman Empire, the number of non-Turks in the republic of Turkey already was incomparably small, however their existence could not be ignored. Still Turkey recognizes only three minorities (Greeks, Armenians, and Jews) and for decades adopted the strategy of regarding all minority persons other than Greeks, Armenians, and Jews as Turks. Ethnic variety was considered a threat to territorial integrity of Turkey. Every action was directed to create a unitary nation-state suppressing ethnic identities of non-Turks. In this article state policy towards ethnic groups in the republic of Turkey is examined from the perspective of the Lausanne Treaty provisions and legislative regulations regarding the status and rights of minorities showing to what extent authorities have followed them and rising the controversial points minority representatives face in exercising their rights.

Key words: Turkey, ethnic minorities, minority rights, state policy, nationalism

Introduction

The beginning of the 20th century was a landmark in the history of the Middle East. The treaty of Sevres after WWI awakened hopes of nations living here to have independence and solve territorial disputes. However, many of them were left unrealized raising the question of their future coexistence. With the Kemalist movement and establishment of the republic of Turkey the provisions of Sevres treaty remained on paper. While the republic was founded under the slogans of modernization, secularization, development and other progressive ideas, in short, Mustafa Kemal declared his aim to create a “westernized” state, non-Turkish ethnoreligious groups never felt the advantages of tolerance of a modern and secular state. The treaty of Lausanne was signed in 1923 as the nationalist government of

© Dashyan M., Kudelin A.A., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Mustafa Kemal didn't recognize the Sevres Treaty. While the Treaty includes articles on minority rights living in Turkey, still Muslim ethnoreligious groups were not given official minority status, thus they were deforced of rights of self-expression. On the other hand, the articles of the treaty have been violated through all the history of the republic. Territorial Integrity and Turkish nationalism inherited from the Ottoman Empire with the minority perception under Lausanne Treaty define the minority policy of the republic of Turkey throughout decades up to nowadays. In this article the most vivid examples of intolerance and violent acts towards minorities are discussed. In the first part the provisions of the Peace Treaty and how the state moves coincide with them are analyzed. The second part regards the impact the EU candidacy process has had on minority policy, in particular, the reforms that were put in place, at the same time, by examining annual reports of European Commission, shows issues pending for decades and the lack of the authorities' commitment to bring any improvement.

Lausanne Treaty Provisions on Minority Rights and their Violations

The term “minority” is an inseparable part of the current politics, still there is no mutually accepted and complete definition of this term. In Europe, a minority could be a linguistic group, a religious group or an ethnic group, and a person can belong to several groups at the same time. The ambiguities in the interchangeable use of terms, such as ‘ethnic minority’, ‘national minority’ and ‘religious minority’, are a barrier to the efficient protection of minority rights [1, p. 168]. In the Republic of Turkey the perception and definition of minorities is tightly connected with the state policy of building homogenous nation-state and denial of existence of various ethnoreligious groups, considering granting them rights and status a threat for country's integration. Officially till nowadays on the basis of Turkey's minority definition and policy is the Treaty of Lausanne signed back in 1923, despite of its many limitations and problematic sides regarding the real situation with minorities.

Saying minority policy in Turkey today, first of all, Kurdish issue is being assumed. And it, certainly, has its valid reasons. However, the minority policy issue in Turkey is far wider and comprehensive. Ethnicity studies are recent phenomena in Turkey as mentions Tasch, and between 25 and 47 ethnic groups are accounted by different researches. The difficulty of understanding accurate number of these groups and their representatives is due to the fact that censuses in Turkey do not record information about ethnicity [2, p. 29] and in general, the state is unwilling to investigate the issue. The fact that the republic of Turkey is the successor of the Ottoman Empire which had been created on the existing state traditions of various nations by occupying territories originally inhabited by other nationalities speaks for the presence of a number of ethnic groups. Though the demographics of the republic was not as diverse as that of the Ottoman Empire, due to the latter's efforts and activity to eliminate non-Turkish constituent, still it was far from being unitary. The current minority perception in Turkey comes from Ottoman times' Millet policies. The problems of Kurds and other

ethnoreligious groups are also due to de facto continuation of millet policy by Lausanne Treaty up to nowadays. On the other hand, the domestic policy is discriminative towards those recognized minorities as well.

With the Treaty of Lausanne, the newly established Republic of Turkey showed that despite of exteriorly revolutionary attitude towards preceding system when it came to minority policy it was the loyal successor of the empire. According to the Treaty Greeks, Armenians and Jews were recognized as minorities and endowed with the right to have schools in their language and to maintain religious institutions (although in subsequent years these rights were severely violated). Ethnic groups like Kurds, Lazs, Arabs and some Muslims migrating to Turkey from Balkans, the Soviet Union and some Middle Eastern countries were not given any separate status, thus Lausanne Treaty reinforced the Ottoman definition of minority as non-Muslims. Being a representative of minority group in the republic of Turkey also means being accepted as a second-class member of society here also following the discriminative reality of the Ottoman Empire. This explains the reluctance of some ethnic groups to be defined as minorities. Recognizing existence of different ethnic groups was considered a threat for the integrity of the country, therefore as an obstacle for the stability and development. “I am a Turk, honest and hard-working”, this is how a day used to start at school in the Republic of Turkey up until the beginning of 2010s [3]. The emergence of the republic apparently didn’t open more democratic environment for ethnic minorities of the country. The proof of this is the Constitution itself declaring: “Everyone bound to the Turkish State through the bond of citizenship is a Turk” [4].

As secularism was one of the principles of the Mustafa Kemal’s ideology, Tasch argues that the rise of nationalism in Turkey was due to the created vacuum with the secularization process (after abolishment of the caliphate and the ban on religious brotherhoods) [2, p. 29], in fact nationalistic ideas were in the root of the Kemalist movement. Kemal himself had been an officer in the Ottoman Empire. After the deployment of British troops in Constantinople, though main leaders of Young Turks fled they continued to control the situation and prepare counterattack through their representatives acting from underground. Kemal was involved in this secret net, later he became leader of the movement seeking to keep the borders of the empire that eventually deprived natives of the right of self-determination and sovereignty ignoring Treaty of Sevres and suppressing the voice of historical justice with the power of weapons and violence [5, p. 25].

The 3rd section of 1s part of Lausanne Treaty regards to protection of minorities.

Article 38 says, “*The Turkish Government undertakes to assure full and complete protection of life and liberty to all inhabitants of Turkey without distinction of birth, nationality, language, race or religion... Non-Moslem minorities will enjoy full freedom of movement and of emigration, subject to the measures applied, on the whole or on part of the territory, to all Turkish nationals, and which may be taken by the Turkish Government for national defence, or for the maintenance of public order*” [6].

However, on the one hand, the free movement of minorities was inhibited, creating difficulties for their economic activity, especially for those busy in trade, on the other hand, exiles and forced displacements became quite common in Turkey's everyday life violating basic human rights on both sides.

According to Article 39 *“Turkish nationals belonging to non-Moslem minorities will enjoy the same civil and political rights as Moslems.*

All the inhabitants of Turkey, without distinction of religion, shall be equal before the law.

Differences of religion, creed or confession shall not prejudice any Turkish national in matters relating to the enjoyment of civil or political rights, as, for instance, admission to public employments, functions and honours, or the exercise of professions and industries” [6].

On the contrary, till 1935 no minority representative could have been represented in the parliament or government. The entrance of minorities to the Republican People's Party was banned [5, p. 79], therefore there was no real chance to participate in political life of the country. While the claim that those who consider themselves Turk can enter RPP was giving room authorities to hide its discrimination and intolerance under the name of unified nation, this manipulative description actually meant giving up your own language, religion, in fact ethnicity, speaking only Turkish and confessing Islam. Slight change was made in 1935 officially giving opportunity ethnic minority members to run as a candidate only through list of “independents”. It was supposed that those included in the list should be “republican, nationalist and sincere” [7, p. 337] continuing to limit minority rights and human rights, in general. The fact that one candidate from the independents was orthodox Turk shows the role of the religious factor in “secular” Turkey even more than 10 years after declaring principles of state ideology with secularism among them.

Not only political, but civil service sphere also was closed for ethnic minorities. According to the law of Civil servants, only Turk-Muslims had the right to be involved in civil service or those who “will become Turks”. Again, we face with this ambiguous expression. At this sense the republican Turkey even excelled Ottoman Empire. In case during Ottoman period along with outrageous repressions and violence of minorities, still there is evidence of professional activity of non-Muslim lawyers, civic servants, and little number involved in military sphere, in the republic of Turkey, claiming to be the bannerman of modernization and development, those people lost their jobs [5, pp. 81–82].

Decades later report by EU in 2003 still records the difficulties that members of minority communities face in acceding to senior administrative and military positions [8].

Article 40 of Lausanne Peace Treaty *claims minorities shall have an equal right to establish, manage and control at their own expense, any charitable, religious and social institutions, any schools and other establishments for instruction and education, with the right to use their own language and to exercise their own religion freely therein* [6].

Striking evidence of violation of the Article 40 provides EU report in 2003:

“There have been complaints that state-issued school history books are responsible for inducing feelings of hostility towards minority groups. Moreover, in April 2003, the Ministry of Education issued a circular requiring schools to organise conferences and essay competitions on controversial historical events related to the Armenians, Greek Pontus and Assyrians. Greek schools faced restrictions in recruiting teachers and having teaching materials approved, which adversely affected the teaching of the language. Those religious minorities not usually associated with the Treaty of Lausanne (those other than Jews, Armenians and Greeks) are still not permitted to establish schools. This is a particular concern for the Syriac community. Parents belonging to different religious minorities have encountered difficulties in enrolling their children in religious minority schools. Children can only attend such schools if their father is registered as belonging to that religious minority” [8, p. 39].

When it comes to free use of language, the campaign called “Citizen, speak Turkish!” started from 1930s targeting minorities shows how the free right to speak in any minority language in public places was restricted. The Turkification of place-names or explanation of their etymology with the fake Turkish origin was another violation of minority rights stated in Lausanne Treaty.

Considered useless to serve in military during first years of the republic, minority members were not conscripted, later they were serving with pretty different conditions from Muslims. In spite of it, in 1941–1942 ruling Republican People’s Party implemented Twenty Classes conscription. It covered only non-Muslim male population of Turkey between the age of 18–48, 26–45, 18–60 according to different sources. The conscription can’t be considered yet the real one as actually the labor groups were created from these men and no military uniform or weapons were given. According to rescues, the elderly and mentally ill people were also included in battalions working under harsh conditions, so many of them never returned home. These raises the doubt regarding the actual reason behind this initiative. Allegedly, minorities were seen as an unreliable element in the context of WWII and with high probability in case of entering the war Turkey was poised to neutralize mobilized people [9, p. 65]. Taking into account the target of the conscription, the serving conditions and the overall global situation, this was one of the discriminatory actions by authorities and in fact it was ethnic cleansing. This page of the history still remains not very well researched because of the secrecy it was carried out under and lack of the information.

Another striking example of the state level discriminatory attitude followed in 1942 called Wealth tax Law. By this law taxpayers were classified as 1. Muslims, 2. Non-Muslims, 3. Converts, 4. Foreigners. This already gives proper ground to see discrimination towards citizens. In comparison with Muslims, non-Muslims were required to pay from forty to fifty times bigger taxes. The decisions about the size of a tax were being assessed by special committees arbitrarily with the taxpayer having no right to interpose an appeal [5, p. 121]. Violating the 39th article that declares *all the inhabitants of Turkey, without distinction of religion, shall be equal before*, the law continued to be in force up to 1944. This policy has been described as an economic genocide of ethnic minorities by Turkish researcher Ridvan Akar.

[10, p. 15] The tax led to the liquidation of non-Muslim-owned firms, which were older and more productive, reduced the formation of new businesses with non-Muslim owners, and replaced them with frailer Muslim-owned startups. The tax helped “nationalize” the Turkish economy, but had negative implications for productivity and growth [11, p. 2]. This kind of actions in the mid-20th century in a country considering itself on its path of development is sad example of discrepancy between words and deeds, discrimination and manipulation.

While minority property, worship places, buildings were declared to be under the state defence, actually state institutions were encouraging the nationalist groups attacking these objects. Criticizing RPP policy towards minorities, didn't stop Democratic party to continue and even raise that policy to a new level. On September 6–7, 1955 in a sign of Cyprus sentiments and with provocative bombing of Ataturk's home in Thessaloniki organized by Turkish intelligence, armed attacks began on minorities and their properties, targeting Greeks, at first place. During 1960s another state-level wave of violence against Greeks was realized. Violating agreement signed in 1930 regarding Muslims living in Greece and Greek citizens living in Turkey. Many Greeks were banned to engage in professional activity, to move freely, lost their jobs, some were required to leave Turkey. [5, pp. 167–168] In 2019 an exhibition entitled ‘20 Dollars, 20 Kilos’ opened on the 50th anniversary of the forced deportation of around 45 000 Greeks from Turkey [12].

After all above-mentioned actions the communities of officially recognized minorities by Lausanne Treaty became rather weak and small in number. Many of them saw migration as the only way to have normal life. For instance, in case the number of Armenians in Turkey was 250-300.000 in the beginning of 1920s, by 2009 this number had decreased to 55-60.000 [9, p. 64]. Along with that taking into account the activation of Kurdish factor in Turkey from 1970s, rise of Kurdish nationalism, and Kurdish issue's further aggravation through decades, currently minority policy of Turkey is accepted as state policy towards first of all Kurds both in international political and academic cycles and also inside Turkey. Despite officially not recognizing Kurds as a minority, ignoring existence of this ethnic group is already a hard task for Turkey's administration. The denial approach of such nation has long history starting from Ottoman Empire and continuing in the republic of Turkey. Kurds were claimed to be “Mountain Turks” by authorities, going that far to explain the name “Kurd” coming from the sound of snow when those mountainous Turks living in snowy mountains were walking on it. The so-called Sun Theory taught that all languages derived from one original primeval Turkic language in central Asia. Isolated in the mountain fastnesses of eastern Anatolia, the Kurds had simply forgotten their mother tongue [13, p. 162]. First actions against Kurds were implemented back in 1920s and 1930s when Kurdish rebellions were pressed and also strikes affected peaceful population. Although many Kurdish tribes either supported the Turkish government or were at least neutral in these rebellions, the Turkish authorities decided to eliminate anything that might suggest a separate Kurdish nation. A broad battery of social and constitutional devices was employed to achieve this

goal. Everything that recalled a separate Kurdish identity was to be abolished: language, clothing, names, etc. [13, p. 162].

Changes in Minority Policy in the Context of the EU Membership Candidacy Process

The state policy towards minorities underwent some changes to meet the EU standards. In case of Kurds from the late 20th century implemented actions are affected by two main aspects: the Kurdish movement (in particular, PKK actions) and the EU membership process.

The coup d'état in 1980 was preceded by bloody events primarily between right- and left-wing organizations causing incremental number of deaths that were volatilizing situation in the country. This chaos was triggered and realized to close out the unwanted subjects and left-wing members including Kurds were at first place. New repressions against Kurdish identity unprecedented from Atatürk's times were imposed, provoking bloody fighting between PKK militants and the Turkish armed forces.

Current ruling party JDP came to power with the emphasis on a (Sunni) Muslim supra-identity [2, p. 33], however with EU membership candidacy process, during 2000's it showed some initiative to alter this policy though mainly outwardly.

The Helsinki European Council meeting in December 1999 concluded that: "Turkey is a candidate State destined to join the Union on the basis of the same criteria as applied to the other candidate States. Building on the existing European Strategy, Turkey, like other candidate States, will benefit from a pre-accession strategy to stimulate and support its reforms" [8, p. 4].

The human rights situation in Turkey is still under the monitoring procedures opened in 1996 by the Council of Europe. The current fundamental law of Turkey was ratified in 1982 with latest amendment in 2017. Article 2 of the 1982 Constitution describes the characteristics of the Republic as '*...a democratic, secular and social state governed by the rule of law*' [4].

According to the EU's report on of 1998 "*Turkey has ratified the most important conventions for the protection of human rights, with the exception of the International Covenant for Civil and Political Rights. Turkey ratified the UN Convention against Torture and the European Convention for the Prevention of Torture and other Inhuman or Degrading Treatment or Punishment.*" Still report concluded that "*persistent cases of torture, disappearances and extra-judicial executions are regularly recorded despite repeated official statements of the government's commitment to ending such practices*". The 1998 EU's observation stated that "*The actual upholding of civil and political rights enshrined in the Turkish constitution and law remains problematic.*" The report raised the question of the freedom of expression, stating that it was not fully assured and was subject to numerous restrictions, also claiming that the disregard for civil and political rights is connected in one way or another with the way in which the government and the army react to the problems in the south-east of the country [14, pp. 14–15].

In its 1998 Regular Report on Turkey, the Commission concluded: “*On the political side, the evaluation highlights certain anomalies in the functioning of the public authorities, persistent human rights violations and major shortcomings in the treatment of minorities.*”

The important shift in 2003 was lift of the ban on the use of Kurdish and other languages, opening several Kurdish language schools, broadcasting in Kurdish on a restricted scale. In 2019 as a result of the state of emergency Kurdish-language media outlets and cultural rights institutions continued to be closed. “*The pressures on Kurdish media and those reporting Kurdish issues continued through court cases, detentions and arrests of journalists. many events and demonstrations relating to the Kurdish issue or organised by the opposition groups were prohibited on security grounds.*” In 2019 public state schools had optional courses in Kurdish, and university programs have those in Kurdish, Arabic, Syriac and Zaza. Still there are restrictions on Kurdish language and literature, reports about the dismissal of Kurdish academics and lecturers, partly facing terrorism-related investigations, the closure of Kurdish language NGOs and institutions, pressure on Kurdish media, and bans on Kurdish books [12, p. 40].

Monitoring the reports by European Commission it can be concluded that notwithstanding the fact that Kurdish issue has become a central human right issue, Turkey’s authorities continue to use different occasions, in particular, anti-terror fight to limit the rights of Kurds. At the same time other minorities also continue facing problems because of the state policy.

“*As far as permission for construction of places of worship is concerned, the Law on Public Works has been amended as part of the sixth reform package, followed by the issue of a circular in September 2003, replacing the word “mosque” with the phrase “places of worship”, meaning that churches and synagogues will now be covered. The Protestant community in particular has experienced difficulties in finding places in which to worship. The Protestant church in Diyarbakır still has no legal status, although in practice it has been open for worship since April 2003*” [8, p. 35]. In 2019 many requests by different Christian communities to open places of worship and curricula for clergy are still pending [12, p. 31].

“*The ban remains on the training of clergy for religious minorities. Given the decreasing number of priests within their churches some religious minority communities feel threatened by this ban. In spite of repeated requests, the Halki seminary remains closed, although in August 2003 the authorities undertook to re-consider this matter. Limited resources prevent the vast majority of minority religious communities from training their clergy abroad, and nationality criteria restrict the ability of non-Turkish clergy to work, for example, for the Syriac and Chaldean Churches, or to become the Ecumenical Patriarch.*” Representative of clergy, especially those of Roman Catholic community, have difficulties to get visa or resident permits. Another controversial issue has been the title of Ecumenical Patriarch. The usage of the title has caused resistance in official levels. In June 2003, this title written in the invitation became reason to ban the attendance of public officials a lecture of Orthodox Patriarch Bartholomaios [8, p. 35]. Due to Turkey’s

interpretation of the Lausanne Treaty, Catholic churches have no legal personality and no minority foundation status. As a result, a large number of properties that belonged to the Latin Catholic Church have been confiscated by the state. Problems for Greek nationals in inheriting and registering property were reported, in particular following the Turkish authorities' application of the amended Land Registry Law (which limits the acquisition of property by, among others, Greek nationals), including their interpretation of the provisions on reciprocity [15, p. 60].

Report of 2003 stresses the first precedent of the OSCE High Commissioner on National Minorities to visit Turkey, yet the visit didn't bring further development with it. Ratification of the UN Covenant on Civil and Political Rights was done with a reservation. *“As a result, the scope of the right of ethnic, religious or linguistic minorities to enjoy their own culture, to profess and practice their own religion, or to use their own language, has been limited. Minorities face issues in electoral systems as well. In the election of November 2002, for example, the Democratic People's Party (DEHAP) did not reach the 10% threshold, despite receiving over 45% of the votes in five of Turkey's 81 provinces”* [8, p. 38].

No progress in the situation of non-Sunni minorities were made, says the report of 2004, underlining the fact that Alevis, for example, are not recognized officially. While they struggle to open places of worships, Syriacs don't have right to open schools. The history books for the 2003–2004 school year still portray minorities as untrustworthy, traitorous and harmful to the state. However, the authorities have started to review discriminatory language in schoolbooks. In March 2004, a regulation was issued in which it is stated that school textbooks should not discriminate on the basis of race, religion, gender, language, ethnicity, philosophical belief, or religion [16, p. 49].

In 2014 EU committee still considered necessary for Turkey to set up a body to promote equality and combat racism, xenophobia, anti-Semitism and intolerance. Turkey continued to recognize only, so called, Lausanne Treaty minorities, with no legal framework improvement and no specific rights based on ethnic origin to preserve their identity. The conclusion of the 2014 report stresses the necessity *to prevent and punish hate speech and crimes targeting minorities*. [15, p. 16] Yet in 2019 the same problem of hate speech and threats directed against minorities remain a serious problem. This includes hate speech in the media targeting national, ethnic and religious groups. There has also been increased anti-Semitic rhetoric in the media and by public officials due to the conflict in Palestine. The discriminatory references in the textbooks and acts on vandalism on worship places belonging to minority groups continued to be inseparable part in the country's life. No new regulation on the election procedures for non-Muslim foundations has been published since 2013. In the absence of a regulation, these foundations are unable to hold elections for their board members. The Armenian Patriarchal election procedures were halted by the Istanbul Governorate. The issue of property rights of non-Muslim minorities and the need for a revision of legislation covering all issues regarding property rights is pending. As the Venice Commission underlined in 2010, Turkey should

continue the reform process and introduce legislation which makes it possible for all non-Muslim religious communities as such to acquire legal personality. Summing up, there is still much room to achieve full respect for minorities and protection of their fundamental rights [12, p. 39].

In spite of the fact, that Turkey made big efforts especially in the beginning of the 21st century to enter the European Union, the annual reports show cracks and issues in minority policy proving unwillingness of authorities to make a real change. The rights of persons belonging to minorities need better protection.

Conclusion

The history of the republic of Turkey provides with a lot of evidence on state's approaches towards non-Turkish ethnoreligious groups inside the country. The official omissions in minority policy begin with not granting minority status to ethnic groups in the country except for three of them, continue with obvious and hidden acts of intolerance and violence organized or encouraged at the state level towards both recognized and not recognized minorities. No decade in the history of the republic of Turkey is free of criminal acts against minorities. Though Treaty of Lausanne de jure lays in the roots of state's minority policy from the very beginning of the republican history till our days, violations of its articles are far more obvious than practice of building a state and a society based on acquired agreements. The current number of the populations of officially recognized minorities is a direct consequence of the authorities' policy during 20th century. Though in 21st century Turkey has made some reforms that are mainly West driven, the change in minority lives has been little, bringing no real progress on the path of making them equal citizens of the republic able to exercise full rights. From its roots republican page of Turkey along with declared equality when it comes to speaking, in reality has been full of intolerance towards minorities. In a sign of continual repressions, precedented and unprecedented violent moves during various authorities, the speeches and words of high officials about inclusiveness, tolerance, and efforts to improve situation of minorities inspire little confidence.

REFERENCES

- [1] Wang S., "The People's Republic of China's Policy on Minorities and International Approaches to Ethnic Groups: A Comparative Study", 2004.
- [2] Tasch L., "The EU Enlargement Policy and National Majority-Minority Dynamics in Potential European Union Members: The Example of Turkey", *Mediterranean Quarterly*, vol. 21, no. 2, pp. 18–46, 2010.
- [3] "Proud to be A Turk", *The Economist*, 4 February 2016. [Online]. Available: <https://www.economist.com/special-report/2016/02/04/proud-to-be-a-turk>. [Accessed 29 March 2020].
- [4] "Constitution of The Republic of Turkey", [Online]. Available: https://global.tbmm.gov.tr/docs/constitution_en.pdf. [Accessed 30 March 2020].
- [5] Safrastayan R. et al, *Turkiyai harapetutyun patmutyun [History of the Republic of Turkey]*, Yerevan: Yerevan State University Press, 2014.

- [6] “Lausanne Peace Treaty”, 1923. [Online]. Available: http://www.mfa.gov.tr/lausanne-peace-treaty-part-i_-political-clauses.en.mfa. [Accessed 25 March 2020].
- [7] Weiner M. E. and Ozbudun E., *Competitive Election in Developing Countries*, Duke University Press, 1987.
- [8] “Regular Report on Turkey’s Progress towards Accession”, 2003. [Online]. Available: <https://www.avrupa.info.tr/sites/default/files/2016-11/2003.pdf>. [Accessed 20 March 2020].
- [9] Melkonyan R., “On Some Problems of The Armenian National Minority in Turkey”, *21st Century*, no. N2 (8), pp. 64–70, 2010.
- [10] Akar R., *Aşkale Yolcuları: varlık vergisi ve çalışma kampları (Passengers to Ashkale: The Wealth Tax and Labor Camps)*, Istanbul: Mephisto Basım, 2006.
- [11] Ağır S. and Artunç C., “The Wealth Tax of 1942 and the Disappearance of Non-Muslim Enterprise in Turkey”, *Journal of Economic History*, vol. 79, no. 1, pp. 201–243, 2019.
- [12] “Turkey 2019 Report”, 2019. [Online]. Available: <https://www.avrupa.info.tr/sites/default/files/2019-05/20190529-turkey-report.pdf>. [Accessed 30 March 2020].
- [13] Gunter M., “An historical Overview to the Kurdish Problem”, *The Copernicus Journal of Political Studies*, vol. 4, no. 2, pp. 159–182, 2013.
- [14] “Regular Report from the Commission on Turkey’s Progress towards Accession”, 1998. [Online]. Available: <https://www.avrupa.info.tr/sites/default/files/2016-11/1998.pdf>. [Accessed 25 March 2020].
- [15] “Turkey Progress Report”, 2014. [Online]. Available: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/pdf/key_documents/2014/20141008-turkey-progress-report_en.pdf. [Accessed 27 March 2020].
- [16] “Regular Report on Turkey’s Progress towards Accession”, 2004. [Online]. Available: <https://www.avrupa.info.tr/sites/default/files/2016-11/2004.pdf>. [Accessed 26 March 2020].

Научная статья

Политика Турции в отношении этнических меньшинств

М.А. Дашян

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
101000, Москва, Россия, Мясницкая улица, 20

А.А. Куделин

Российский университет дружбы народов
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, 6

В статье рассматривается официальная позиция и отношение государства к этническим меньшинствам на протяжении истории Турецкой республики. Хотя в Турецкой республике численность нетурецких народов существенно сократилась по сравнению с периодом существования Османской империи, однако их существование нельзя было игнорировать. Тем не менее, Турция признавала наличие только трех меньшинств (греков, армян и евреев) и на протяжении своей истории придерживалась стратегии, согласно которой представители других меньшинств считались турками. Этническое разнообразие рассматривалось как угроза территориальной целостности Турции. Все действия были направлены на создание единого национального государства, подавлявшего этническую самобытность нетурецких народов. В статье государственная полити-

ка в отношении этнических меньшинств в Турецкой республике рассматривается с точки зрения положений Лозаннского мирного договора 1923 г. и законодательных норм, касающихся статуса и прав меньшинств. В статье показано, в какой степени власти следуют указанным положениям и нормам, а также описаны проблемы, с которыми сталкиваются представители этнических меньшинств при осуществлении своих прав.

Ключевые слова: Турция, этнические меньшинства, права меньшинств, государственная политика, национализм

Информация об авторах / Information about the authors:

Дашян Мариам Ашотовна – магистрант факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: dashyan.mariam@gmail.com.

Куделин Андрей Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Российского университета дружбы народов. E-mail: kudelin_aa@rudn.university.

Mariam Dashyan – master student, Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University – Higher School of Economics. E-mail: dashyan.mariam@gmail.com.

Andrey A. Kudelin – PhD in History, Associate Professor of the Department of the World History of the Faculty of Humanities and Social Sciences at RUDN University. E-mail: kudelin_aa@rudn.university.

Для цитирования / For citation

Дашян М.А., Куделин А.А. Политика Турции в отношении этнических меньшинств // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2020. Т. 12. № 3. С. 274–285. DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-3-274-285

Dashyan M., Kudelin A.A. The Ethnic Minority Policy of Turkey // RUDN Journal of World History. 2020. Vol. 12. № 3. P. 274–285. DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-3-274-285

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 07.04.2020

DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-3-286-291

Научная статья

Становление ведущих ВУЗов США и Ассоциации внешней политики как элементов публичной дипломатии США

А.В. Данилов

Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

В данной статье автор рассматривает период становления ведущих высших учебных заведений США и Ассоциации внешней политики в качестве элементов экономического, политического и культурного влияния на всемирные политические процессы. Автор данной работы методично и последовательно приводит аналитические, исторические факты, доказывающие косвенное и непосредственное воздействие на внешнюю политику стран. Актуальность статьи обусловлена высокой значимостью и влиянием негосударственных акторов на мировую политику.

По мнению автора, политический курс руководства Соединенных Штатов в первой четверти XX века, ориентированный на более активное включение страны в международную политику и отказ от изоляционизма, что в первую очередь выражалось в отходе от постулатов доктрины Монро и вступлении США в Первую мировую войну, оказали большое влияние на развитие публичной дипломатии США как инструмента, способствующего продвижению интересов страны. Все это потребовало активное вовлечение высших учебных заведений в процесс публичной дипломатии, а также создание новых негосударственных институтов.

Ключевые слова: США, публичная дипломатия, «фабрика мысли», культурная дипломатия, финансовые институты, Ассоциации внешней политики, международные отношения

Важными компонентами публичной дипломатии в Соединенных Штатах являются так называемые «фабрики мысли», которые активно продвигают американские идеи и ценности за рубежом, проводят комплексный анализ происходящих в мире событий и дают свои рекомендации для государственных органов США, которые ответственны за принятие решений в данной сфере. Масштаб воздействия этого комплекса научно-исследовательских заведений на внутреннюю и внешнюю политику, а также формирование общественного мнения с целью легитимации внешнеполитических действий правительства США и финансовых структур огромен.

Стратегия создания фабрик мысли, финансирование и проекты сочетают в себе многогранность и многоуровневость. С одной стороны, они ра-

© Данилов А.В., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

ботаю в единой связке с правительством и реализует программы, увеличивающие роль присутствия США в мире. С другой стороны, деятельность фабрик мысли по большей части финансируется за счет «филантропических» фондов, поэтому проводимая ими политика учитывает интересы инвесторов. Согласно статистике, в 1913 году средства из федерального бюджета США на образование составили пять миллионов долларов. В этом же году суммы, выделенные Корпорацией Карнеги, превысили 5,6 миллионов. В 20-х годах XX века Г. Притчет подготовил список колледжей и университетов, на которые фонд Карнеги должен был обратить особое внимание. Финансовые институты через фонды стали доминирующими инвесторами в высшее образование. Гранты выделялись далеко не во все ВУЗы. «Благотворительность» ограничивалась узким кругом высших учебных заведений.

По статистике С.В. Воронина, с 1965 по 1971 годы 49,7% общих «благотворительных» средств выделенных фондами Форда и Рокфеллера приходилась лишь на три ВУЗа – Колумбийский, Гарвардский и Чикагский университеты [1. С. 109].

Основные цели финансовых институтов заключались в поиске талантливых кадров, использовании их идей, стремлении оказывать непосредственное идеологическое влияние на молодежь. Самой главной задачей являлись человеческие ресурсы – «умы», наиболее пассионарная часть молодежи, которая обеспечивала функционирование системы за счет свежих идей. Финансовые институты отдают себе отчет в том, что университеты и колледжи – это кузницы кадров специалистов, от социальной позиции которых во многом зависит эффективность капиталистической системы [2]. Кадры, идеологически подготовленные в ВУЗах, становятся во главе политической власти, обеспечивая интересы финансовых институтов.

Исторически одной из первых «фабрик мысли» в США являлся Чикагский университет. ВУЗ основан на средства Джона Д. Рокфеллера, а земля выделена Маршаллом Фильдом. Данное учреждение охватывало различные сферы деятельности [3. Р. 137]. В 1898 году была открыта кафедра бизнеса, в 1902-м – юридическая кафедра. При поддержке Джона Д. Рокфеллера с 1891 по 1893 годы университет выходит на лидирующие позиции в стране. Более того, финансовая поддержка семьи помогает университету преодолеть «Великую депрессию» [4]. Наблюдается активное участие университета в программе «Манхэттенский проект». Ученому из этого университета – Энрико Ферми – удается сделать прорыв в разработке ядерного оружия. Корпорация Карнеги финансировала Колумбийский университет в Нью-Йорке, Стэндфордский университет в Калифорнии, Гарвардский университет в Бостоне.

Фонд Форда принял участие в финансировании Калифорнийского Гарвардского, Колумбийского, Мичиганского и Стэндфордского университетов. Следует отметить, что Фонд Форда являлся инвестором в русский научно-исследовательский центр в Гарварде.

Примечательным по своему содержанию является исследование Дж. Лайона и Л. Мортонна 1965 года «Школы стратегии. Образование и научные исследования в вопросах национальной безопасности» [5. Р. 305].

Автор полагал, что было «две волны» появления научных центров при высших учебных заведениях в США. Первая волна характеризуется периодом с 1950 по 1952 гг. В это время создается «Центр по изучению внешней политики США» при Чикагском университете. В 1951 году «Центр международных исследований» появляется при Принстонском университете. Похожий исследовательский международный центр был также основан в крупнейшем ВУЗе США – Массачусетском технологическом институте, а в Колумбийском университете образован Институт исследований проблем войны и мира.

Говоря о второй волне открытия научно-исследовательских центров, подразумевается период с 1957 по 1960 гг. В частности, в 1957 году был образован «Вашингтонский центр научных исследований в области внешней политики». В 1959 году основан «Центр по исследованию проблем разрешения конфликтов» в Мичиганском университете, Центр по международным проблемам при Гарвардском университете, а также запускается программа исследований в области обороны и безопасности. Дж. Лайонс и Л. Мортон отмечали: Крупным источником поддержки для центров и институтов, базировавшихся при университетах, были частные фонды... Зависимость от внешних средств, будь то средства фондов или правительства, вызывает у колледжей и университетов острое соперничество по поводу даров и передает контроль над общими направлениями научных исследований в руки небольшой группы фондов или правительственных чиновников... Они консультируют друг друга, чтобы избежать путаницы и дублирования [5. Р. 305].

Финансовые институты через фонды брали под контроль образовательные учреждения США, проводили мониторинг общественного мнения и направляли его. Университеты, возвысившиеся за счет массовых денежных вливаний со стороны фондов, испытывали постоянную необходимость в поддержке со стороны последних. Дары фондов стали настолько важным источником поддержки, что президенты колледжей и университетов зачастую не могут позволить себе игнорировать мнение и пожелания чиновников, распределяющих блага фондов. Они обычно не осмеливаются отказаться от дара, насколько бы несовместимым он ни был с их политикой [6. Р. 42].

Другой исследователь Ф. Ландберг также указывает на зависимость высших учебных заведений от фондов и на невозможность высказывания альтернативного мнения, противоречащего общему курсу фондов. При такой постановке дела организации-получатели едва ли будут высказывать нежелательные социально-экономические или политико-экономические идеи. Более вероятно, что они будут достаточно осторожны и ограничатся высказыванием только безупречно разумных идей, какие можно услышать в высших клубах.

Зачастую люди, назначаемые на верховные должности в фондах и финансовых организациях, имели опыт работы в ВУЗах. Например, Макс Мэйсон в 1929 году стал главой фонда Рокфеллера, являясь ранее ректором Чикагского университета. С 1929 по 1951 годы Чикагский университет возглавлял Роберт Хатчинз, который затем продолжил работу в фонде Форда. В 1951 году во главе фонда Форда встал Поль Гофман, который до этого

курировал работу в Чикагском университете и владел компанией «Студебеккер». Другой яркий пример – это Макджордж Банди, декан Гарвардского университета, который в 1966 году стал президентом фонда Форда. Таких примеров множество. Все они говорят о тесной взаимозависимости профессорско-преподавательской элиты с элитой финансовой.

Отдельного рассмотрения требует история возникновения Института Брукинга. В 1927 году три ВУЗа: Институт правительственных исследований, Институт экономики и Институт для подготовки аспирантов по экономическим проблемам и вопросам правительственной политики объединились в один аналитический центр. Брукинг был сторонником совершенствования управления государством и недопустимости пересмотра доходов между отдельными слоями общества [7. Р. 117]. Фактически Институт выполнял идеологическую функцию в США. В состав Совета попечителей института входили такие видные представители финансовых кругов, как Д. Диллон, Р. Макнамара и т.д. О влиянии института на формирование внешнеполитических акций говорит факт того, что главой Экономического совета при Трумэне был вице-президент Института Брукинга Э. Нурс, в то время как возглавлявшие институт К. Гордон и Ч. Шульце также руководили Бюджетным бюро при Джонсоне и Кеннеди.

Также в контексте реализации публичной дипломатии США за рубежом необходимо остановиться на Ассоциации внешней политики (АВП). Основной задачей данного института были осуществление научно-исследовательской деятельности и активного участия в образовании и воспитании. Под руководством журналиста Пола Андервуда Келлога она осуществляла поддержку проекта Лиги Наций. В связи с провалом осуществления данного проекта она была закрыта. Однако уже в 1923 году вновь начала свою работу. Деятельность ассоциации высоко оценивалась со стороны политического руководства страны. Известны высказывания американских президентов, в частности, Джона Ф. Кеннеди: «Сложность и многообразие внешних политических вопросов, стоящих перед США сегодня, делает ставку на грамотном понимании вопросов среди масс граждан ... Я особенно впечатлен подходом, который предпринимает Ассоциация внешней политики» [8]. Фактически ассоциация занималась «просвещением» масс людей и «разъяснением» политической ситуации в мире.

«В демократическом государстве правительство функционирует с согласия всего народа. Последнее должно руководствоваться фактами. Ассоциация внешней политики выполняет высокую обязанность в содействии четкого представления фактов мировых проблем и их воздействия на США» [9]. Таким образом, помимо цели влиять на аудиторию функция Ассоциации Внешней политики состояла также в своевременном информировании политической элиты США.

Однако информирование касалось не только политической элиты, как мы сможем убедиться, но и экономической. Сразу после образования АВП, как и ВУЗы и научные центры, начала финансироваться фондами. В отечественной историографии упоминаются, в частности, фонд Карнеги и Фонд

Форда как наиболее активно участвовавшие в его финансовой поддержке (сама Ассоциация находится в здании фонда Карнеги) [10]. Кроме того, секретарем при ассоциации был также Джон Рокфеллер, а в директорат ассоциации входили представители от фонда Карнеги, «Standard Oil of New Jersey», «Sullivan & Cromwell».

Активизация деятельности АВП на мировой арене с целью противодействия «коммунизму» имела место и внутри самих США. В 1954 году началась программа информирования граждан по внешнеполитическим вопросам, которая вошла в историю как «Великие решения» [11]. В наши дни рассматриваются злободневные проблемы современных международных отношений, «просвещение» происходит через Интернет, печать, телевидение. Источником материалов выступает сама АВП, а также некоторые институты и издания, такие как Foreign Affairs, Foreign Policy и Институт Брукинга.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Воронин С.В. «Благотворительные» фонды США. Л.: издательство ЛГУ – 1973.
- [2] Очков М.С., Журихин Э.А., Муромцев В.М., «Филантропические» фонды США в системе власти монополий. М.: Наука, 1978.
- [3] Goodspeed Thomas Wakefield (1916). A History of the University of Chicago. Chicago: The University of Chicago Press.
- [4] “History of the Office”. The University of Chicago Office of the President. November 6, 2008.
- [5] Lyons G. M. and Morton L. Schools for Strategy. N. Y., 1965.
- [6] Wormser R. A. Foundations: Their Power and Influence. N. Y., 1958.
- [7] Guttman D. and Willner B. The Shadow Government. N. Y., 1976.
- [8] Davis Joan C. Foreign Policy, Association 15 Cath. Law. 374 (1969) <https://scholarship.law.stjohns.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1723&context=tcl>.
- [9] The Brooklyn Daily Eagle from Brooklyn, New York October 17, 1943.
- [10] Овинников Р.С. Уолл-стрит и внешняя политика / Р.С. Овинников. М.: Международные отношения, 1980.
- [11] URL: http://www.fpa.org/info-url_nocat4705/info-url_nocat.html [Электронный ресурс].

REFERENCES

- [1] Voronin S.V. “Charitable” funds of the United States. L.: Leningrad State University publishing house – 1973.
- [2] Ochkov M.S., Zhurikhin E.A., Muromtsev V.M., “Philanthropic” funds of the United States in the system of power of monopolies. M.: Nauka, 1978.
- [3] Goodspeed Thomas Wakefield (1916). A History of the University of Chicago. Chicago: The University of Chicago Press.
- [4] “History of the Office”. The University of Chicago Office of the President. November 6, 2008.
- [5] Lyons G.M. and Morton L. Schools for Strategy. N. Y., 1965.
- [6] Wormser R.A. Foundations: Their Power and Influence. N. Y., 1958.
- [7] Guttman D. and Willner B. The Shadow Government. N. Y., 1976.
- [8] Davis Joan C. Foreign Policy, Association 15 Cath. Law. 374 (1969) <https://scholarship.law.stjohns.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1723&context=tcl>
- [9] The Brooklyn Daily Eagle from Brooklyn, New York October 17, 1943.

- [10] Ovinnikov R.S. Wall Street and Foreign Policy. R.S. Ovinnikov. M.: International Relations, 1980.
- [11] URL: http://www.fpa.org/info-url_nocat4705/info-url_nocat.html

Research article

Retrospective of using the US universities and the Foreign Policy Association as elements of public diplomacy in the United States

A.V. Danilov

Peoples' Friendship University of Russia
str. Miklukho-Maklaya, 6, Moscow, Russian Federation, 117198

The article covers the period of implementation of the leading US universities and the Foreign Policy Association as elements of US public diplomacy which their impact in economic, political and cultural influence all over the world. The author methodically and consistently cites analytical, historical facts proving an indirect and direct impact on the foreign policy of countries. The relevance of the article is due to the high significance and influence of non-state actors on world politics nowadays.

The author points out that the political course of the leadership of the United States from the second half of the 20th century was focused on more active inclusion of the country in international politics and the rejection of isolationism, which was primarily reflected in the departure from the postulates of the Monroe Doctrine and the entry of the United States into the First World War. This, in turn, had a great influence on the development of public diplomacy in the United States as a tool to promote the interests of the country, the creation of the necessary information support for foreign policy actions of the state, as well as a favorable image of the United States in other countries. Thus it required the active involvement of the leading US universities in US public diplomacy, as well as the creation of new non-state institutions.

Keywords: USA, public diplomacy, “factory of thought”, cultural diplomacy, financial institutions, Foreign Policy Associations, international relations

Информация об авторе / Information about the author

Данилов Алексей Витальевич – студент 1 курса аспирантуры Российского университета дружбы народов. E-mail: danalessio@ya.ru.

Danilov Alexey Vitalievich – Post-graduate student of the Peoples' Friendship University of Russia. E-mail: danalessio@ya.ru.

Для цитирования / For citation

Данилов А.В. Становление ведущих ВУЗов США и Ассоциации внешней политики как элементов публичной дипломатии США // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2020. Т. 12. № 3. С. 286–291. DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-3-286-291

Danilov A.V. Retrospective of using the US universities and the Foreign Policy Association as elements of public diplomacy in the United States // RUDN Journal of World History. 2020. Vol. 12. № 3. P. 286–291. DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-3-286-291

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 03.05.2020

ИЗ ИСТОРИИ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ LATIN AMERICAN STUDIES

DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-3-292-301

Научная статья

Организационная структура Движения за национальное освобождение Тупамарос в Уругвае (1965–1972 гг.)

Э.В. Зизева

Кафедра Новой и новейшей истории стран Европы и Америки
Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова
119192, Россия, Москва, Ломоносовский пр-т, 27–4

Данная работа представляет собой первую в отечественной историографии попытку детально рассмотреть структуру революционной организации Движение за национальное освобождение – Тупамарос, действующего в Уругвае в 1960-х – начале 1970-х гг. В связи с тем, что Движение носило подпольный характер, данные о его структуре, численности, участниках восстанавливаются как по официальным документам организации, так и по воспоминаниям рядовых участников и лидеров движения, среди которых много видных деятелей современной истории Уругвая – экс-президент Хосе Мухика, вице-президент Лусия Тополански, бывший министр обороны Э. Фернандес Уидобро и ряд других важных общественных персон. В результате данного исследования автору удалось представить структуру Движения Тупамарос и показать, как в ней реализовывалось взаимодействие двух противоречивых принципов – демократического централизма и внутренней автономии составных частей организации.

Ключевые слова: Тупамарос, революционные движения Латинской Америки, леворадикальные движения, история Уругвая в XX веке

Введение

Со второй половины 1950-х годов в благополучном Уругвае начал назревать экономический кризис, последствия которого первыми стали ощущать на себе беднейшие слои населения. К наиболее обездоленным и бесправным группам в Уругвае относились сельскохозяйственные рабочие из северных провинций страны. В 1961 г. в северной провинции Артигас – единственном в стране центре производства сахарного тростника, благодаря усилиям одного из лидеров Социалистической партии Уругвая Рауля Сенди-

© Зизева Э.В., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

ка, возникает Союз работников сахарной промышленности провинции Артигас (УТАА), начавший жесткую борьбу за интересы трудящихся. Не добившись улучшения положения рабочих, в 1962 г. Р. Сендик принял решение организовать поход рубщиков сахарного тростника из УТАА на Монтевидео с целью донести до правительства и столичной прессы требования профсоюза.

Марш 1962 г. не был единственным, за ним последовали марши в 1964, 1965, 1968 и 1971 гг. Демонстрации рубщиков привлекли довольно широкое внимание общественности и прессы, в результате чего вопрос о тяжелом положении сельскохозяйственных рабочих был вынесен на национальный уровень. С целью оказания помощи митингующему профсоюзу в столичном районе Ла Теха начали собираться молодые активисты из различных левых организаций. Они стремились оказать всевозможную поддержку протестующим, скоординировать действия УТАА и левых политических партий. К концу 1962 г. их объединение получило название «Координация» (*“El Coordinador”*). Постепенно товарищи из «Координации» начали задумываться о переходе к вооруженным методам борьбы. 30 июня 1963 г. несколько активистов совершили первую акцию – экспроприацию оружия из стрелкового «Швейцарского тира» в г. Нуэва-Эльвесия. Данная акция, несмотря на скромность масштабов, имела важное значение, так как ознаменовала качественное изменение в методах – «Координация» перешла от легальной политической борьбы к вооруженной, фактически переродившись в новую революционную организацию, которая позже получила название Движение за национальное освобождение – Тупамарос. Это движение одно из первых провозгласило своей ключевой тактикой партизанскую борьбу в городских условиях.

В конце 1960-х годов Тупамарос приобрели довольно широкую известность далеко за пределами Уругвая, породив подражателей в разных странах, как то: Тупамарос Мюнхена, Тупамарос Западного Берлина, Фракция Красной Армии в Германии, Красные Бригады в Италии и ряд других радикальных левых организаций в Латинской Америке.

Возникновение движения Тупамарос

С 1963 по 1965 г. активисты «Координации» осуществили ряд дерзких и успешных акций. В конце 1963 г. на Рождество была проведена операция «Кантегриль» (Кантегриль – трущобы вокруг Монтевидео. – Э.З.). Группа «Хосе Артигас», состоящая приблизительно из десятка молодых людей, угнала у компании «Мансанарес» (*“Manzanares S.A.”*) грузовик, груженный продуктами и сладостями, а затем бесплатно раздала эти продукты населению бедняцких пригородов Монтевидео. Раздача продуктов сопровождалась пламенными революционными речами. Партизаны, которые в то время еще не скрывали своих лиц, обличали существующий режим и предрекали революцию. Именно операция «Кантегриль» сформировала первое впечатление о будущих тупамарос, закрепив за ними образ благородных «робин гудов», сохранявшийся вплоть до 1970-х годов.

К другим крупным акциям, произошедшим в 1964–1965 г., относятся экспроприация оружия на пограничной заставе в г. Белья-Уньон, освобождение задержанных из полицейского участка Уругваяна, ограбление банков, проникновение в ряд строительных компаний с целью получения материалов для изготовления взрывчатых веществ, покушения на имущество североамериканских компаний в знак протеста против разрыва отношений с Кубой [1. Р. 24–26].

Название «Тупамарос» впервые появилось в октябре 1964 г., когда одна из групп «Координации» распространила в университетских кругах брошюру на 10 страниц, озаглавленную «Тупамарос». На обложке была изображена пятиконечная звезда со стрелой внутри и лозунг: «Вооружайся и жди». Брошюра призывала создавать подпольные боевые группы с целью захвата власти и осуществления революции. Вскоре название «Тупамарос» стало все чаще возникать в листовках и прокламациях, граффити, как подпись на месте осуществленных акций [2. Р. 245].

В конце 1964 – начале 1965 г. происходит распад «Координации». Это было связано, во-первых, с арестом троих рубщиков сахарного тростника, лидеров УТАА, в связи с подозрением в ограблении банка – Сантаны, Вике и Кастильо. Эти товарищи были важными участниками группы, их задержание деморализовало других активистов. Во-вторых, в начале 1965 г. исчезло оружие, экспропрированное накануне из оружейного магазина «Охотник». За это оружие несла ответственность группа в «Координации» под названием Движение поддержки крестьян (*“Movimiento de Apoyo Campesino”*, МАС). Исчезновение оружия также спровоцировало внутреннее напряжение в организации [3. Р. 43].

Для решения данных проблем было решено провести собрание в городке Парке дель Плата в мае 1965 г. Это собрание историк Н. Дюффо назвал «Симпозиум в Парке дель Плата». На нем состоялось пленарное заседание, где обсуждались основные политические перспективы организации [4. Р. 80]. Э. Фернандес Уидобро – один из исторических лидеров Тупамарос, министр обороны Уругвая с 2011 по 2016 г. – видел в собрании «кульминацию и отправную точку движения» [5]. В результате встречи были сформулированы ключевые положения, которые легли в основу Движения за национальное освобождение – Тупамарос. Всего их было девять.

1. Необходимость вооруженной борьбы для противостояния политическому и социальному кризису в Уругвае.

2. Ключевая тактика – городская герилья в Монтевидео.

3. Революционный процесс в Уругвае должен быть частью континентального.

4. Необходимо быть готовыми к иностранной интервенции, которая непременно произойдет в случае победы революции или успешного продвижения к ней.

5. Движение носит национально-освободительный характер. Главная цель – приход к власти и социалистическая революция.

6. Необходимо разработать особую тактику борьбы в Уругвае, опираясь на его географические и демографические особенности.

7. Организация должна базироваться на самоуправлении, так как рабочее и общественное самоуправление – это модель общества, к которому стремится движение.

8. Традиционные левые партии погрузились в теоретические дразги и не могут предложить адекватный и эффективный способ выхода из сложившейся на данный момент ситуации.

9. Необходимо создать единую дисциплинированную организацию с единым руководством и уставом [6. Р. 62–63].

В результате собрания были приняты следующие решения. 1. Объединить все материальные и человеческие ресурсы в одной новой организации. 2. Активистам, вступавшим в эту организацию, необходимо было выйти из других политических организаций, в которых они состояли. 3. С этого момента создавалось отдельное руководство – Исполнительный комитет (ИК), который состоял из Р. Сендика, Т. Риверо, Э. Фернандеса Уидобро и С. Бенавидеса. 4. Принятые на собрании решения носили временный характер до созыва Национального собрания (*Convención Nacional*). Задача созыва Национального собрания была поручена Исполнительному комитету. Необходимо было выполнить ее в кратчайшие сроки. 5. Создавалась специальная комиссия, которая заведовала хранением оружия. 6. Был одобрен Устав организации [5. Р. 75].

Опираясь на принятые соглашения и на опыт, полученный в период «Координации», была сформирована новая организация, получившая название Движение за национальное освобождение – Тупамарос (*“Movimiento de Liberación Nacional – Tupamaros”*, далее МЛН/МЛН-Т. – Э.З.). Приблизительно 2/3 бывших участников «Координации» влились в МЛН, образовав три группы. «Первая группа состояла из выходцев из Социалистической партии. В нее, среди прочих, входили Рауль Сендик, Хорхе Манера, Хулио Мареналес, Амодио Перес, Алисия Рей, Исмаэль Бассини и Табаре Риверо. Вторую группу сформировал Рауль Сендик, в нее вошли рубщики сахарного тростника, члены профсоюза УТАА. Третья группа – ребята из Ла Техи – в большинстве своем вышли из партии Восточное революционное движение, основанное А. Кольясо и отколовшееся от Национальной партии. <...> Ключевой представитель этой группы – Фернандес Уидобро, позже к ним присоединился Хосе Мухика, симпатизирующий анархизму» [7. Р. 35]. Таким образом, в одной группе объединились революционно настроенные социалисты и рубщики, анархо-синдикалисты и латиноамериканские националисты.

Структура организации

Структура этого движения Тупамарос не была горизонтальной, она имело следующую иерархию: Национальное собрание, Исполнительный комитет, колонны, ячейки, периферические группы. К последним относились Группы поддержки Тупамарос (*“Comandos de Apoyo a los Tupamaros”*, САТ). Последние не входили непосредственно в организацию, однако имели кон-

такт с ячейками и оказывали им разнообразную помощь. В основном их функции сводились к поиску и предоставлению необходимой информации, распространению листовок, прокламаций, а также использованию других методов пропаганды.

Структура и основные принципы МЛН-Т прописаны в Уставе Движения, который был разработан Э. Фернандесом Уидобро на встрече в Парке дель Плата и утвержден на первом Национальном собрании, состоявшемся в январе 1966 г. «Речь идет об организации, – пишет Э. Рей Тристан, – не слишком большой (от 50 до 5 000 человек), подпольной и организованной в ячейки, расположенные в Монтевидео и за его пределами. Организацией руководил Исполнительный комитет, избранный на I Национальном собрании и состоящий из Рауля Сендика, Табаре Риверо и Элеутерио Фернандеса» [8. Р. 126].

Высшим органом власти являлось *Национальное собрание*. Оно должно было созываться каждые 18 месяцев. Национальное собрание могло изменить Устав организации, разработать политическую программу движения, распустить МЛН [9. Р. 87–93]. Всего с 1965 по 1973 г. удалось провести два Национальных собрания. Третье национальное собрание прошло в 1985 г. после падения диктатуры в Уругвае и амнистии лидеров Тупамарос.

Национальное собрание избирало *Исполнительный комитет (ИК)*, наделенный полнотой власти в перерывах между съездами Национального собрания. Состав ИК в целях безопасности держался в секрете и мог быть изменен только на Национальном собрании или посредством единогласной кооптации. «Решение об изгнании участника из Движения принимал Исполком. Он же разрабатывал стратегические планы и осуществлял наказание провинившихся. Разработка документов также была в их руках» [10. Р. 151].

В результате социального взрыва 1968 г. радикализировались общественные настроения и расширилось политическое насилие как со стороны государства, так и со стороны общества. Нарушение прав человека, применение пыток полицейскими и военными привели к активизации радикальной оппозиции. Государственное насилие ускорило процесс вступления в вооруженные левые организации многих противников режима. На этом фоне численность МЛН-Т значительно возросла, что потребовало от Тупамарос организационных изменений.

В 1968 г. впервые появляются *колонны* как самодостаточные объединения, гарантировавшие движению выживание в случае репрессий. Колонна задумывалась как «структурное военно-политическое объединение, которая имеет широчайшую автономию (самостоятельное функционирование, действия боевых групп и агитаторов, обеспечение инфраструктуры, периферийной поддержки и т.д.). Задача-максимум для колонны – быть в состоянии действовать автономно и создавать для этого всевозможные условия. Каждая колонна должна быть готова продолжать борьбу во имя МЛН. Даже когда вся остальная часть организации разрушена, необходимо располагать собственными средствами для восстановления разрушенного» [11. Р. 278].

К концу 1960-х существовало достаточно много колонн, некоторые из которых до сих пор неизвестны. Численность колонн варьировалась от 50 до

250 человек, не считая групп поддержки. Как правило, колонны делились на три сектора – военный, политический и технический. Во главе стояла группа из трех человек, которым подчинялось несколько субкоманданте. Военный сектор состоял приблизительно из 25 человек, хотя в отдельных операциях могли участвовать другие части колонны. Ячейки связывались с руководством посредством субкоманданте [12. Р. 102].

К 1970 г. существовало пять наиболее важных и крупных колонн: 5-ую (ранее 1-ю) и 10-ю (ранее 3-ю) возглавлял Э. Фернандес Уидобро, 7-й руководил Рауль Сендик. Главой 15-й (позже из нее отделится 40-я колонна) был Амодио Перес. Это была наиболее военизированная колонна. Она состояла по большей части из студентов, старшеклассников и рабочих с фабрики Альпаргатас. Особой колонной была 70-я. Ее возглавлял Маурисио Росенкоф, бывший член Коммунистической партии. Эта колонна была наиболее мирной и политизированной из всех. В отличие от других колонн, разделенных на три сектора – военный, политический и технический, 70-я колонна была организована в три фронта – студенческий, рабочий и районный [3. Р. 63–64]. К концу 1971 г. колонна М. Росенкоф насчитывала около 2200 человек [2. Р. 257].

В 1971 г. возникла колонна «Ожерелье». Она быстро росла в плане численности, инфраструктуры и вооружения. В нее входили группы, территориально расположенные в округе столицы. «Идея заключалась в том, чтобы создать подвижную колонну, которая могла бы контролировать «ожерелье» вокруг Монтевидео, чтобы в случае необходимости было возможно изолировать столицу от остальной части страны» [12. Р. 115].

Среди тупамарос возник особый род самоидентификации с колонной и своеобразное соперничество между колоннами. Товарищи вместе участвовали в разработке и осуществлении рискованных операций и сильно сближались в условиях подполья. В некоторых случаях группы отказывались переходить из одной колонны в другую, даже нарушая прямой приказ начальства [2. Р. 255].

Базовым органом МЛН-Т была *ячейка*. Она могла быть организована где угодно. Минимальное количество участников, которые могли сформировать ячейку – двое, хотя в среднем ячейки состояли из 4–7 человек. В каждой ячейке Исполнительный комитет назначал представителя ячейки и его заместителя. Представитель поддерживал связь с вышестоящими органами. Для решения о проведении акции, получения информации, выдвижения инициатив, критики и т.д. представитель организовывал собрание ячейки, которая действовала как коллегиальный орган, выполняющий указания Исполкома или самостоятельно разработанные акции. Ячейки никак не пересекались между собой в целях безопасности [7. Р. 89]. По этой же причине существовало требование скрывать реальные имена участников ячейки от остальных, используя при этом псевдонимы. Последнее правило часто нарушалось.

Стратегический централизм и самоуправление

Говоря об отношениях между руководством организации, представленным Исполнительным комитетом и подчиненными ему структурными

подразделениями, следует отметить, с одной стороны, вертикальную иерархию, а, с другой, широчайшую автономию колонн и ячеек. Самостоятельность структурных частей МЛН была крайне важным принципом. Многие исследователи видят в данном обстоятельстве сильное влияние анархо-синдикализма [См. напр.: 3; 7; 13]. Принцип сочетания широчайших полномочий Исполнительного комитета и максимального самоуправления ячеек был оговорен в 19 статье Устава. «МЛН должно быть готово применить, когда необходимо, принцип стратегического централизма совместно с тактической автономией, чтобы каждый сектор и каждое структурное подразделение могли действовать оперативно» [9. Р. 89].

Вопрос о централизме и автономии подробно освещен в Документе № 2: «Принципы демократического централизма, адаптированные для каждого исторического этапа, должны быть положены в основу нашего Движения. <...> Демократический централизм несет в себе неразрешимое противоречие между централизмом и демократией, противоречие, которое не является враждебным и не может таким быть в лоне революционной организации или в социалистическом обществе. Искомый идеал – это равновесие между демократией и централизмом. Но на определенных исторических этапах, в определенные исторические моменты по необходимости нужно разбалансировать эту систему» [11. Р. 252–253].

В зависимости от обстоятельств нужно укреплять, либо ослаблять одну из составляющих. В случае наличия серьезной угрозы Движению необходимы жесткое подчинение центру и скоординированность действий всей организации, чтобы иметь возможность мгновенно реагировать на ситуацию. Социалистическое строительство после победы революции и разгрома главных врагов требует применения широкого демократического принципа. «Но даже в этих условиях и из-за того, что на этапе строительства социализма не прекращается классовая борьба, есть всем известные примеры, которые показывают необходимость усиливать вертикаль власти и, следовательно, ограничивать демократические возможности» [11. Р. 252–253].

От данного вопроса в том числе зависела дисциплина тупамарос. В частности, были случаи, когда активисты движения отказывались исполнять приказы Испокома, обосновывая свой отказ теми или иными причинами. На начальных этапах многие пренебрегали правилами безопасности, что стало критичным после 1968 г. В Документе № 4 руководство МЛН выражает серьезное беспокойство по этому поводу и призывает к усилению бдительности и соблюдению всех мер безопасности [11. Р. 275–277]. Тем не менее, не стоит преуменьшать роль дисциплины. Безусловно, в Движении существовали большие возможности для самокритики. На собраниях ячеек каждый высказывался свободно, во время планирования операции можно было вносить предложения и замечания. Когда же окончательно утверждался план действий, приказы исполнялись строго [10. Р. 151].

Важную роль играли высоко дисциплинированные лидеры, служившие образцом для подражания. М. Росенкоф рассказывал: «...мы не создаем партию с политическим секретариатом, который из-за своего письменного стола приказывает активистам – «идите, сражайтесь!», нет, мы сами принимали

активное участие в борьбе. Это составляло первое этическое правило» [12. Р. 25]. Несмотря на то, что тупамарос не признавали культа лидеров, основатели движения – Р. Сендик, Э. Фернандес Уидобро, М. Росенкоф, Х. Мареналес и другие – пользовались неоспоримым авторитетом. Лидеры были важны – они разрабатывали планы, руководили колоннами, операциями, распределяли задачи, определяли, когда надо действовать. Особенно выделялся Рауль Сендик, которого тупамарос по-дружески называли Бебе. Он был аскетичен и строг к себе, при этом добр к окружающим [14. Р. 35]. Во времена создания УТАА и маршей на Монтевидео Сендик разделял с рубщиками все тяготы и лишения, он был прост и непритязателен. «Я восхищался Сендиком, потому что он был тем, кто всегда на передовой и готов жертвовать собой» (Матео) [10. Р. 155].

Х. Бордас Мартинес выделяет три фундаментальные характеристики структурной организации движения. МЛН были *гибкими* – они распадались под ударами репрессий и объединялись снова, в случае смягчения внешних обстоятельств благодаря деятельности незатронутых репрессиями ячеек и колонн. Движение было «*нержавеющим*», сложно было внести в его ряды серьезные идеологические разногласия по трем причинам: 1. Из-за отсутствия конкретики при теоретических разработках. 2. Низкой значимости идеологии, приоритета практики над теорией. 3. Идеологической эклектики. Организация была своеобразным «*сверхпроводником*» – контакты между участниками движения поддерживались даже в худших обстоятельствах и гарантировалось широкое распространение ее идей среди народа. Немаловажно было то, что тупамарос обращались к людям на простом языке, понятном каждому, что вызывало определенную симпатию со стороны населения [15. Р. 214].

Заключение

Движение за национальное освобождение – Тупамарос было задумано как политическая организация, которая прибегала к различным методам борьбы, в том числе и к вооруженной пропаганде с целью создания революционной ситуации и осуществления социалистической революции. В организационном плане они представляли собой движение, основанное на принципе демократического централизма, структурные части которого пользовались широкой тактической автономией. Концепция децентрализации была ключевой для данной организации, так как позволяла ей выживать под ударами репрессий и вести партизанскую войну в городских условиях на вражеской территории.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Thomas O. Moore, B.A. The Tupamaros: Uruguay's urban guerrillas. A thesis in history. Texas, 1978.
- [2] Aldrighi C. El Movimiento de Liberación Nacional Tupamaros (1965–1975). Estructura interna, fases de desarrollo y política de alianzas // Por el camino del Che. Las guerrillas latinoamericanas 1959–1990. Buenos Aires: Imago Mundi, 2011. Pp. 243–283.
- [3] Bordas Martínez J. Tupamaros: Derrota militar, doble metamorfosis política y victoria judicial y electoral [dissertation]. Madrid, 2014. 518 p.

- [4] Duffau, N. *El Coordinador (1963–1965). La participación de los militantes del Partido Socialista en los inicios de la violencia revolucionaria en Uruguay*. Montevideo: FHCE, 2008. 218 p.
- [5] Fernández Huidobro, E. *Historia de los Tupamaros. Tomo II: El comienzo*. Montevideo: TAE, 1987. 157 p.
- [6] Sasso, R. *Tupamaros. Los comienzos*. Montevideo: Fin de Siglo, 2010. 260 p.
- [7] Garcé, A. *Donde hubo fuego. El proceso de adaptación del MLN-Tupamaros a la legalidad y a la competencia electoral (1985–2004)*. Montevideo: Fin de Siglo, 2006. 254 p.
- [8] Rey Tristán, E. *A la vuelta de la esquina. La izquierda revolucionaria uruguaya (1955–1973)*. Montevideo: Fin de Siglo, 2006. 463 p.
- [9] Costa O. *Los Tupamaros*. México: Ediciones Era, 1971. 282 p.
- [10] Giorgi, A.L. *Culturas políticas rivales en la izquierda uruguaya de los sesenta. Jerarquía, autoridad y disciplina en comunistas, socialistas y tupamaros // Revista de Ciencias Sociales*. № 31, 2012. Pp. 143–166.
- [11] Harari, J. *Contribución a la historia del ideario del M.L.N. Tupamaros*. Montevideo: Editorial Plural, 1987. 442 p.
- [12] Aldrighi, C., Rosencof, M. *Memorias de insurgencia. Historias de vida y militancia en el MLN Tupamaros, 1965–1975*. Montevideo: EBO, 2009. 456 p.
- [13] Aldrighi, C. *La izquierda armada: ideología, ética e identidad en el MLN-Tupamaros*. Montevideo: Ediciones Tricle, 2001. 240 p.
- [14] Cultelli, A. *La revolución necesaria. Contribución a la autocrítica del MLN Tupamaros*. Buenos Aires: Colihue, 2006. 164 p.
- [15] Bordas Martínez, J. *Identidades y reivindicaciones de los nuevos movimientos sociales // Felix Tezanos, J. Tendencias en identidades, valores y creencias*. Madrid: Edición Sistema, 2004. Pp. 205–243.

REFERENCES

- [1] Thomas O. Moore B.A. *The Tupamaros: Uruguay's urban guerrillas*. [thesis in history]. Texas, 1978.
- [2] Aldrighi C. *El Movimiento de Liberación Nacional Tupamaros (1965–1975). Estructura interna, fases de desarrollo y política de alianzas*. In: Pozzi PA, Pérez C, editors. *Por el camino del Che. Las guerrillas latinoamericanas 1959–1990*. Buenos Aires: Imago Mundi; 2011. p. 243–283.
- [3] Bordas Martínez J. *Tupamaros: Derrota militar, doble metamorfosis política y victoria judicial y electoral [dissertation]*. Madrid, 2014. 518 p.
- [4] Duffau N. *El Coordinador (1963–1965). La participación de los militantes del Partido Socialista en los inicios de la violencia revolucionaria en Uruguay*. Montevideo: FHCE; 2008. 218 p.
- [5] Fernández Huidobro E. *Historia de los Tupamaros. Tomo II: El comienzo*. Montevideo: TAE; 1987. 157 p.
- [6] Sasso R. *Tupamaros. Los comienzos*. Montevideo: Fin de Siglo; 2010. 260 p.
- [7] Garcé A. *Donde hubo fuego. El proceso de adaptación del MLN-Tupamaros a la legalidad y a la competencia electoral (1985–2004)*. Montevideo: Fin de Siglo; 2006. 254 p.
- [8] Rey Tristán E. *A la vuelta de la esquina. La izquierda revolucionaria uruguaya (1955–1973)*. Montevideo: Fin de Siglo; 2006. 463 p.
- [9] Costa O. *Los Tupamaros*. México: Ediciones Era; 1971. 282 p.
- [10] Giorgi AL. *Culturas políticas rivales en la izquierda uruguaya de los sesenta. Jerarquía, autoridad y disciplina en comunistas, socialistas y tupamaros*. *Revista de Ciencias Sociales*. 2012. N 31. p. 143–166.
- [11] Harari J. *Contribución a la historia del ideario del M.L.N. Tupamaros*. Montevideo: Editorial Plural; 1987. 442 p.
- [12] Aldrighi C, Rosencof M. *Memorias de insurgencia. Historias de vida y militancia en el MLN Tupamaros, 1965–1975*. Montevideo: EBO; 2009. 456 p.

- [13] Aldrichi C. La izquierda armada: ideología, ética e identidad en el MLN-Tupamaros. Montevideo: Ediciones Tricle; 2001. 240 p.
- [14] Cultelli A. La revolución necesaria. Contribución a la autocrítica del MLN Tupamaros. Buenos Aires: Colihue; 2006. 164 p.
- [15] Bordas Martínez J. Identidades y reivindicaciones de los nuevos movimientos sociales. In: Felix Tezanos J. Tendencias en identidades, valores y creencias. Madrid: Edición Sistema; 2004. p. 205–243.

Research article

Organizational structure of the Tupamaros National Liberation Movement in Uruguay (1965–1972)

E.V. Zizeva

Department of Modern and Contemporary History of Europe and America
Faculty of History, Lomonosov Moscow State University
27 Lomonosovsky Prospekt, bldg. 4, Moscow, Russian Federation, 119192

The article represents the first in Russian historiography attempt to consider in detail the structure of the revolutionary organization Tupamaros National Liberation Movement that acted in Uruguay in the 1960s and early 1970s. Due to the fact, that the Movement was clandestine, the data on the structure, strength, members could be reconstructed from both official documents and memoirs of members and leaders of the Movement. There are a lot of eminent persons of the contemporary history of Uruguay among them – ex President José Mujica, Vice President Lucía Topolansky, former Minister of Defense Eleuterio Fernández Huidobro and other important public figures. The study reveals the structural framework of the Tupamaros Movement and shows how were applied in practice two conflicting principles of the democratic centralism and internal autonomy of structural units of the organization.

Key words: Tupamaros, revolutionary movements of Latin America, radical left movements, history of Uruguay in the XX century

Информация об авторе / Information about the author

Зизева Элина Викторовна – аспирант кафедры Новой и новейшей истории стран Европы и Америки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: elina.zizeva@gmail.com.

Elina V. Zizeva – postgraduate student at the Department of Modern and Contemporary History of Europe and America, Lomonosov Moscow State University (MSU). E-mail: elina.zizeva@gmail.com.

Для цитирования / For citation

Зизева Э.В. Организационная структура Движения за национальное освобождение Тупамарос в Уругвае (1965–1972 гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2020. Т. 12. № 3. С. 292–301. DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-3-292-301

Zizeva E.V. Organizational structure of the Tupamaros National Liberation Movement in Uruguay (1965–1972) // RUDN Journal of World History. 2020. Vol. 12. № 3. P. 292–301. DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-3-292-301

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 01.03.2020

РЕЦЕНЗИИ REVIEWS

DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-3-302-305

Научная статья

Будущее без сценария. Размышления над публикацией С. Иванова «Как коронавирус изменит Россию и мир? Сценарии будущего»

С.А. Воронин

Российский университет дружбы народов
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, 6

Как правило, когда речь заходит о материалах, вызывающих научно-политическую дискуссию и полемику, первой фразой оппонента нередко бывает следующая: «С большим интересом и немалой пользой для себя ознакомился ...» и далее имярек.

В отношении статьи Станислава Иванова, ведущего научного сотрудника Центра международной безопасности ИМЭМО РАН, подобную формулировку можно употребить с большой натяжкой. К великому сожалению, несмотря на научную степень, а автор – кандидат исторических наук, немалый научный опыт и стаж – С.М. Иванов прошел научную школу ИВ РАН, ИМЭМО РАН – в обзоре, опубликованном в ИА «Реалист» под интригующим и многообещающим названием «Как коронавирус изменит Россию и мир? Сценарии будущего» [1], читатель не может ознакомиться ни с изменениями в мире, ни со сценариями развития ситуации. Как говорили на одном из заседаний диссовета крупного московского ВУЗа: «В этом аналитическом тексте мы не увидели ни текста, ни аналитики».

Теперь, однако, самое время перейти к тезисам автора, с которыми крайне трудно согласиться. Общий лейтмотив статьи таков: на фоне пандемии коронавируса мир входит в очередной финансово-экономический кризис, однако изменений во внутренней и внешней политике ведущих стран мира не произойдет.

В этой связи сразу хотелось бы высказать ряд соображений. Трудно понять логику автора, точнее его скольжение по поверхности геополитики

© Воронин С.А., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

мира. Очевидно, что автор весьма слабо знаком с современной аналитикой. Хотелось бы задать ему ряд вопросов. Знаком ли он с аналитическими материалами, обширно публикуемых в СМИ? А ведь почти 90% ведущих экспертов РФ, США, КНР и Европы склоняются к тезису о том, что коронавирус приведет к глобальным изменениям во внутренней и внешней политике, более того, будет трансформирован весь жизненный уклад человечества.

Также хотелось бы заострить внимание автора на том, что ученому мужу негоже использовать бытовую формулировку «финансово-экономический кризис», т.к. аксиоматично известно, что финансы являются составляющей частью экономики. Спорным является утверждение С. Иванова о том, что Россия может оказаться наиболее слабым звеном в мировой экономике в связи с падением цен на энергоносители. Очевидно, что слабым звеном мировой экономической цепочки сегодня выступают США в связи с проблемой реализации сланцевой нефти, танкерами с которой забит Гудзон, с опасностью обрушения их финансовой системы, с огромным внешним госдолгом и трудностями для переизбрания Трампа на фоне коронавируса осенью 2020 года. Продолжая свою мысль об опасностях мирового кризиса для РФ, автор видит выход из сложившейся ситуации в реформе власти и экономики. Что ж, надо сказать, рецепт не оригинален. Примерно также вопрос ставился 150 лет назад. Какие же характеристики политики действующей политической системы РФ вызывают критику автора?

Прежде всего, роль и значение Президента. С. Иванов полагает, что ресурс президентской республики в России исчерпан и ссылается по традиции на опыт политической системы США.

Вызывает удивление непонимание автором азбучных истин. Россия с ее огромным пространством, протяженностью территорий, многонациональным и полирелигиозным населением может эффективно функционировать исключительно в рамках империи или президентской республики. Это было понятно даже западникам-либералам, разрабатывающим российскую конституцию 1993 г. Очевидно, что переход к парламентской республике будет выступать в сущности актом самоликвидации российской государственности.

Опыт США в этом плане также весьма зыбок. Пример, приведенный автором, сомнителен, президента США (любого, речь не только о Трампе) весьма условно можно считать самостоятельной фигурой. Трудно разделить убеждения автора, что президент назначает министров и руководит их работой. Президент США – это временный управделами. Он неукоснительно выполняет волю олигархических групп. А в тех случаях, когда он пытается проявлять хотя бы толику самостоятельности, его, как правило, физически устраняют. Трагический пример Дж. Ф. Кеннеди в этом тоже весьма показателен.

С. Иванов выступает с весьма наивным и исторически ошибочным призывом к России в духе горбачевско-сахаровской эпохи выйти из международной изоляции, вернуть атмосферу братства, дружбы и сотрудничества с Западом времен встречи на Эльбе.

Поразительно, но причитания русской и российской интеллигенции несколько не меняются с течением веков. В данном случае вызывает недоуме-

ние, что с призывом покончить с конфронтацией с Западом выступает профессиональный историк, кандидат наук. В рамках нашей дискуссии нет места и времени (да и, признаться, желания) для чтения лекций о противостоянии России и Запада, берущего свои истоки с 1054 года. Мы не станем подробно напоминать Иванову о многочисленных крестовых походах на Русь с целью ее окатоличивания, о международных санкциях и попытках изолировать Россию времен Ивана Грозного, о целом пласте русофобской литературы на Западе начиная с XIX в. и по наши дни. Напомним ему лишь об одном, о том, что спустя лишь несколько месяцев, прошедших после встречи на Эльбе, в США уже оформился план нанесения массированного ядерного удара по СССР, печально известного под кодовым названием «Немыслимое».

Искренней и теплой дружбы РФ и Запада существовать по определению не будет. Это исторический факт. Максимально к чему можно стремиться, так это уйти от открытой конфронтации. Перейти к сдержанным партнерским отношениям, понимая, что мы и они – разные, представляем разные цивилизации с разным культурно-историческим кодом. Но несмотря на эти различия, мы можем и должны жить в мире.

И наконец, последнее обстоятельство, на котором хотелось бы заострить внимание. С. Иванов призывает к созданию атмосферы конкуренции в общественно-политической жизни страны и выступает с резкой критикой парламентских фракций ГД РФ.

Он пишет: «На смену созданных властью и окончательно потерявших авторитет в обществе Единой России, КПРФ, Справедливой России и ЛДПР должны прийти созданные снизу самими гражданами партии»...

С этим утверждением автора мы категорически не согласны.

Разве не известно автору, что коммунистическая партия была создана в 1903 г. на съезде РСДРП в Лондоне? Какая власть их создала? Российский император? С тем, чтобы они потом ее и низвергли?

Разве не известно автору, что ЛДПР была инициативой масс, это первая политическая партия России, созданная усилиями снизу, которая шагнула от квартирных собраний на политический Олимп современной России, и в прошлом году отметила свой 30-летний юбилей.

И завершая несколько рекомендаций автору, с учетом вышеизложенных тезисов – предлагаю для начала сменить название его статьи. Как вариант, «Невыученные уроки истории: будущее без сценария».

В оценках и суждениях автору необходимо преодолеть экономию мышления, видеть и анализировать исторические процессы в рельефе, а не на плоскости. В противном случае дальнейшие научные исследования автора неизбежно будут завершаться не прогнозом сценария будущего, а невыученными уроками истории.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- [1] С.М. Иванов. Как коронавирус изменит Россию и мир? Сценарии будущего <http://realtribune.ru/news/world/4147>

Информация об авторе / Information about the author

Воронин Сергей Анатольевич – д.и.н. профессор, зав. кафедрой всеобщей истории РУДН. E-mail: voronin_sa@pfur.ru.

Voronin S.A. – PhD in History, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow.

Для цитирования / For citation

Воронин С.А. Будущее без сценария. Размышления над публикацией С. Иванова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2020. Т. 12. № 3. С. 302–305. DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-3-302-305

Voronin S.A. A future without a script. Reflections on the publication of S. Ivanov // RUDN Journal of World History. 2020. Vol. 12. № 3. P. 302–305. DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-3-302-305

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 13.04.2020

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК
